

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

12

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

ЦИМБЕЛИН

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

БУРЯ

Вильям Шекспир
William Shakespeare
полное собрание сочинений
в 14 томах

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

CYMBELINE

THE WINTER'S TALE

THE TEMPEST

МОСКВА
«ТЕППА»—«TERRA»
1996

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 12

ЦИМБЕЛИН

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

БУРЯ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1996

**ББК 84.4 (Вл)
Ш41**

**Внешнее оформление художника
*А. Машезерской***

**В оформлении издания использованы рисунки
*Джона Джильберта (J. Gilbert), р. 1817,
Роберта Смирка (R. Smirke), 1752—1845,
Лесли (C. R. Leslie, R. A.), 1794—1859,
Вильяма Гамильтона (W. Hamilton),
Генриха Гофмана, Сарджента, Джотто и Андреа Пизано,
других художников
начала XVII — конца XIX веков***

**Издание подготовлено
АОЗТ «ФОРМИКА» (Санкт-Петербург)**

**Шекспир Вильям
Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 12/ Художник
А. Машезерская; Примечания А. Смирнова. — М.: ТЕР-
РА, 1996. — 608 с.: ил.**

**ISBN 5-300-00257-7 (т. 12)
ISBN 5-85255-192-9**

**В двенадцатый том собрания сочинений В. Шекспира включены
пьесы «Цимбелин», «Зимняя сказка» и «Буря». Тексты примечаний
составлены А. Смирновым.**

**Ш 4703010300-008 Подписное
А30(03)-96**

ББК 84.4 (Вл)

**ISBN 5-300-00257-7 (т. 12)
ISBN 5-85255-192-9**

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

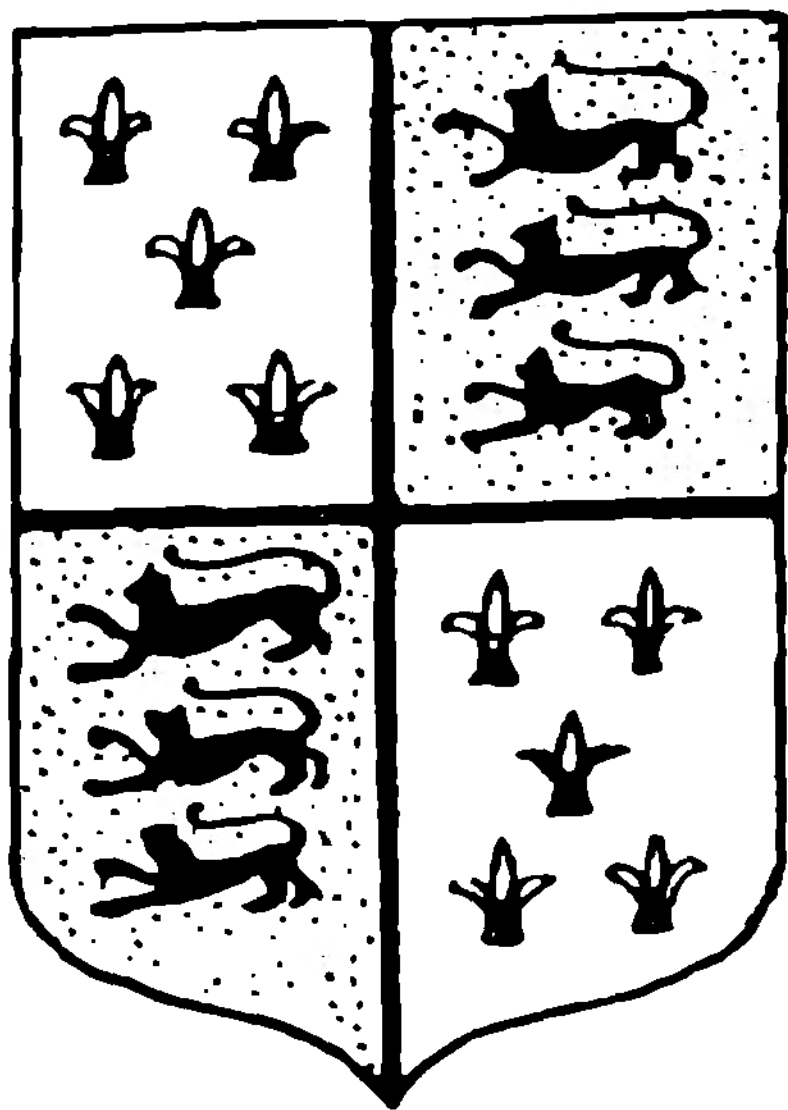
ШЕКСТИР

Цимбелин

трагедия в V актах

Перевод П.Мелковой

Действующие лица

Цимбелин, король Британии.

Клотен, сын королевы от первого брака.

Леонат Постум, муж Имогены.

Беларий, изгнанный вельможа, скрывающийся
под именем Моргана.

Арвираг		сыновья Цимбелина,
Гвидерий		скрывающиеся под именами Полидора и Кадвала, названных сыновей Моргана.

Филарио , друг Постума		итальянцы.
Якимо , друг Филарио		

Француз, друг Филарио.

Кай Луций, римский полководец.

Римский военачальник.

Два британских военачальника.

Пизанио, слуга Постума.

Корнелий, врач.

Два дворянина.

Два тюремщика.

Королева, жена Цимбелина.

Имогена, дочь Цимбелина от первого брака.

Елена, прислужница Имогены.

Вельможи, дамы, римские сенаторы,
трибуны, призраки, прорицатель, голландец,
испанец, музыканты, офицеры, солдаты,
гонцы и слуги

Место действия — Британия и Италия.

АКТ I

Сцена 1

Британия. Сад за дворцом Цимбелина.

Входят два дворянина.

Первый дворянин

Кого ни встретишь — вид у всех унылый.
Не столь покорен дух наш небесам,
Сколь королю придворные. Все тщатся
Монарху подражать.

Второй дворянин

Но что случилось?

Первый дворянин

Дочь и наследницу свою король
За сына королевы прочил замуж
(Король ведь на вдове женат); а дочь
Другого полюбила; он хоть беден,

Но человек достойный. Брак свершился,
И вот она в темнице, он — в изгнание.
Все с виду хмуры, хоть один король
Скорбит глубоко.

Второй дворянин

Только ли король?

Первый дворянин

И тот, кто потерял ее, конечно;
И королева, жаждавшая сына
На ней женить. А те, кто носит маску
Печали на глазах у короля,
В душе ликуют, радуясь причине
Своей притворной грусти.

Второй дворянин

Почему же?

Первый дворянин

Тот, кто принцессу упустил, так низок,
Что недостойн даже низких слов.
А тот, кто овладел (ее рукою —
Хотел сказать я) и за это изгнан,
Таков, что, обойди хоть целый мир,
И все равно нигде найти не сможешь
Соперника ему по совершенной,

ЦИМБЕЛИНЪ

Титульный лист к "Цимбелину" художника Дж. Джилльберта

Не знающей изъянов красоте
Души и тела.

Второй дворянин

Похвала чрезмерна.

Первый дворянин

Нет, только соразмерна. Я скорее
Приуменьшил достоинства его,
Чем переоценил.

Второй дворянин

Кто он? Откуда?

Первый дворянин

Я знаю род его лишь в двух коленах.
Его отец Сицилий славно бился,
Когда Кассивелаун шел на римлян,
Потом служил Тенанцию, который
Пожаловал ему за храбрость земли
И Леонатом за нее прозвал.
Еще двух сыновей имел Сицилий;
Те пали на войне с мечом в руках,
И он (уж старый и детей любивший)
Удара этого не снес и умер.
Его жена, родив на свет того,
О ком здесь речь, скончалась. Наш король

Берет на попечение младенца
И нарекает: Постум Леонат;
Растит и делает пажом; дает
Все знания, что юности доступны,
И мальчик их впивает словно воздух —
Учителя за ним не поспевают.
А вскоре зримы стали и плоды:
Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах —
Зерцалом совершенства, и для старцев
Поводырем. Принцесса доказала,
Его избрав (за что понес он кару),
Как высоко она его ценила,
И явствует из выбора ее,
Что он за человек.

Второй дворянин

Его я чту
По одному уж вашему рассказу.
А дочь у короля одна?

Первый дворянин

Одна.
Двух сыновей имел он, — коль угодно,
Я расскажу. Был старший сын трех лет,
Второй еще грудным, когда обоих

Похитили из детской, и о них
Никто доныне ничего не знает.

Второй дворянин
А сколько лет с тех пор минуло?

Первый дворянин
Двадцать.

Второй дворянин
Украсть детей у короля? Неужто
Так плохо стерегли их и искали,
Что не нашли следов?

Первый дворянин
Да; как ни странно,
Как ни смешна подобная небрежность,
Но это так...

Второй дворянин
Я верю вам вполне.

Первый дворянин
Нам надо удалиться: вон идут
Сам Постум, королева и принцесса.

Уходят.

Входят королева, Постум и Имогена.

К о р о л е в а

Нет, дочь моя, поверь: хоть и клеветают
На мачех часто, нет во мне и тени
Враждебных чувств; ты узница моя,
Но твой тюремщик сам тебе вручает
Ключ от темницы. — Постум, а за вас
Ходатайствовать буду я, как только
Смягчить сумею сердце короля.
Сейчас он в гневе; право, вам бы лучше
На время подчиниться приговору.
Пусть разум вас вооружит терпением.

П о с т у м

Я еду.

К о р о л е в а

Да, опасность велика.
Терзаниям любви запретной вашей
Сочувствуя, я выйду в сад, хоть вас
Король вдвоем велел не оставлять.

(Уходит.)

И м о г е н а

О доброта притворная! Как нежно
Змея ласкает жертву, больно жаля. —
Супруг любимый! Страшен гнев отца,
Но надо мной, хранящей долг священный,

Его бессильна ярость. Уезжай!
Я ж под обстрелом злобных глаз останусь
И силу жизни буду черпать в том,
Что я тобой — сокровищем — владею,
Что свидимся мы вновь.

П о с т у м

Моя царица!

Любовь моя! О милая, не плачь,
Иначе повод я подам к упрекам
В чувствительности большей, чем мужчине
Пристало. Буду самым верным я
Из всех мужей, святую клятву давших.
Филарио, друг моего отца,
Мне в Риме даст приют, хоть лишь по письмам
Мы с ним знакомы. Мне туда пиши,
Владычица моя; я стану жадно
Впивать слова твои, хотя б из желчи
Чернила были.

Входит королева.

К о р о л е в а

О, скорей! Расстаньтесь!
Коль явится король, то на меня.
Падет его неистовая злоба.

(В сторону.)

Я приведу его сюда сама;

Поссорившись со мной, он щедро платит
Потом за примирение.

(Уходит.)

П о с т у м

Когда бы
Всю жизнь прощались мы, разлуки горечь
Все только возрастала бы. Прощай!

И м о г е н а

Нет, погоди немного!
Ведь даже на прогулку уезжая,
Со мною дольше бы прощался ты.
Смотри — вот перстень матери моей.
Возьми его, любимый, и храни,
Пока другой жены не изберешь,
Когда меня не станет.

П о с т у м

Что? Другой?
О небеса, мне эту сохраните!
Ее одну! Пусть смерть меня избавит
От ласк другой жены.

(Надевая кольцо.)

Останься здесь,
Пока я жив.— Прекрасная моя!
Когда свою ничтожность дал в обмен

Я за любовь твою, неисчислимый
Убыток понесла ты,— так и ныне
Я выгадал, подарками меняясь.
Возьми на память и носи вот эти
Любви оковы; их я надеваю

(Надевает ей на руку браслет.)
На узницу прелестную.

И м о г е н а

О боги!
Когда ж опять мы свидимся?

Входят Цимбелин и вельможи.

Король!

Ц и м б е л и н

Бесчестный, вон! Прочь с глаз моих! И если
Ты двор еще хоть раз обременишь
Присутствием своим, конец тебе!
Ты яд в крови моей!

П о с т у м

Храни вас небо
И всех достойных здесь. Я ухожу.

(Уходит.)

И м о г е н а

У смерти мук ужасней быть не может!

Прощание Имогены и Постума. Рисунок Дж. Джильберта

Ц и м б е л и н

Ты, лживая преступница! Могла бы
Ты молодость мою вернуть — так нет,
Меня ты на год старишь.

И м о г е н а

Государь,
Себе волненьем злобным не вредите,
Ваш гнев меня не тронет. Скорбь во мне
Убила страх и совести укоры.

Ц и м б е л и н

И послушанье? Кротость?

И м о г е н а

Тем, кто был
Лишен надежды, чуждо послушанье.

Ц и м б е л и н

Принц должен был твоим супругом стать!

И м о г е н а

И счастье, что не стал. Орла избрав,
Я коршуна отвергла.

Ц и м б е л и н

Ты нищего взяла! Хотела ты
Ничтожество на трон мой возвести?

И м о г е н а

Нет, новым блеском трон ваш озарить.

Ц и м б е л и н

И это дочь моя? Ах, негодяйка!

И м о г е н а

Вы, вы виной, что Постума люблю я!
Вы нас растили вместе. Он достоин
Прекраснейшей из всех на свете женщин!
Я перед ним ничто!

Ц и м б е л и н

Она безумна!

И м о г е н а

Почти!— О небо, помоги!— Ах, если б
Отец мой был пастух, а Леонат
Сын пастуха-соседа!

Входит королева.

Ц и м б е л и н

Замолчи!

(Королеве.)

Они опять встречались!— Мой приказ
Нарушили вы вновь.— Убрать ее,
И под замок!

К о р о л е в а

Ах, успокойтесь! Тише!—
Дочь милая, сдержись!— Мой повелитель,
Оставьте нас одних и постарайтесь
Развлечься...

Ц и м б е л и н

Нет. Пусть день за днем от горя
Кровь иссыхает в ней! Пускай она,
Состарившись, умрет в своем безумье.

(Уходит.)

К о р о л е в а
(Имогене)

Стыдись же! Уступи!

Входит П и з а н и о.

Вот твой слуга.

(К Пизанио.)

Что скажешь?

П и з а н и о

Сын ваш только что напал
На господина моего.

К о р о л е в а

О небо!

Надеюсь я, несчастья не случилось?

П и з а н и о

Могло случиться, но хозяин мой
Скорей играл беззлобно с ним, чем дрался.
Поблизости случившиеся люди
Разняли их.

К о р о л е в а

Ах так? Я очень рада.

И м о г е н а

Ваш сын в ладу с моим отцом! Напасть
На изгнанного! Нет, каков храбрец!
В пустыне им сойтись бы, так с иглою
Стояла бы я рядом и колола
Того, кто отступает.— Почему
Ты господина своего оставил?

П и з а н и о

Он так велел и, не позволив в гавань
Его сопровождать, наказ мне дал,
Как вам служить,— коль вам угодно будет
Принять мои услуги.

К о р о л е в а

Он был верным
Слугою вам, и я могу поклясться,
Что будет им и впредь.

П и з а н и о

Благодарю вас.

К о р о л е в а
(Имогене)

Пройдемся вместе.

И м о г е н а
(к Пизанио)

Через полчаса
Поговорим. Ты сходишь на корабль
К супругу моему. Теперь оставь нас.

Уходят.

Сцена 2

Входят Клотен и двое вельмож.

Первый вельможа. Принц, я бы советовал вам переменить рубашку. Вы так распалены неистовым поединком, что пар валит от вас, как от только что принесенной жертвы. Зетер входит туда же, откуда выходит, но никакой ветер так не благоухает, как то, что испускаете вы.

Клотен. Я меняю рубашку, только когда она окровавлена. Вывел я его из строя?

Второй вельможа (в сторону). Ей-богу, нет. Даже из себя не вывел.

Первый вельможа. Вывели из строя? Если вы не ра-

нили его, значит, он весь — один дырявый скелет; у него не тело, а проезжая дорога для шпаг, если вы не ранили его.

Второй вельможа (*в сторону*). Его шпага избегала противника, как должник кредитора; она ходила стороной.

Клотен. Негодяй не мог устоять передо мною!

Второй вельможа (*в сторону*). Как же он мог устоять, когда не стоял, а шел прямо на тебя!

Первый вельможа. Кто устоит перед вами! У вас и так достаточно земель, а противник, отходя, уступал вам еще и ту землю, что была под ним.

Второй вельможа (*в сторону*). В ней не больше дюймов, чем у тебя океанов. Олухи!

Клотен. Ух, как я зол, что нас растащили!

Второй вельможа (*в сторону*). И я! А то бы ты шлепнулся и показал нам, какой длины бывает дурак врасстяжку.

Клотен. И как это она могла влюбиться в такого мерзавца и отказать мне!

Второй вельможа (*в сторону*). Да, если правильный выбор — грех, не спастись ей от вечного проклятия.

Первый вельможа. Принц, я всегда говорил вам, что ее красота и разум не в ладу друг с другом. Лицо ее так и светится красотой, но я не замечал, чтобы ум у нее был светлый.

Второй вельможа (*в сторону*). Еще бы! Она боится светить на дураков, чтобы ей не повредило отражение.

Клотен. Пойдем ко мне. Все-таки досадно, что из этой встречи не вышло беды.

Второй вельможа (в сторону). Не нахожу. Ну, убили бы осла — так это еще небольшая беда.

Клотен. Идете вы с нами?

Первый вельможа. Я вскоре последую за вами, принц.

Клотен. Ну нет, идем все вместе.

Второй вельможа. Извольте, ваше высочество.

Уходят.

Сцена 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Имогена и Пизанио.

Имогена

Хотела б я, чтоб врос ты в берег моря
И каждый вопрошал корабль. А вдруг
Напишет муж и не дойдет письмо?
Потеря эта то же, что утрата
Прощенья узнику! Какое слово
Последним он сказал?

Пизанио

“Моя принцесса”.

Имогена

Махал платком он?

Пизанио

Да, его целуя.

И м о г е н а

Бездушный холст счастливее меня!
И это все?

П и з а н и о

Нет, госпожа. Пока
Я мог средь прочих различать его,
На палубе стоял он и махал
Платком своим, перчаткой или шляпой,
И по его волненью было видно,
Что так же рвался он душой назад,
Как несся вдаль корабль.

И м о г е н а

Ты должен был
Глаз не сводить с него, пока не стал бы
Он меньше ворона.

П и з а н и о

Я так и сделал.

И м о г е н а

А я — я проглядела бы глаза,
А все следила бы за тем, как он
Становится все меньше, меньше, меньше
И тоньше кончика моей иглы;

Покуда он совсем бы не исчез,
Как мошка в воздухе; тогда лишь взор,
Рыдая, отвела бы. Ах, когда же,
Пизанио, о нем услышу я?

П и з а н и о

При первой же возможности, принцесса.

И м о г е н а

Я не простилась с ним, а мне хотелось
Еще так много важного поведать.
Когда мы расставались, не успела
Ему я ни сказать, как стану думать
И день и ночь о нем; ни клятву взять,
Что он мне в этом Риме не изменит
С какой-нибудь лукавой итальянкой;
Ни попросить, чтоб на рассвете, в полдень
И в полночь к небесам его молитва
Взлетала и встречала там мою;
Ни дать ему, слова любви прервав,
Прощальный поцелуй. Отец ворвался,
Подобно злому северному ветру,
И почки сбил, готовые расцвести.

Входит придворная дама.

П р и д в о р н а я д а м а

Вас ждет ее величество, принцесса.

Актриса Элен Терри в роли Имогены. Театр "Лицеум", Лондон, 1896

И м о г е н а
(к Пизанио)

Исполни все, что приказала я,
Иду я к королеве.

П и з а н и о

Все исполню.

Уходят.

Сцена 4

Рим. В доме Филарио.

Входят Филарио, Якимо, француз, голландец и испанец.

Я к и м о. Поверьте, синьор, я знал его в Британии. Слава его росла, и все ждали, что он оправдает те достоинства, которые ему теперь приписывают. Но я взирал на него без всякого восхищения, хотя уж и тогда рядом с ним вывешивали список его доблестей, так что я мог прочесть его по пунктам.

Ф и л а р и о. Ты говоришь о временах, когда он еще не обладал всеми теми совершенствами души и тела, которые украшают его теперь.

Ф р а н ц у з. Я встретил его во Франции, но там было немало людей, которые не хуже его умели смотреть на солнце, не жмурясь.

Я к и м о. А вся эта история с женитьбой на дочери короля! Его теперь судят скорее по достоинствам принцессы, чем по его собственным, потому так и превозносят.

Француз. И потом это изгнание...

Якимо. Вот-вот — сторонники принцессы, оплакивающие ее горе и печальную разлуку, как раз и рады возвеличить этого Постума. Своей хвалой они стараются доказать, что она сделала правильный выбор. Выйди она замуж за нищего, не обладающего всеми совершенствами, такой поступок не выдержал бы и самого легкого обстрела. Но каким образом он поселился у вас? Как вы завели с ним знакомство?

Филарио. Мы с его отцом оба были воинами, вместе сражались. И не раз я ему бывал обязан жизнью.

Входит Постум.

Вот идет наш британец. Примите его, как подобает людям вашего положения принять достойного чужеземца. (*Знакомит с Постумом.*) Прошу вас всех поближе познакомиться с моим благородным гостем и другом. Он достоин вашей дружбы, и время скоро убедит вас в его доблестях, поэтому сейчас, в его присутствии, я не стану воздавать ему хвалу.

Француз. По-моему, мы с вами уже встречались в Орлеане?

Постум. Да, и с того времени я ваш неоплатный должник. Вы оказали мне так мною любезностей, что, сколько бы я ни старался уплатить свой долг, я так и не смог бы расплатиться до конца.

Француз. О, вы преувеличиваете мою ничтожную услугу. Я рад был примирить вас с моим земляком. Было бы обидно, если бы такая пустячная ссора привела к кровавой развязке.

Постум. Простите, сударь, тогда я был молодым путеше-

ственником и предпочитал поступать по-своему, а не руководствоваться мнением людей более опытных. Теперь — прошу не считать это хвастовством — я стал рассудительнее и все же считаю, что повод для ссоры был в тот раз не так уж ничтожен.

Француз. Может быть, но, во всяком случае, не стоило решать спор мечами. Особенно таким противникам, как вы. Ведь ваш поединок мог кончиться только смертью одного или обоих.

Якимо. Не будет ли нескромностью спросить, что послужило причиной этой ссоры?

Француз. О нет! Ссора произошла публично, и нет никаких оснований о ней умалчивать. Это было очень похоже на наш вчерашний спор, когда каждый из нас превозносил красавиц своей страны. В те дни этот дворянин утверждал и был готов подтвердить свое мнение кровью, что его дама прекраснее, добродетельнее, умнее, а главное, неприступнее, чем самая прелестная дама Франции.

Якимо. А теперь либо эта дама скончалась, либо ее рыцарь уже не настаивает на своем утверждении?

Постум. Я остался при своем мнении, так же как она при своей добродетели.

Якимо. Но не станете же вы утверждать, что она превосходит наших итальянок?

Постум. Если меня к этому принудят, как тогда во Франции, я не отступлюсь от своего мнения; пусть даже меня сочтут не ее возлюбленным, а лишь поклонником ее совершенств.

Я к и м о. Как! Сравнить ее по красоте и добродетели с итальянками! Нет, это даже при игре словами слишком лестно для любой британской дамы! Пусть она даже превосходит всех дам, которых я знаю, как этот перстень на вашем пальце превосходит все перстни, которые мне доводилось видеть, — я и тогда скажу: она лучше многих! Но ведь я не видел самого лучшего в мире перстня, а вы — лучшей в мире дамы.

П о с т у м. Я оцениваю ее по ее собственным достоинствам, так же как и свой перстень..

Я к и м о. А как вы их оцениваете?

П о с т у м. Выше всех даров вселенной.

Я к и м о. Значит, ваша несравненная дама умерла, если такую безделушку вы оцениваете выше ее?

П о с т у м. Вы ошибаетесь. Перстень может быть куплен или подарен. Куплен тем, у кого есть достаточно денег для покупки, подарен тому, кто заслуживает такого подарка. Дама, о которой я говорю, не может быть куплена. Она — дар богов.

Я к и м о. И боги поднесли ее в дар вам?

П о с т у м. Да, и по милости богов она останется моей.

Я к и м о. Конечно, по имени вы можете считать ее своей. Но знаете, утки любят ловить рыбу в соседском пруду. Перстень ваш тоже может быть украден. Итак, оба ваши бесценные сокровища ненадежны. Ловкий вор и опытный волокита могут лишить вас и той и другой драгоценности.

П о с т у м. Никогда! Во всей Италии не найдется такого искусного волокиты, который мог бы одержать победу над чес-

тью владычицы моего сердца. Воров у вас здесь достаточно, не сомневаюсь, и тем не менее за свой перстень я тоже не боюсь.

Ф и л а р и о. Прекратите этот разговор, синьоры.

П о с т у м. Охотно. Мне очень приятно, что этот достойный синьор не считает меня чужим. Мы с ним сразу сблизились.

Я к и м о. Вы в этом уверены? Один разговор, раз в пять длиннее этого, и я отбил бы у вас вашу красавицу. Представься мне только случай поухаживать за ней, я бы мигом заставил ее сдаться.

П о с т у м. Ну нет!

Я к и м о. Я готов побиться об заклад на половину моего состояния против вашего перстня, хотя, на мой взгляд, оно стоит несколько больше. Но ведь я оспариваю не столько честь вашей дамы, сколько вашу уверенность в ней. А для того чтобы мое предложение не оскорбило вас, я готов попытаться соблазнить любую женщину в мире, а не вашу даму.

П о с т у м. Вы заблуждаетесь в своих чересчур смелых утверждениях. Я не сомневаюсь, что ваши попытки встретят то, чего заслуживают.

Я к и м о. Что же?

П о с т у м. Отказ. Хотя подобная попытка, как вы ее называете, заслуживает не только отказа, но и наказания.

Ф и л а р и о. Синьоры, довольно. Ваш спор возник внезапно, пусть он так же и закончится. Прошу вас сначала познакомиться поближе.

Я к и м о. Я готов ответить за свои слова не только своим состоянием, но и состоянием своих родных.

Постум. Какую даму вы избираете для своей попытки?

Якимо. Вашу, которую вы считаете такой недоступной и верной. Ставлю десять тысяч дукатов против вашего перстня! Но вы должны дать мне возможность проникнуть во дворец принцессы и, не больше чем после второго свидания, я вам привезу ее честь, хоть вы и считаете ее такой неприступной.

Постум. Против вашего золота я тоже ставлю золото! Этот перстень дорог мне, как мой палец, — он часть его.

Якимо. И вы боитесь его потерять? Но заплатите вы даже миллион за золотник женского мяса, вам и тогда не уберечь его от порчи. Впрочем, я вижу, что для вас она святыня и потому вы так боитесь.

Постум. Ваш язык болтает по привычке; я надеюсь, что намерения у вас не столь бесчестны.

Якимо. Я хозяин своему слову и клянусь, я готов отвечать за предложенный мной заклад.

Постум. Да? Ну что же, я готов отдать в залог мой перстень до вашего возвращения. Мы подпишем договор по всей форме. Добродетель моей дамы стоит выше всех ваших недостойных замыслов, ей нечего опасаться. Ну, так я принимаю ваш вызов. Вот мой перстень!

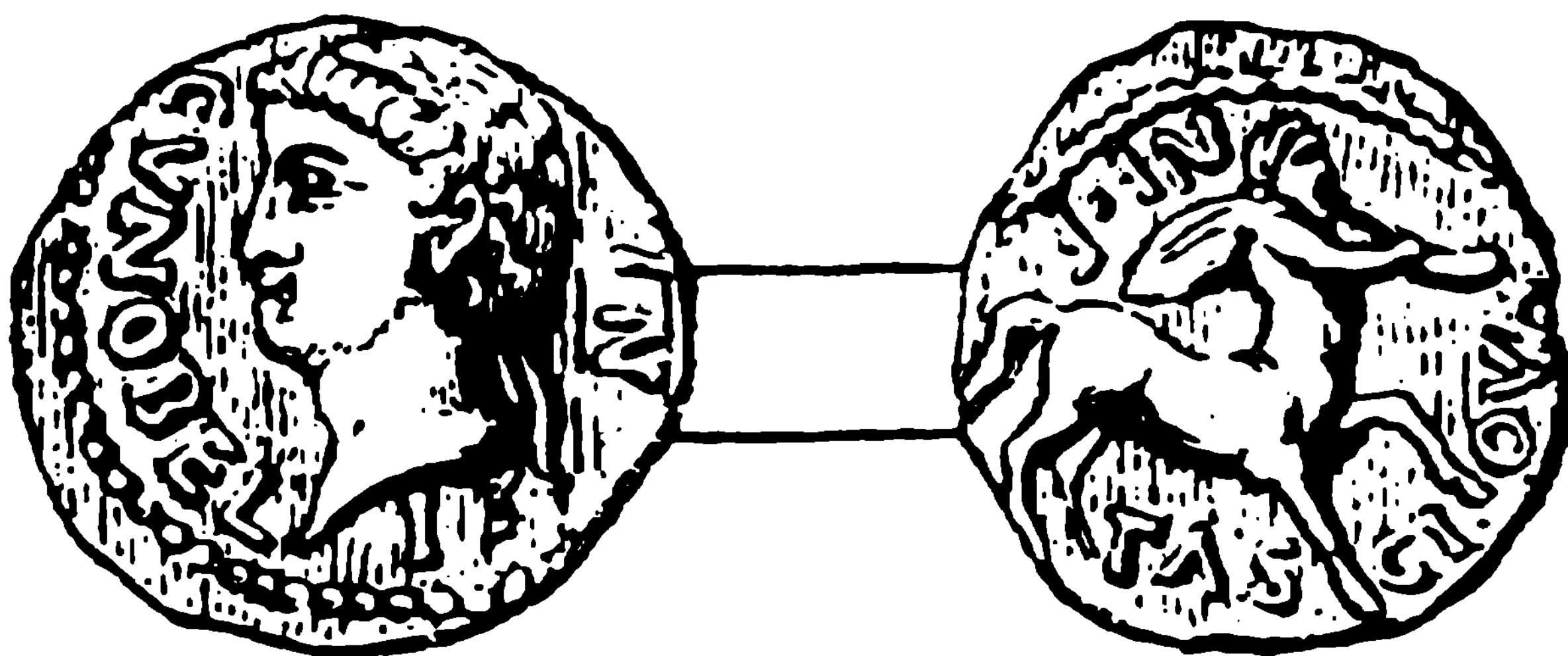
Филарио. Я не допущу такого заклада!

Якимо. Клянусь богами, заклад состоялся! Если я не привезу вам достаточных доказательств, что насладился властью вашей дамы, то мои десять тысяч дукатов принадлежат вам вместе с перстнем. Если я вернусь, оставив ее такой же непорочной, какой вы ее считаете, то она — ваше

сокровище, и ваш перстень и мое золото принадлежат вам. Но все это при условии, что вы мне дадите рекомендательное письмо, и я получу к ней свободный доступ.

П о с т у м. Согласен! Но и я поставлю условие. Если вы по возвращении доставите мне явные доказательства вашей победы — мы с вами не враги, ибо в таком случае дама не стоит

Старинная монета с изображением Кунобел

нашего спора. Если же она отвергнет вас и вы не сможете доказать ее измены, то вы с мечом в руках ответите мне за ваше оскорбительное мнение о ней, за дерзкое покушение на ее честь!

Я к и м о. По рукам! Я согласен. Мы скрепим наш спор договором, и я немедленно отправляюсь в Британию. Боюсь, что, если буду медлить, пыл ваш угаснет и наш заклад зачахнет без пищи. Иду за деньгами, и мы сейчас же составим письменное условие.

П о с т у м. Согласен!

Постум и Якимо уходят.

Француз. Как вы полагаете, они доведут спор до конца?
Филарियो. Да. Якимо не отступится. Пойдем за ними!

Уходят.

Сцена 5

Британия. Комната во дворце Цимбелина.

Входят королева, придворные дамы и Корнелий.

Королева

Скорей, пока роса, цветов нарвите.
А у кого их список?

Первая дама

У меня.

Королева

Ступайте!

Придворные дамы уходят.

Ну, доктор, ты мне снадобья принес?

Корнелий

Да, государыня; вот здесь они.

(Подает ей ящичек.)

Но умоляю вас, не обижайтесь
На мой вопрос — он совестью подсказан;
К чему вам эти страшные составы,

Ведущие хоть медленно, но верно
К ужасной смерти?

К о р о л е в а

Доктор, твой вопрос
Мне странный. Не твоей ли ученицей
Была я долго? И не ты ль меня

Корнелий дает королеве коробку с ядом. Рисунок Дж. Джильберта

Учил, как надо составлять лекарства?
Их очищать? Хранить? Король и тот
Хвалил мое умение. Если в этом
Я преуспела (ты ведь не считаешь,

Что я в связи с нечистым), так не должно ль
Мне расширять познания свои
На опытах? Я силу этих зелий
Испробую, не бойся, не на людях —
На тварях, недостойных и петли.
Я действие составов изучу,
Противоядья применю, узнав
Все свойства их.

К о р н е л и й

Но опыты такие
Ожесточают сердце, ваша милость.
За действием отравы наблюдать
И тягостно и вредно.

К о р о л е в а

Успокойся!

Входит Пизанио.

(В сторону.)

А, лъстивый плут! С тебя я и начну.
Враг сына моего, за господина
Горой стоишь ты.

(Громко.)

Это ты, Пизанио? —
В тебе я больше не нуждаюсь, доктор.
Ступай.

К о р н е л и й ,
(в сторону)

Нет, я тебе не доверяю,
Но никому ты зла не причинишь.

К о р о л е в а
(к Пизанио)

Хочу тебе сказать я кое-что...

К о р н е л и й
(в сторону)

Я не люблю ее. Пускай считает,
Что получила медленные яды.
О, никогда б такой душе коварной
Не вверил я столь страшную отраву.
Начнет она, быть может, с псов и кошек,
Потом пойдет и дальше, но вреда
От мнимой смерти никому не будет.
Мои составы только оглушают,
Лишь ненадолго притупляя чувства.
Настанет срок — и дух почти угасший
Вновь оживет! Я обману ее,
Служа обманом правде.

К о р о л е в а
(Корнелию)

Ты свободен,
Пока не призову.

К о р н е л и й

Я повинуюсь.

(Уходит.)

К о р о л е в а

(к Пизанио)

Ты говоришь, она все время плачет?
Ужели не поддастся уговорам
И разум в ней безумье не осилит?
Так действуй же! Ты только дай мне знать,
Что мил ей сын мой, — и, поверь, я тотчас
Тебя вельможей сделаю таким же,
Как господин твой был, и даже выше!
Безмолвствует теперь его Фортуна,
И при последнем издыханье — честь.
Ни жить, где он живет, ни возвратиться
Нельзя ему. Менять места? — Он этим
Одни мученья сменит на другие,
И с каждым новым днем он разрушает
Труды минувших дней. Так что ж ты ищешь
Опоры в том, кто, падая, не сможет
Подняться вновь; кто потерял навеки
Друзей, способных поддержать его?..

(Роняет ящичек.)

Пизанио поднимает его.

Не знаешь ты, что поднял. Но в награду
За труд возьми себе. Здесь мой состав,

Пять раз от смерти короля спасавший.
Такого укрепляющего средства
Нет больше в мире.— Ну прошу, возьми
В залог тех благ, что я тебе готовлю.
С принцессой же поговорить ты должен
Так... ненароком... будто от себя;
Ей опиши, что ждет ее... Ты понял,
Какое счастье выпадет тебе?
Благоволенье сохранишь принцессы,
Любимцем станешь сына моего;
Заставлю короля тебя возвысить,
Как ты захочешь; и сама по-царски
Тебя за все старанья награжу.
Зови придворных дам. Слова мои
Обдумай.

Пизанио уходит.

Верен и хитер! Его
Не купишь. Он раб Постума и страж
Супружеского долга Имогены.
Но я дала ему такого зелья,
Что если примет, то навек она
Посланца к другу милому лишится,
А коль она не сдастся, то сама
Отведает того же.

Входят Пизанио и придворные дамы.

Принесли?

(Разглядывает цветы.)

Фиалки, примулы и анемоны...
Снесите их ко мне. — Прощай, Пизанио.
Подумай же!

П и з а н и о

Да, да. Примусь за дело.

Королева и придворные дамы уходят.

Мне — господину изменить! Ну нет!
Скорей повешусь — вот вам мой ответ!

(Уходит.)

Сцена 6

Там же. Другая комната.

Входит И м о г е н а.

И м о г е н а

Отец жесток, а мачеха коварна;
Жених — глупец; посвататься ко мне,
Жене изгнанника! Ах, муж мой милый,
Венец моей тоски! Я так страдаю!
Зачем меня, как братьев, не украли!
Вот было б счастье! О, как тяжело бремя
Величья царского! Блажен бедняк,
Чьи скромные сбываются желанья...

Входят П и з а н и о и Я к и м о.

Кто там?

П и з а н и о

С письмом от вашего супруга
Из Рима к вам прибывший дворянин.

Я к и м о

Принцесса, отчего вы побледнели?
Ваш благородный Леонат здоров
И кланяется вам.

И м о г е н а

Благодарю.
Добро пожаловать, я очень рада.

Я к и м о

(в сторону)

В ней все, что видно взору, — совершенство!
Коль так же и душа ее прекрасна,
То, значит, предо мною чудо, феникс,
И проиграл я! Дерзость, будь мне другом!
Вооружи меня надежно, ложь!
Не то и мне придется, как парфянам,
Сражаться на бегу — верней, бежать.

И м о г е н а (читает). “Он принадлежит к одному из самых благородных домов, и я бесконечно обязан его доброте. Прими его достойно, если тебе дорог твой преданный Леонат”.

Я вслух могла прочесть вам только это,
Все остальное лишь меня касалось
И мне согрело сердце. Гость любезный,
Нет слов, чтобы сказать, как я вам рада.
Но вы и сами по моим поступкам
В том убедитесь.

Я к и м о

Очень благодарен.

(Пристально смотрит на нее.)

О, как безумны люди! Им богами
Даны глаза, чтоб видеть свод небесный,
Раскинутый над морем и землей;
Чтоб различать сверкающие звезды,
Каменья на кремнистом берегу, —
И эти же глаза не отличают
Дурное от прекрасного!

И м о г е н а

Но что

Так удивляет вас?

Я к и м о

Нет, не глаза

Виною здесь. Ведь даже павиан
Из самок двух красивую избрал бы,
С гримасой отвернувшись от уроды.

Тут неповинен ум: глупец и тот,
Красу такую видя, станет мудрым.
Тут ни при чем и чувственность: ведь страсть,
Которая такому совершенству
Предпочитала б грязь, была бы только
Бессильным возбуждением, неспособным
Желанье утолить.

И м о г е н а

Что вы сказали?

Я к и м о

И лишь один сосуд бездонный — похоть,
Неутолимая в своих желаньях,
Пожрав сначала нежного барашка,
На требуху кидается...

И м о г е н а

Что с вами?

Вы не больны?

Я к и м о

Благодарю. Здоров я.

(К Пизанио.)

Прошу тебя: слуга мой там остался,
Он никого не знает, да и робок, —
Найди его.

П и з а н и о

А я как раз хотел
С ним познакомиться.

(Уходит.)

И м о г е н а

Что мой супруг? Скажите, он здоров?

Я к и м о

Здоров, принцесса.

И м о г е н а

Весел или грустен?

Надеюсь, весел?

Я к и м о

Меж иностранцев первый он шутник
И весельчак. Поэтому его
Прозвали мы повесою-британцем.

И м о г е н а

А здесь он больше склонен был к печали,
Порою беспричинной.

Я к и м о

Быть не может!

К печали? Он? Поверить не могу.
Есть в Риме у него француз-друг,

Влюбленный в девушку своей страны.
Он все вздыхает, а шутник британец —
Ваш муж — над ним хохочет, повторяя:
“Со смеху лопнешь, глядя на мужчину,
Который из примеров, книг, молвы
И собственного опыта узнав,
Что женщина собою представляет,
Во что ей превратиться суждено,
В часы досуга станет тосковать
По прочному ярму”.

И м о г е н а

Так говорит он?

Я к и м о

Да, да притом смеясь до слез, принцесса!
Быть с ним и слушать шутки над французом —
Потеха просто! Видит небо, все
Не без греха мужчины.

И м о г е н а

Но не он!

Я к и м о

О нет! Но за дары небес он мог бы
Признательнее быть. А что до вас,
Доставшейся ему не по заслугам,—

Я столь же удивляться принужден,
Сколь и жалеть.

И м о г е н а

Кого жалеть, скажите?

Я к и м о

Обоих — от души!

И м о г е н а

Как! И меня?

Вы так глядите... Что во мне такое
Внушает жалость вам?..

Я к и м о

Весьма прискорбно!..

Ах!.. От сиянья солнца отвернуться
И предпочесть ему ночник тюремный...

И м о г е н а

Прошу вас, отвечайте откровенней:
Что вынуждает вас жалеть меня?

Я к и м о

То, что другие...
Едва не вырвалось — владеют вашей...
Но пусть уж боги разберутся в этом —
Не мне судить.

И м о г е н а

Вам, вероятно, сударь,
Известно что-то обо мне; прошу,
Скажите же. Ведь предвкушенье горя
Порой страшной уверенности в нем;
Коль зло непоправимо — с ним миришься,
Но, вовремя узнав о нем, возможно
Предотвратить беду. Что вас толкает
И сдерживает вместе с тем?

Я к и м о

О, если б
К такой щеке я мог прильнуть устами,
Взять эту руку, чье прикосновенье,
Одно прикосновенье призывает
Дать верности обет! Владеть всем тем,
Что жадный взор влечет мой, — неужели —
Проклятье мне! — слюнявил бы я губы,
Доступные любому, как ступени
У Капитолия; иль руки жал
Шершавые от грязных, лживых ласк,
Как от работы; иль глядел любовно
В бесцветные глаза, чей тусклый блеск
Не ярче, чем мерцанье фитиля,
Чадящего в зловонной плошке с салом?
Достоин был бы я всех адских мук,
Когда бы грех такой свершил.

И м о г е н а

Мой муж

Забыл меня!

Я к и м о

Он сам себя забыл!

Его б не выдал я, но ваша прелесть
Моей безмолвной совести велела
Открыть его измену языку.

И м о г е н а

Я слушать больше не хочу. Довольно!

Я к и м о

О чистая душа! Мне ваше горе
Сжимает сердце жалостью до боли!
Жену свою, красавицу такую,
Которая любого из монархов
Могла б возвысить, — приравнять к блудницам,
Продавшимся ему за ваши деньги,
К подлейшим тварям, девкам, что способны
Корысти ради на любую мерзость!
Их гниль опасней яда. Отомстите!
Иль ваша мать была не королевой?
Иль вы забыли род свой?..

И м о г е н а

Отомстить?

Но как же мстить? Будь это даже правда,
Не так легко ушам поверит сердце,
Не так поспешно... Если это правда,
Как мстить ему?

Я к и м о

Меня бы не заставил
Он жить весталкой меж холодных простынь,
Когда он сам утехам предается
За ваш же счет, смеясь над вами! Мстите!
Я предлагаю вам себя, принцесса,
Взамен того, кто изменил вам низко.
Хранить любовь я обещаю вашу
И тайно и надежно.

И м о г е н а

Что? — Пизанио!

Я к и м о

Могу ль скрепить обет мой поцелуем?

И м о г е н а

Прочь от меня! Я проклиная уши,
Тебе внимавшие!— Будь честен ты,
Ты эту сказку рассказал бы мне
Из добрых, а не грязных побуждений.
Порочишь ты того, кто столь же чужд
Всей этой клевете, как сам ты чести,

Одежда и позы фигур в романском стиле.
Собор в Шартре, барельеф над западными дверьми

И смеешь соблазнять его жену,
Которой ты, как дьявол, ненавистен!—
Сюда, Пизанио!— Король, отец мой,
Об этом оскорблении узнает;
Коль он сочтет, что грязный иноземец
Держаться может во дворце его,
Как в Риме у себя, в публичном доме,
И скотские намеренья свои
Нам излагать,— так двор ему не дорог
И дочь не уважает он!— Пизанио!

Я к и м о

Счастливец Леонат! Скажу одно:
Уверенность в тебе твоей жены
Заслуживает постоянство мужа,
А блеск твоих достоинств отвечает
Ее доверью.— Долгих лет вам счастья,
Супруга лучшего из всех людей
Своей страны! Вы госпожа его,
Достойная достойнейшего мужа!
Молю простить! Я лишь узнать хотел,
Сколь глубоко вы верите в него.
Теперь скажу, что есть на самом деле:
Он чистотою жизни всех затмил;
Он чародей, сердца к себе влекущий...

И м о г е н а

Как! Вы раскаялись?

Я к и м о

Он словно бог,
Сошедший к смертным. Столько благородства
В душе его, что над людьми высоко
Вознесся он. Великая принцесса!
Не гневайтесь на то, что я дерзнул
Испытывать вас ложными вестями;
Ведь это только подтвердило вам,
С какою мудростью в мужья избрали
Вы лучшего из лучших на земле!
Я испытал вас из любви к нему,
Но вижу, что, в отличие от других,
Соблазну неподвластны вы. Простите!

И м о г е н а

Все прощено. Чем вам могу служить я?

Я к и м о

Благодарю. Хочу у вас просить
Услуги хоть и небольшой, но важной
Тем, что она имеет отношение
К супругу вашему; и я с друзьями
Причастен к этому.

И м о г е н а

А что такое?

Я к и м о

Двенадцать римлян и супруг ваш с нами
(В крыле у нас он лучшее из перьев)
Купить подарок Цезарю сложились.
По просьбе их во Франции купил я
Серебряную утварь и каменья
Огромной ценности. Я здесь чужой
И как сберечь сокровища — не знаю.
Не будете ль добры их взять к себе
На сохранение?

И м о г е н а

О да, охотно!

Я честью поручусь за их сохранность.
А так как и супруг мой тоже в доле,
Их спрячу в спальне.

Я к и м о

В сундуке они
Под наблюденьем слуг моих. Осмелюсь
К вам на одну лишь ночь его прислать.
А завтра утром еду.

И м о г е н а

Нет, о нет!

Я к и м о

Я должен ехать, иль нарушу слово.

Из Галлии я плыл через моря
Лишь потому, что видеть вашу светлость
Желал и обещал.

И м о г е н а

Благодарю.
Но завтра вы не едете?

Я к и м о

Обязан!

Прошу вас, если можно, напишите
Сегодня же супругу. Я и так
Замешкался, а наш подарок нужно
Доставить вовремя.

И м о г е н а

Я напишу.
Сундук пришлите. Сохранен он будет
И отдан в целости. Желаю счастья.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Британия. Двор перед дворцом Цимбелина.

Входят Клотен и двое вельмож.

К л о т е н. Видел ли кто такое невезение? Мой шар катится прямо к цели, как вдруг налетает второй шар — бац! — ста фунтов у меня как не бывало! А этот ублюдок с обезьяньей рожей еще кричит, зачем я ругаюсь, как будто я беру ругательства у него взаймы и не имею права ругаться, сколько мне вздумается!

П е р в ы й в е л ь м о ж а. А чего он добился? Вы проломили ему голову шаром, и делу конец.

В т о р о й в е л ь м о ж а (*в сторону*). Было бы у него столько ума, сколько у тебя, так мозгу не вытекло бы ни одной капли.

К л о т е н. Пусть знает, что, когда знатному человеку придет охота ругаться, никто из присутствующих не смеет его останавливать.

В т о р о й в е л ь м о ж а. Конечно, принц! (*В сторону.*) Так же как и ты не имеешь права терзать наш слух своею руганью.

К л о т е н. Сукин сын! Он еще требует удовлетворения! Как бы не так! Вот будь он мне ровней...

В т о р о й в е л ь м о ж а (в сторону). То есть будь он такой же круглый дурак, как ты...

К л о т е н. Чума его возьми! Из-за чего-нибудь другого я бы так не разозлился. Лучше бы уж я не принадлежал к такому высокому роду. Из-за того, что мать моя — королева, никто не смеет драться со мной. Любой мужлан может в свое удовольствие драться с кем захочет и сколько захочет, а я вынужден шагать как петух, к которому никто не смеет подступить!

В т о р о й в е л ь м о ж а (в сторону). Не петух ты, а кап-лун! Петушиного в тебе только то, что ты петушишься.

К л о т е н. Что ты сказал?

В т о р о й в е л ь м о ж а. А то, что вам не пристало драться с каждым, кого вы оскорбляете.

К л о т е н. Конечно! Но мне пристало оскорблять всех, кто ниже меня.

В т о р о й в е л ь м о ж а. Это только вам и пристало, ваше зысочество.

К л о т е н. Вот и я то же самое говорю.

П е р в ы й в е л ь м о ж а. Слыхали вы, принц, что ко двору прибыл чужестранец?

К л о т е н. Как! Прибыл чужестранец, а я этого еще не знаю?

В т о р о й в е л ь м о ж а (в сторону). Ты еще, например, не знаешь того, что ты дурак.

Первый вельможа. Он итальянец, говорят, друг Постума.

Клотен. Друг этого изгнанного подлеца? Значит, он сам тоже подлец! Кто тебе сказал об этом итальянце?

Первый вельможа. Один из ваших пажей.

Клотен. А что, если я пойду и посмотрю на него? Ведь этим я себя не унижу в глазах света?

Первый вельможа. Вам невозможно себя унижить, ваше высочество.

Клотен. Я тоже так думаю!

Второй вельможа (*в сторону*). Ты такой отъявленный дурак и так низок, что ниже тебе уже не стать, как ни старайся.

Клотен. Пойду взгляну на этого итальянца! А то, что я проиграл в шары днем, отыграю у него сегодня вечером.

Второй вельможа. Я следую за вами, принц!

Клотен и первый вельможа уходят.

Второй вельможа

Могла же мать, лукавая как дьявол,
Родить осла такого! Нет преград,
Которых бы она не одолела
Умом своим, а олух, сын ее,
Не может вычесть двух из двадцати,
Чтоб вышло восемнадцать.— О принцесса,
Что терпишь ты, бедняжка, от отца,
Покорного раба своей жены,

Плетущей ежечасно злые козни!
От домогательств жениха — они
Тебе страшнее, чем изгнание мужа,
Чем с ним разлука... Небо, укрепи
Твердыню чести в ней! Да не падет
Храм разума ее. Пошли ей сил,
Чтоб выстоять могла она в несчастье,
Соединиться с мужем наконец
И царский на главу надеть венец.

(Уходит.)

Сцена 2

Спальня Имогены. В углу стоит сундук.

И м о г е н а читает, лежа в постели. В отдалении Е л е н а.

И м о г е н а

Кто там? Елена, ты?

Е л е н а

Да, да, принцесса.

И м о г е н а

Который час теперь?

Е л е н а

Подходит полночь.

И м о г е н а

Читаю три часа; глаза устали.
Загни листок вот тут и спать ложись.
Не уноси свечу, пускай горит;
А если ты часа в четыре встанешь,
То разбуди меня. Я засыпаю.

Елена уходит.

Вверяюсь вам, о боги. Охраните
Меня от искусителей ночных
И духов злых, молю!

(Засыпает.)

Из сундука вылезает Я к и м о.

Я к и м о

Трещит сверчок, и дух усталый ищет
Во сне отдохновенья. Так Тарквиний,
Раздвинув полог тихо, разбудил
Невинность оскорбленьем. Киферея!
Ты украшение ложа своего,
Ты лилий чище и белее простынь.
О, если бы я мог тебя коснуться!
Один лишь поцелуй! Всего один...
Желанные уста ее — рубины,
Ее дыханье аромат струит;
Огонь свечи к ней клонится и хочет
Взглянуть под сень ресниц и увидеть

Покровом нежных век прикрытый свет,
Струящийся из глаз ее лазурных...
Но должен я все в комнате запомнить
И записать...вон там окно...картины...
Они изображают... Ах, вот если б
Найти примет у нее на теле...
Ведь это было бы куда важнее,
Чем тысячи предметов обстановки,
Для подтвержденья лжи моей. О сон,
Ты обезьяна смерти, охвати
Ее сильней, чтоб Имогена стала
Бесчувственной, как изваянье в храме.
Стащу-ка я браслет с ее руки!

(Снимает с ее руки браслет.)

Снимайся же! Так снять его легко,
Как узел гордиев распутать трудно.
Он мой! И это столь же непреложно,
Как то, что муж ее сойдет с ума,
Едва его увидит. А вот здесь,
Под левой грудью, родинка у ней:
Пять пятнышек — как пять пурпурных точек
На венчике у буквиц. Вот улика!
Сильней не нужно даже и в суде.
Поверит Постум, что, сорвав замок,
Клад чести я украл. Чего же больше?
Зачем писать? Запечатлелось все
И в память врезалось. Она читала

Историю Терея; загнут лист
На месте, где сдается Филомела.
Пора опять в сундук. Замкну пружину.
Скорей, драконы тьмы! Не то рассвет
Заставит очи ворона ослепнуть.
Как страшно стало мне... Скорей назад!
Хоть ангел здесь, но в этих стенах ад.

Быют часы.

Один, два, три — пора, пора мне скрыться.

(Прячется в сундук.)

Сцена 3

Комната, примыкающая к покоям Имогены.

Входят Клотен и двое вельмож.

Первый вельможа. Вы, принц, поразительно спокойно относитесь к проигрышу. Я никогда не видал такого хладнокровного игрока.

Клотен. Когда проигрываешься в пух и прах, поневоле чувствуешь холод.

Первый вельможа. Но редко кто так мирится с проигрышем. Зато, выигрывая, вы становитесь сущим дьяволом.

Клотен. Еще бы! Выигрыш горячит и бодрит! Овладеть бы мне только этой дурой Имогеной! Вот тогда бы я набил золотом карманы! — Что это? Светает?

Первый вельможа. Уже утро, принц.

Музыкант. Барельеф Джотто и Андреа Пизано

К л о т е н. Так тащите сюда музыкантов! Мне советовали каждое утро преподносить Имогене порцию музыки!

Входят музыканты.

Живей! Живей! Настраивайте инструменты! Для начала сыграйте какую-нибудь штучку, а потом великолепнейшую арию с такими забористыми словечками — вот тогда посмотрим, что будет. Если вам удастся расшевелить ее пальцами, я довершу дело языком. А не захочет, пусть делает что хочет.

П е с н я

Чу! Жаворонка песнь звончей
Несется с высоты;
Проснулся Феб — его коней
Росой поят цветы.
Открылись ноготков глаза
Златисты и чисты.
Как все прекрасное, вставай,
Любовь моя, и ты!
Вставай! Вставай!

Хватит! Проваливайте! Если это на нее подействует — честь и слава вашей музыке. Нет — так, значит, уши у нее с изъяном и, сколько ни пили конским волосом по бараньей кишке, — не поможешь.

Входят Цимбелин и королева.

Второй вельможа. Король идет!

К л о т е н. Вот и чудесно, что я не ложился спать. Теперь

можно сказать, что чуть свет — я уж на ногах! Король обрадуется, что я так люблю его дочь. С добрым утром, ваше величество, с добрым утром, матушка!

Ц и м б е л и н

Суровой нашей дочери ты ждешь
Здесь у дверей? Она не выходила?

К л о т е н. Я пытался атаковать ее слух музыкой, но она не обратила на меня ни малейшего внимания.

Ц и м б е л и н

Грустит она об изгнанном супруге,
Но время неминуемо сотрет
В душе ее печать воспоминаний;
Тогда она — твоя.

К о р о л е в а

Ты королю

Обязан всем, тебя он превозносит
И хвалит дочери, он твой ходатай,
Но ты и сам пленить ее старайся,
Влюби ее в себя. Ее отказы
Пускай твое усердие умножат.
Пусть мнит она, что жизнь ты посвятил
Служенью ей; не спорь, не ссорься с нею,
Но, если с глаз она тебя погонит,
Стань глух и нем.

К л о т е н

Что? Глух и нем! Ну нет!

Входит гонец.

Г о н е ц

Явились, государь, послы из Рима.
Средь них Кай Луций.

Ц и м б е л и н

Благородный муж!

Он прибыл к нам сейчас с недоброй целью,
Но в том не виноват и будет принят,
Как сан того, кем послан он, велит.
Он в прошлом нам оказывал услуги,
И мы должны почтить его.— Мой сын,
Поговорив с невестой, возвратись,
Чтоб вместе нам принять посла из Рима.—
Пойдемте, королева.

Цимбелин и королева уходят.

К л о т е н

Коль проснулась,

Я с ней поговорю, а если нет,
Пускай лежит и грезит.

(Стучит в дверь.)

Эй, откройте!

Служанки с ней... А если подкупить

Одну из них? Все двери распахнет
Пред нами золото. Оно заставит
Лесничих изменить самой Диане
И гнать ее оленя прямо к вору;
Невинного убьет, спасет злодея,
А иногда обоих в петлю сунет;
Все золото устроит и расстроит!
Найму-ка я ходатаем своим
Ее служанку. Сам я не мастак
В таких делах. Откройте, эй, откройте!

Входит придворная дама.

Дама

Кто здесь стучит?

Клотен

Вельможа.

Дама

Как! И только?

Клотен

А также сын весьма вельможной дамы.

Дама

Немногие из тех, кому портной
Обходится так дорого, как вам,
Похвастать могут этим. Что угодно?

К л о т е н

Принцессу мне. Она готова?

Д а м а

Да,

Готова в комнате своей остаться.

К л о т е н

Послушайте, вот золото, берите,
Мне слава добрая нужна.

Д а м а

Но чья же?

Моя? Иль я должна ославить вас?
Сюда идет принцесса.

Входит И м о г е н а.

К л о т е н

Прекрасная сестрица, с добрым утром.
Позвольте ручку.

И м о г е н а

С добрым утром, принц.
Хлопочете вы, право, понапрасну.
Вам в благодарность лишь скажу, что я
Настолько благодарностью бедна,
Что уделить ее вам не смогу.

К л о т е н

Но я клянусь в любви.

И м о г е н а

Не все равно ли,
Клянётесь вы иль просто говорите —
Я слушать не хочу.

К л о т е н

Что за ответ?

И м о г е н а

Я с вами говорю лишь для того,
Чтоб вы молчанье не сочли согласием.
Оставьте наконец меня в покое;
Лишь резкость встретят ваши угожденья.
Ужель такому умнику, как вы,
Отказ мой не понятен?

К л о т е н

Вы безумны!

В таком безумье вас грешно оставить,
И я не согрешу.

И м о г е н а

На этом свете
Лишь дураки с ума не сходят.

К л о т е н

Что?

Так я дурак?

И м о г е н а

Раз я безумна — да.

Отстаньте — и пройдет мое безумье;
Мы оба исцелимся. Принц, мне жаль,
Что я приличья из-за вас забыла
И так резка. Раз навсегда поймите:
Я не люблю вас. Говорю открыто,
Свое проверив сердце. До того
Мне чуждо снисхождение к вам, что вас
До глубины души я ненавижу.
Простите, но, пойми вы это сами,
Я не была бы так дерзка.

К л о т е н

Но вы

Грешите непокорностью отцу.
Ваш брак с безродным, недостойным нищим,
Которому из милости кидали
Объедки с царского стола, — не брак!
Пусть черни низкой, как и Постум ваш,
Разрешены те узы, от которых
Плодятся только нищие ублюдки, —
Но вы принцесса, вы от уз таких
Ограждены престолом, и не вам

Пятнать свой сан с рабом, отребьем грязным,
Наемником, рожденным для ливреи,
С каким-то приживалом, недостойным
Быть даже свинопасом.

И м о г е н а

Негодяй!

Будь ты потомком солнца самого,
Знай, и тогда ты был бы недостойн
Его рабом назваться. Для тебя
Великой честью было бы служить
Подручным палача в его владеньях,
Где с ненавистью думали бы все,
Что ты не по заслугам вознесен.

К л о т е н

Чума его возьми!

И м о г е н а

Всего обидней,
Что смеешь ты пятнать хулою низкой
Супруга моего. Его обноски
Дороже мне волос твоих, хотя бы
От каждого из них родился принц
Такой, как ты!— Пизанио, сюда!

К л о т е н

“Его обноски”!.. Дьявол побери...

Входит Пизанио.

Имогена

Пришли ко мне служанку Доротею.

Клотен

“Обноски”!..

Имогена

До сих пор еще дурак
Преследует меня, пугает, бесит.
Вели служанке поискать браслет.
Наверно, он упал с моей руки
Во время сна. Пусть перероют все!
Супруг мне подарил его, прощаясь,
И я вовек его не променяла б
На все сокровища любого царства.
Он, кажется, при мне был нынче утром,
А ночью, твердо помню, на руке,
Его я целовала, и надеюсь —
Не побежал он к мужу рассказать,
Что без него другого я целую.

Пизанио

Найдется он.

Имогена

Наверно. Поищите.

Пизанио уходит.

К л о т е н

Я вами оскорблен! “Его обноски”!

И м о г е н а

Да, то мои слова. Подайте в суд.

К л о т е н

Я королю скажу.

И м о г е н а

И королеве;

Она меня так любит, что поверит
И худшему. Итак, прощайте, принц,
Я оставляю вас. Беситесь вволю.

(Уходит.)

К л о т е н

“Его обноски”! О! Я отомщу!

(Уходит.)

Сцена 4

Рим. Комната в доме Филарио.

Входят Постум и Филарио.

П о с т у м

Синьор, не бойтесь! Я б хотел так верить,
Что милость короля верну я вновь,
Как верю в честь ее!

Ф и л а р и о

Что ты предпринял
Для примиренья с ним?

П о с т у м

Да ничего.

Быть может, переменится погода.
Пока что замерзаю я, хоть верю,
Что теплых дней дождусь; благославляю
Я вашу доброту; но если рухнут
Надежды эти, вашим должником
Умру.

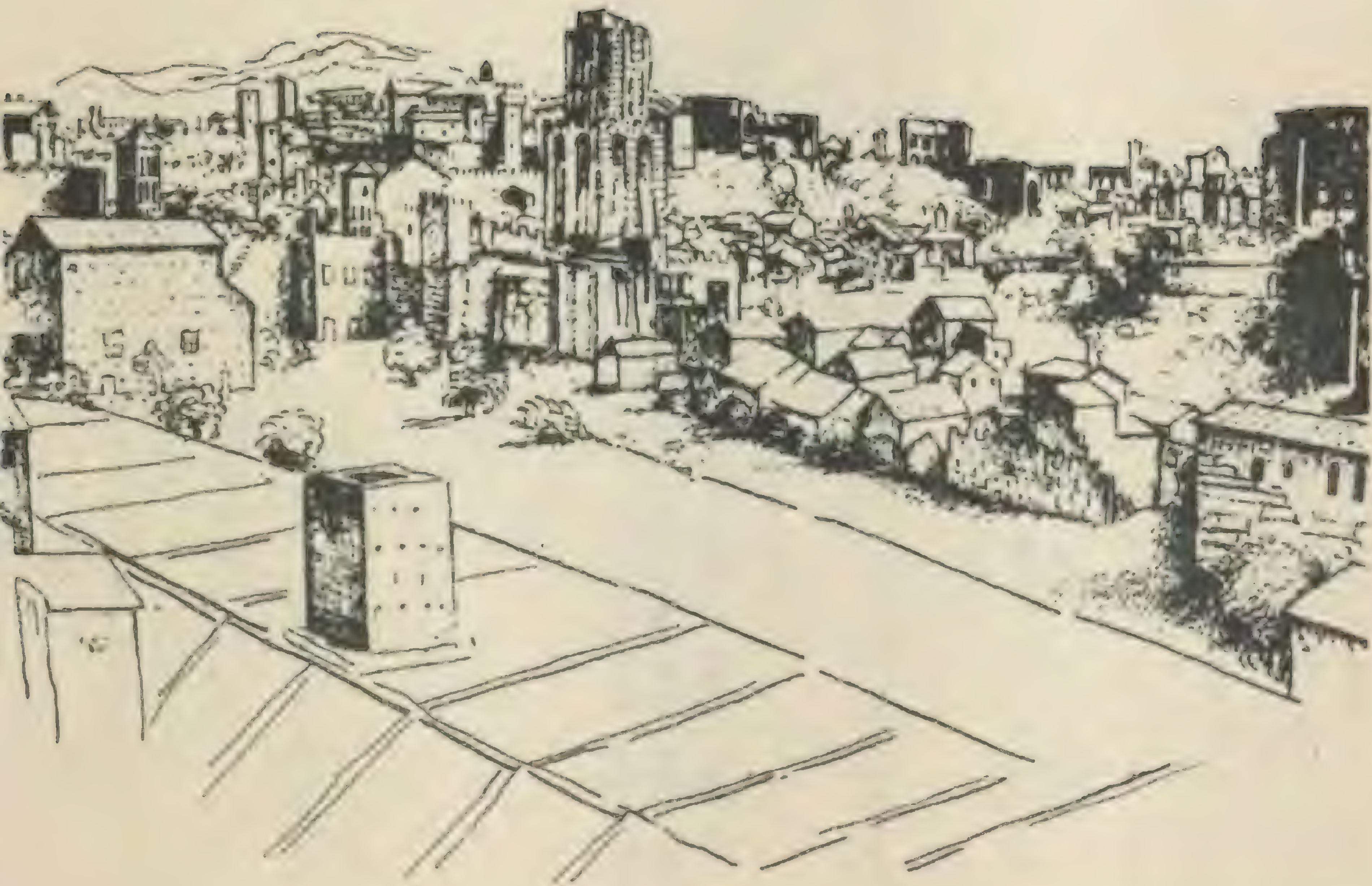
Ф и л а р и о

Ты обществом своим и дружбой
За все с избытком платишь мне. Наверно,
Король уж принял Августа послов.
Кай Луций выполнит наказ успешно,
Получит дань, сберет все недоимки,
Иль римляне, которых не забыли
Еще в Британии, в нее ворвутся.

П о с т у м

Хоть не политик я и им не стану,
Но полагаю — быть войне. Скорей
Услышит мир, что ваши легионы
В Британию вступили, чем известье,

Панорама Рима, вид с Капитолийского холма. Рисунок неизвестного художника

Что дань платить мы согласились Риму.
Британцы ныне опытней, чем прежде,
Когда ваш Юлий Цезарь потешался
Над неумением их, хоть и не раз,
Смущенный их отвагой, хмурил брови.
Теперь же наше ратное искусство
И храбрость явствуют, что наш народ
Шагает в ногу с веком.

Входит Я к и м о.

Ф и л а р и о

Уж вернулись?

П о с т у м

Олени, видно, мчали вас по суше,
А ветры целовали паруса,
Гоня корабль обратно.

Ф и л а р и о

Мой привет!

П о с т у м

Надеюсь, из-за краткости ответа
Вернулись быстро вы?

Я к и м о

Супруга ваша
Прелестней всех, кого я в жизни видел.

П о с т у м

И лучше всех. Иначе бы пленяла
Ее краса лишь лживые сердца,
Обманивая их.

Я к и м о

Вот вам письмо.

П о с т у м

Приятное, надеюсь?

Я к и м о

Да, быть может.

Ф и л а р и о

В Британию не прибыл ли при вас
Кай Луций храбрый?

Я к и м о

Там его все ждали,
Но он не прибыл.

П о с т у м
(читая письмо)

Все пока отлично.
Еще сверкает перстень мой? Не стал
Он плох для вас?

Я к и м о

Что ж, проиграй я перстень,
Я б отдал золото. Но я готов
И вдвое дальше съездить ради ночи
Столь сладостной и быстро промелькнувшей,
Какую там провел. Ваш перстень — мой!

П о с т у м

Взять перстень трудно...

Я к и м о

Нет! Супруга ваша
Труд облегчила мне.

П о с т у м

Не прячьте, сударь,
За шуткой неудачу. Нам друзьями
Не быть, конечно.

Я к и м о

Отчего же нет?
Ведь вы условие помните? Вернись я,
Не насладившись вашею женой, —
Мы дрались бы. Но говорю открыто —
Я выиграл и честь ее и перстень
И не обидел ни ее, ни вас,
Раз действовал с согласия обоих.

Постум

Докажете, что с ней делили ложе, —
Дам руку вам и перстень. Если ж нет —
За гнусный наговор на честь ее
Ваш меч иль мой хозяина лишатся,
Иль оба сразу пусть осиротеют
И подберет их кто-нибудь в пыли.

Якимо

Рассказ мой точен, вам придется верить.
Могу дать клятву — впрочем, вам едва ли
Потребуются клятвы...

Постум

Говорите!

Якимо

Итак, во-первых, спальня, где не спал я
(Признаюсь, было от чего не спать),
Коврами среброткаными обита;
Один из них изображает нам,
Как встретились Антоний с Клеопатрой;
Другой — как Кидн из берегов выходит
От спеси иль под тяжестью судов.
Работа так искусна, так богата,
Что спорит мастерство с ценою ткани.

Не мог я надивиться, сколь прекрасно
И ярко выткано — все, как живое...

П о с т у м

Да, верно. Но могли вы это слышать
От многих.

Я к и м о

Что ж, подробности иные
Рассказ мой подкрепят.

П о с т у м

Давайте их,
Иль обвиню вас в клевете!

Я к и м о

Камин

На южной стороне украшен дивной
Фигурою купальщицы Дианы.
Столь совершенных статуй я не видел,
Ваятель просто превзошел природу!
Он дал богине жизнь; ей не хватает
Дыханья и движенья лишь.

П о с т у м

И это

Могли вы слышать от кого угодно:
О ней толкуют много.

Я к и м о

Потолок

Амурами украшен золотыми.
Чуть не забыл! — Подставками камину
Два дремлющие купидона служат:
Они стоят, на факел опершись.

П о с т у м

А честь ее при чем? Допустим, все
Вы видели, — хвалю я вашу память.
Но описание обстановки — это
Еще не доказательство.

Я к и м о

Ах вот как!

Бледнейте, если можете.

(Достает браслет.)

Смотрите —

Одну вам драгоценность покажу.
Вы видели? Так... А теперь верните:
Ее соединю я с вашим перстнем
И спрячу хорошенько.

П о с т у м

О Юпитер!

Еще раз дайте мне взглянуть... Тот самый?
Подарок мой?

Я к и м о

Я так ей благодарен.

Она сняла его — я до сих пор
Прелестное движенье это вижу,
Оно превосходило самый дар
И ценность увеличило его.
Браслет мне протянув, она шепнула,
Что прежде он ей дорог был.

П о с т у м

Неправда!

Сняла она его, чтоб мне послать!

Я к и м о

Она так пишет, да?

П о с т у м

О, нет, нет, нет.

Вы правы. Вот, берите перстень мой!
Он ранит взор мне. Он, как василиск,
Убьет меня. Что ж это? Неужели,
Где красота, нет чести? Правды нет,
Где показное все, и нет любви,
Едва появится другой мужчина?
Обеты женщин так же ненадежны,
Как вся их добродетель напускная.
О, лживость без предела!

Ф и л а р и о**Успокойся!**

Возьми кольцо — еще не проиграл ты.
Она браслет могла и потерять,
Иль кто-нибудь служанку подкупил,
И та его украла.

П о с т у м**В самом деле!**

И он им завладел. — Отдай мне перстень.
Я требую улик верней. Скажи
Какую-нибудь тайную примету
На теле у нее. Браслет украден!

Я к и м о

Юпитером клянусь, я взял браслет
С ее руки.

П о с т у м**Вы слышите, клянется!**

Юпитером клянется — значит, правда!
Нет, нет, она браслет не потеряла б;
Служанки все честны и не польстятся
На подкуп, да еще от чужеземца.
Да, ею он владел. И вот улика
Ее паденья. Дорогой ценой
Она купила званье шлюхи. — Вот!

Бери заклад! Пусть дьяволы разделят
Его с тобой.

Ф и л а р и о

Приди в себя! Опомнись!
Все это недостаточно, не должен
Так слепо верить ты.

П о с т у м

Ни слова больше!
Он ею наслаждался.

Я к и м о

Мало вам?

Тогда еще скажу — у ней под грудью,
Достойной ласк, есть пятнышко; гордится
Оно своим пленительным местечком;
Клянусь, я целовал его и голод
Вновь возбудил в себе, хоть был я сыт.
Вы помните то пятнышко?

П о с т у м

О да!

И о другом пятне оно кричит,
Таком большом, что лишь в аду оно
Вместиться может, ад собой заполнив.

Я к и м о

Еще?

П о с т у м

Брось арифметику свою!
Мне все равно, одна была измена
Иль миллион.

Я к и м о

Клянусь...

П о с т у м

Нет, не клянись.

Поклявшись мне в противном, ты солжешь.
Убью, коль станешь отрицать, что мне
Рога наставил.

Я к и м о

Отрицать не стану.

П о с т у м

Я растерзать готов ее сейчас!
Туда отправлюсь. Там покончу с ней
Я на глазах ее отца... Так будет...

(Уходит.)

Ф и л а р и о

Он вне себя. Вы выиграли, сударь.
Пойдем за ним. Он в бешенстве способен
На все решиться.

Я к и м о

Что же, я готов.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Другая комната.

Входит **П о с т у м**.

П о с т у м

Ужель мужчине без участия женщин
Нельзя родиться? Да, мы все ублюдки!
И тот почтенный человек, кого
Отцом я звал, был неизвестно где,
В то время как какой-нибудь молодчик
Меня своим чеканил инструментом,
Фальшивую монету создавая.
И все же мать моя слыла Дианой,
Как и жена слывет. О мщение! Мщение!
Она стыдилась ласк моих законных,
Как часто, вся зардевшись, умоляла
Сдержать нетерпеливый пыл страстей
С такою скромностью и так смущаясь,
Что сам старик Сатурн воспламенился б.
Казалось мне, она была чиста
Как снег, не тронутый лучами солнца.
О дьявол! А смазливый итальянец

В один лишь час, да что там в час — в минуту,
И слова не промолвив одного,
Как досыта нажравшийся кабан
Лесов германских, только хрюкнул “хо” —
И взял ее. Не встретил никаких
Препятствий даже, разве лишь подумал,
Что встретит их, и ждал сопротивления.
О, если б мог я истребить, исторгнуть
Все женское из собственного сердца!
От женщин в нас, мужчинах, все пороки,
От них, от них и мстительность, и похоть,
Распутство, честолюбье, алчность, спесь,
И злой язык, и чванство, и причуды!
Пороки все, какие знает ад.
Частично ль, целиком — да, целиком —
У нас от женщин! И в самих грехах
Они непостоянны!.. Все обман!
Спешат они, одним грехом пресытясь,
Сменить его на тот, что поновее.
Кричать о них я буду, бичевать,
Их проклинять и ненавидеть! Нет,
Чтоб мщение мое насытить вволю,
Молить я буду дать во всем им волю!
Сам дьявол худшей пытки им не сыщет!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Британия. Тронный зал во дворце Цимбелина.

Входят с одной стороны Цимбелин, королева, Клотен и вельможи; с другой — Кай Луций со свитой.

Цимбелин

Итак, чего желает Август Цезарь?

Луций

**Когда Кай Юлий Цезарь, о котором
Пребудет до скончанья века память,
Ваш край завоевал, Кассивелаун,
Твой славный дядя, по заслугам чтимый
Победоносным Цезарем самим,
Дал обещанье об уплате Риму
Трех тысяч фунтов дани ежегодно.
Но ты ее не платишь.**

Королева

И по праву

Платить не будет.

К л о т е н

Цезари рождаются
В большом числе, но Юлий был один.
Британия сама — отдельный мир.
И за ношенья собственных носов
Платить мы не хотим.

К о р о л е в а

Все, что у нас
Вы отняли, мы возвратить сумеем.—
Король мой, вспомните о ваших предках!
Наш остров укреплен самой природой;
Как парк Нептуна, окружен и замкнут
Грядкою рифов, грозною пучиной,
Песками, что судов не примут вражьих,
Но засосут по мачты их. Сам Цезарь,
Хоть одержал подобие победы,
Не мог, воюя с нами, похвалиться
Своим “пришел, увидел, победил”.
Впервые со стыдом он был отброшен
От наших берегов и дважды бит.
Суда его — игрушки в нашем море —
Носились, как скорлупки, на волнах,
Дробясь о скалы, и Кассивелаун,
Успехом окрыленный, был готов
(Изменчива Фортуна!) выбить меч
У Цезаря. Он город Люду ярко

Огнями озарил, вливая бодрость
В сердца британцев.

К л о т е н. Да что там долго толковать! Не будем мы больше платить дани, и все тут! Государство наше теперь посильней, чем было тогда, да и Цезарей таких больше нет. У нынешних носы, может, и погорбатеи, да руки покороче.

Ц и м б е л и н. Сын мой, дай договорить королеве.

К л о т е н. Среди нас найдутся такие, у которых хватка не хуже, чем у Кассивелауна. Не скажу, что я из их числа, но и у меня тоже кулаки здоровые. Какая такая дань? Почему это мы должны платить ее? Вот если бы Цезарь завесил солнце простыней или луну себе в карман сунул — ну, тогда бы мы ему за свет платили. А теперь — дудки, не будет вам никакой дани, понятно?

Ц и м б е л и н

Ты должен знать, Кай Луций, что, пока
Нас не заставил дерзкий, хищный Рим
Платить вам дань, свободны были мы.
Но Цезарь в честолюбье безграничном,
Раздувшемся, заполнившем весь мир,
Надел на нас ярмо несправедливо,
С которым мы, воинственный народ,
Не захотим смириться никогда.
И Цезарю мы ныне заявляем:
Мульмуций предком нашим был; он создал
Законы наши. Их изранил Цезарь

Аудисенція Луція у Цимбелина. Рисунок Дж. Джильберта

Мечом своим — и мы своею властью
Должны восстановить и укрепить их,
Хотя бы Рим и гневался. Мульмуций,
Законодатель наш, из бриттов первый
Короной золотою был увенчан
И королем назвался.

Л у ц и й

Сожалеею,
Что слышу эту речь. Великий Цезарь,
Под чьею властью больше королей,
Чем у тебя придворных, — ныне враг твой!
От имени его провозглашаю
Британии войну и разоренье.
Знай, беспощаден будет гнев его!
А за прием — благодарю.

Ц и м б е л и н

Будь гостем.
В сан рыцаря возвел меня твой Цезарь,
И я служил ему. Он дал мне честь,
Но, прежде чем ее отнимет вновь,
Я за нее сражаться буду насмерть.
Известно, что паннонцы и далматы
Восстали за свободу. Не последуй
Мы их примеру доблестному, люди
Сочтут британцев трусами. Но трусов
Не встретит Цезарь здесь!

Л у ц и й

Война решит.

К л о т е н. Его величество рад вам. Проведите с нами денек-другой, а погостится, так и дольше. А вернетесь к нам с иными намерениями, найдете нас на том же острове, опоясанном соленой водицей. Удастся вам выбить нас с острова — ваше счастье, берите его себе! Костями поляжете — тем лучше, знатная закуска достанется нашим вóронам. Другого ничего не скажешь.

Л у ц и й. Да, принц.

Ц и м б е л и н

Мысль Цезаря я знаю, он — мою.
А в остальном — я рад тебе, Кай Луций.

Уходят.

Сцена 2

Другая комната во дворце.

Входит П и з а н и о, читая письмо.

П и з а н и о

Как! Неверна она? Что ж ты не пишешь,
Кто подлый клеветник! О мой хозяин,
Ужель твой слух податливый отравлен
Каким-нибудь коварным итальянцем,
Носящим яд на языке и в мыслях?

Ее в измене ты винишь? О нет!
Скорей за верность мучится она,
Не женщине подобна, а богине,
Снося такие горькие обиды,
Которые могли бы сокрушить
Любую добродетель! Господин мой!
Ты стал душою ниже, чем она,
Как прежде ниже был происхождением.
Ты требуешь, чтоб я во имя клятвы
Любви и долга, что я дал тебе,
Убил ее? Чтоб кровь ее я пролил?
Коль это значит хорошо служить,
Так мне усердным не бывать слугою.
Бесчеловечным ты меня считаешь,
Коль думаешь, что я решусь на это.

(Читает.)

“Исполни все. Она, прочтя письмо,
Сама тебе поможет”. Лист проклятый!
Черней чернил, которыми написан!
Бесчувственный лоскут, и ты участник
Чудовищного, подлого злодейства,
Хоть с виду чист и бел!— Она идет.
Прикинусь, будто ничего не знаю.

Входит Имогена.

И м о г е н а

Что нового, Пизанио?

П и з а н и о

Письмо от господина моего.

И м о г е н а

От твоего? Мой господин он, мой!
Ах, сколь великим слыл бы меж людьми,
Сколь глубоко грядущее постиг бы
Тот звездочет, который знал бы звезды,
Как почерк мужа знаю я. О боги!
Пусть эти строки о любви твердят,
О том, что он доволен и здоров
И лишь страдает от разлуки. Пусть!
Пусть он грустит из-за нее. Порой
Целительна и скорбь, а скорбь такая
Полезна для любви. Будь всем доволен,
Лишь не разлукой нашей. — Милый воск,
Сниму тебя. Благословенны пчелы
За воск, хранящий тайны. Молят разно
Богов любовники и должники.
Виновным ты грозишь тюрьмою, воск,
Но охраняешь тайны Купидона.
Весть добрую пошлите мне, о боги!

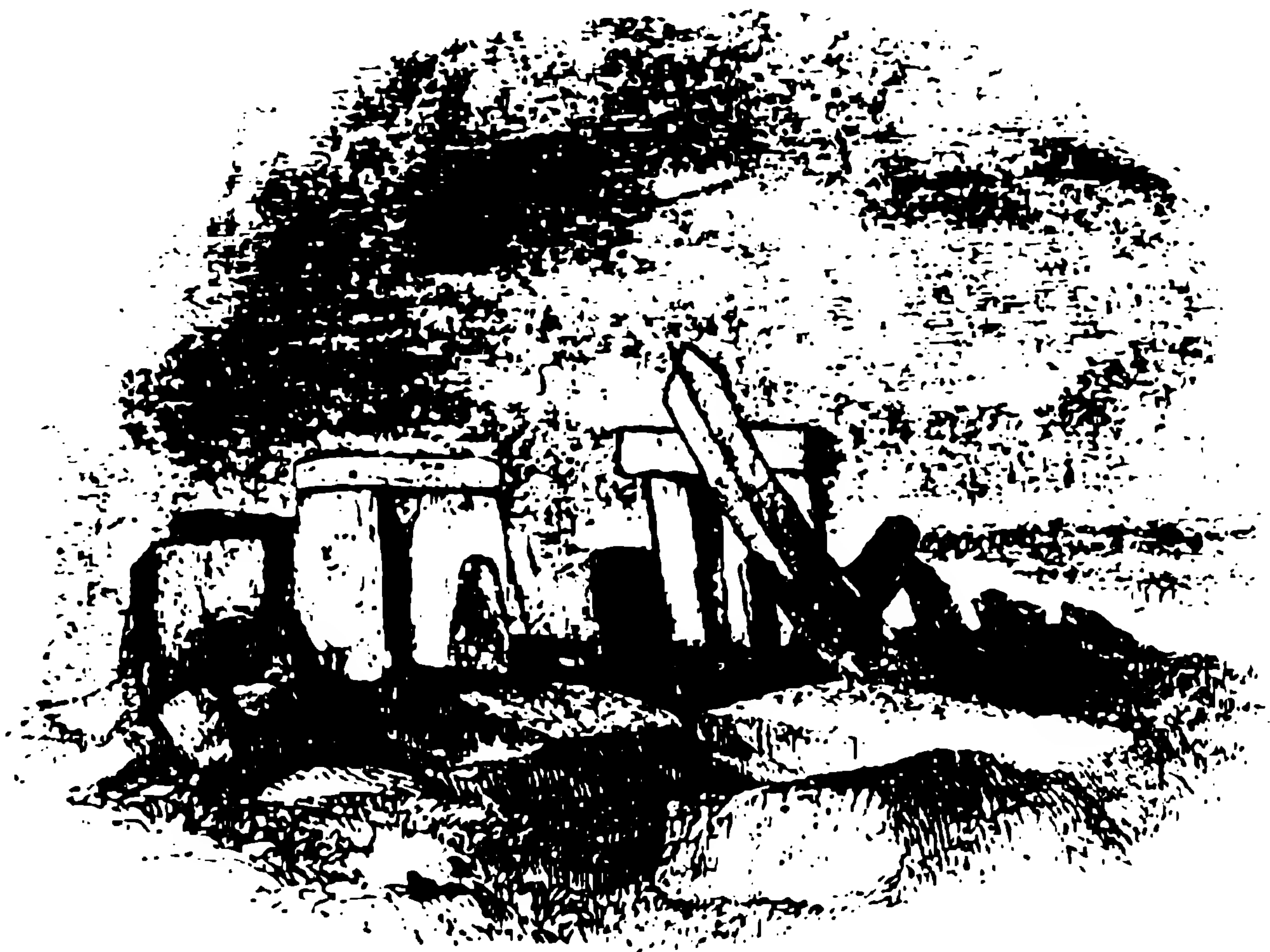
(Читает.)

“Ни грозный суд, ни гнев твоего отца, если он схватит меня в своих владениях, не смогут поразить меня, бесценная, если ты бросишь на меня свой животворный взор. Знай же, я нахожусь в Камбрии, в Мильфордской гавани; поступи

так, как велит тебе твоя любовь. Я желаю тебе всяческого счастья, любимая, и остаюсь верным своим клятвам и любви, растущей с каждым днем. Леонат Постум”.

Коня! Коня! Крылатого коня!—
Он в Мильфорде! Прочти! Далеко ль это?
Коль тащатся из-за ничтожных дел
Туда неделю, я домчусь и в сутки!
Пизанио мой верный, ты ведь тоже
С ним жаждешь встречи, так же как и я?

Древнейшие остатки британской культуры — Стоунхендж

Ах нет, не так, как я! Я — бесконечно,
Ты — меньше, правда? О, скажи скорей
И громче, громче. Ты, любви наперсник,
Ты должен слух мой радостью наполнить,
Рассудка голос заглушив. Далеко ль
Желанный Мильфорд? Как счастлив Уэльс,
Владея гаванью такой! Но прежде
Скажи, как ускользнуть нам из дворца?
Как объяснить часы отлучки нашей?
Но главное — как выбраться? Да нет!
К чему искать заранее оправданий
Проступку, не свершенному еще?
Мы после их найдем. Ответь мне, сколько
Десятков миль проскачем за день мы?

П и з а н и о

По двадцать миль с рассвета до заката,
И то с большим трудом, принцесса.

И м о г е н а

Что?

Да человек, плетущийся на казнь,
Не медлит так. Быстрее песка в часах,
Я слышала, на скачках кони мчатся.
Ах нет, все это глупости. Иди
Скажи моей служанке, чтоб она
Прикинулась больной и отпросилась

Домой к отцу. Немедленно достань
Простое платье для дороги мне,
Как у крестьянок здешних.

П и з а н и о

Госпожа,
Обдумать надо...

И м о г е н а

Нет, вперед, вперед!
Все, что кругом, что справа, слева, сзади,
Бледнеет, как в тумане, предо мной.
Беги же. Все исполнить не забудь.
О Мильфорд! Лишь туда ведет мой путь!

Уходят.

Сцена 3

Уэльс. Гористая местность. В скалах пещера.

Из пещеры выходит Б е л а р и й; за ним Г в и д е р и й и А р в и р а г.

Б е л а р и й

День слишком ясен, чтоб сидеть под крышей
Столь низкой. Сыновья мои, нагнитесь.
Вас учит этот вход склонять главу
Пред небесами в утренней молитве.
У королей так кровля высока,

Что и гигант пройдет под ней, не сняв
Чалмы надменной для поклона солнцу.
Так будь благословенно ты, о небо!
В пещере мы живем уж много лет,
Но благодарны более тебе,
Чем жители дворцов.

Г в и д е р и й

Привет, о небо!

А р в и р а г

Привет!

Б е л а р и й

Теперь пора и на охоту —
Вам, легконогим, вон на тот утес,
А мне в долину. И когда я сверху
Вам покажусь с ворону, то заметьте,
Что место, на котором мы стоим,
Нас умалить иль возвеличить может.
Тогда припомните мои рассказы
О принцах, о дворцах, делах военных.
О том, что свет не по заслугам чтит,
А за уменье льстить. И, помня это,
Вы пользу извлечете из всего.
Утешьтесь тем, что жук короткокрылый
Порой надежней защищен бывает,

Чем воспаривший в облака орел.
Поверьте, дети, наша с вами жизнь
Достойней прозябанья в суете
И вечном униженье. Мы богаче
Подачками живущих вертопрахов
И благородней щеголей нарядных,
Берущих в долг шелка свои; торговец
С поклоном провожает их, однако
Не вычеркнет из списка должников.
Нет! Мы счастливей их!

Г в и д е р и й

Ты видел свет,
А мы ещё бескрылые птенцы,
Гнезда не покидавшие; нам даже
Окрестный воздух незнаком. Конечно,
Коль счастье заключается в покое —
Мы счастливы. Ты, знавший столько горя,
Покою рад под старость. Но для нас
Такая жизнь в неведение — темница,
И мы, как должники, порог ее
Переступить не смеем.

А р в и р а г

Что́ мы сможем,
Состарившись, как ты, поведать людям?
Как дни в пещере этой душной, мрачной,

Под шум дождя и злой декабрьский ветер
Мы станем коротать? Мир незнаком нам.
Как звери мы; хитрей лисы в охоте,
Смелей волков в погоне за добычей.
В чем доблесть наша? Затравить бегущих?
Из клетки сделав клирос, мы, как птицы,
Свою неволю сами воспéваем.

Б е л а р и й

Что слышу я! Когда б вы только знали
Всю мерзость городов! С придворной жизнью
Расстаться трудно, но еще труднее
Жить при дворе. Путь к славе — путь к паденью;
Так скользок он, что страх упасть страшней
Паденья самого! А ратный труд?
Ты ищешь славы в доблестном бою,
А смерть найдешь — тебя же и помянут
Позорною хулой за славный подвиг.
Как часто доблесть клеветой встречают!
И, что всего ужасней, ты покорно
Несправедливость вынужден сносить!..
О дети! Мир на мне прочесть бы мог
Всю эту повесть. От мечей врага
Я весь в рубцах; я был в зените славы,
Сам Цимбелин любил меня; едва
Речь заходила о храбрейших — тотчас
В устах у всех мое звучало имя.

Я был подобен дереву, что гнется
Под тяжестью плодов; и в ночь одну
Вор или вихрь — зовите как хотите —
Унес мою листву, меня оставив
Нагим под стужей.

Г в и д е р и й

Как превратно счастье!

Б е л а р и й

Клянусь, за мною не было вины,
Но два лжеца монарху нашептали,
Что с Римом в тайный сговор я вступил,
И клевета их восторжествовала
Над честностью моей. Меня изгнали.
Уж двадцать лет, как этот лес и скалы —
Мой мир. Здесь на свободе я живу
И небу возношу хвалу усердней,
Чем в дни былые. — Но пора вам в горы.
Охотник быть не должен краснобаем.
Кто первый дичь подстрелит — тот король
На нашем пиршестве, другие двое —
Прислужники. Мы можем не бояться,
Что пищу нам предательски отравят,
Как во дворце. Мы встретимся в долине.

Гвидерий и Арвираг уходят.

Да, трудно подавить в себе природу.

Не знают юноши, что оба — принцы,
А Цимбелин — что живы сыновья.
Они меня своим отцом считают,
Но хоть взрастил я их в пещере низкой,
Где в рост не встать, и в бедности — однако
Они мечтой стремятся во дворец
И царственность природы их видна
Во всем, чему других и не научишь.
Так Полидор, наследник Цимбелина, —
Король его Гвидерием назвал, —
Когда, усевшись на трехногий стул,
Я речь веду о подвигах военных,
С восторгом пламенным внимает мне.
Едва скажу: “Так пал мой враг, а так
Я наступил ему ногой на шею”, —
К его щекам кровь царственная хлынет,
Пот выступит, и в страшном возбужденье
Он жестами рассказ мой дополняет.
Брат младший Кадвал — прежде Арвираг —
К моим речам внимателен не меньше,
Свой нрав горячий выдавая... — Чу!
Они спугнули зверя... — О король!
Известно только совести моей
Да небу, что безвинно изгнан я
И потому твоих детей похитил,
Лишив тебя наследников, как ты
Лишил меня всего. А Эврифила,

Кормилица, им заменила мать,
И чтут они досель ее могилу,
Меня ж, Белария,— теперь я Морган —
Отцом зовут.— Да, началась охота!

(Уходит.)

Сцена 4

Местность близ Мильфорда.

Входят Пизанио и Имогена.

И м о г е н а

Сойдя с коня, сказал ты: “Мильфорд близко”.
Сильнее, чем впервые рвется мать
К младенцу своему, я к мужу рвусь.
Пизанио! Где Постум? Что с тобой?
Зачем глядишь так дико? Что за вздохи?
Нарисовать бы так кого-нибудь —
И он казался б воплощением скорби.
Ах, измени свой страшный вид, иначе
С ума могу сойти я. Что случилось?
Ты так зловеще подаешь письмо!
В нем вести о весне? Так улыбнись!
Иль о зиме? Тогда твой вид уместен.

Пизанио подает ей письмо.

Рука супруга! Он в беде! Его
В проклятом этом Риме отравили?

О, говори скорей! Твои слова
Смягчат удар, а коль сама прочту —
Умру на месте.

П и з а н и о

Нет, прошу, читайте.

И вы увидите, как я, несчастный,
Судьбой наказан зло.

И м о г е н а (*читает*). “Твоя госпожа, Пизанио, оказалась пугаскушкой и опозорила мое брачное ложе. Сердце мое облилось кровью от доказательств ее измены. Я говорю не о каких-то ничтожных подозрениях; доказательства так же сильны, как мое горе, и так же верны, как, надеюсь, будет мое мщение. Ты должен отомстить за меня, Пизанио, если ее измена не поколебала твоей верности. Лиши Имогену жизни твоей собственной рукой. Эта возможность представится тебе в Мильфордской гавани, куда завлечет ее мое письмо. Если ты побоишься убить распутницу и не уверишь меня в ее смерти, значит, ты сообщник ее бесчестья и изменил мне так же, как она”.

П и з а н и о

Мне вынуть меч? Зачем, когда и так
Ей горло перерезало письмо?
Нет, жало клеветы острее меча,
Укус — опасней яда нильских змей;
Дыхание ее на крыльях бури
Летит, все уголки земли пятная,

Черня царей, цариц, и дев, и жен,
И даже тайны склепов отравляет
Ехидна клеветы.— Мой бог! Что с вами?

И м о г е н а

Я — неверна?.. Что значит быть неверной?
Лежать без сна и думать о любимом
И плакать без конца? Глаза смежить,
Когда над горем верх возьмет усталость,
И тотчас в страшном сне его увидеть
И с криком пробудиться? Это значит
Неверной быть? Скажи!

П и з а н и о

Увы, принцесса...

И м о г е н а

Я неверна? Будь, Якимо, свидетель,
Когда винил ты Постума в распутстве,
Тебя я подлецом сочла. А ныне
Я вижу, ты не лгал. Он околдован
Какою-нибудь римскою сорокой,
Румянами наведшей красоту.
А я плоха, я — платье не по моде,
Но слишком дорогое, чтоб висеть
На стенке. Ну так режь меня, кромсай!
Предательство для нас мужские клятвы!

О мой супруг! Из-за твоей измены
Все доброе на свете стало злым
И лицемерным — нет добра для женщин,
Все фальшь, приманка!

П и з а н и о

Госпожа, постойте...

И м о г е н а

Честнейшим людям верить перестали
Из-за лжеца Энея. Плач Синона
К святым слезам других убил доверье
И состраданье к подлинному горю.
Так, Постум, ты людей пятнаешь честных
Своим поступком. Благородство, доблесть —
В предательство, коварство обратились. —
Что ж медлишь ты, Пизанио? Скорей!
Хоть ты будь честным и приказ исполни.
А встретишь снова Постума — скажи,
Покорна я была. Вот посмотри,
Сама я вынула твой меч. Возьми же!
Рази приют любви невинный — сердце.
Не бойся: пусто в нем — одна лишь скорбь;
Там нет того, кто был его богатством.
Исполни же приказ, убей меня.
Был храбрым ты, но, кажется, сейчас
Ты трусишь?

П и з а н и о

Прочь, презренный меч! О нет,
Руки не оскверню тобой.

И м о г е н а

Должна

Я умереть, и если это будет
Не от твоей руки, плохой слуга ты.
Самоубийство воспрещают боги,
И потому рука моя дрожит.
Скорей! Вот сердце... Грудь прикрыта чем-то?
Прочь! Прочь! Не надо сердцу лат. Пусть будет
Оно мечу послушно, как ножны.
Что это? Письма верного супруга?
Вы — ересь! Вы мою сгубили веру,
Не щит для сердца вы. Хоть может пастырь
Своею ложью обмануть глупцов,
В страданья ввергнув их, но и обманщик
От кары не уйдет!
О Постум, ты, заставивший меня
Ослушаться отца и государя
И предложенья принцев отвергать
С презрением надменным, — ты поймешь,
Что подвигом, какой не часто встретишь,
Была любовь моя. Мне горько думать,
Что ты, устав от ласк любви продажной,
Вздохнешь с тоскою, вспомнив обо мне. —

Мильфорд. Гравюра с рисунка художника Сарджента

Скорей! Торопит мясника ягненок:
“Где нож твой?” Медлишь ты приказ исполнить,
Желанный для меня.

П и з а н и о

О госпожа,
Я, получив приказ, лишился сна.

И м о г е н а

Исполни — и заснешь.

П и з а н и о

Пускай я раньше
От бдения ослепну.

И м о г е н а

Так зачем же
Ты взялся выполнить его? Зачем
За столько миль завез меня обманом?
Зачем мы здесь в столь поздний час? Зачем
Ты так старался? Лошадей загнал?
И взволновал моей отлучкой двор,
Куда я больше не вернусь? Зачем,
Настигнув лань, ты тетиву ослабил?

П и з а н и о

Чтобы, подольше время оттянув,
Уйти от злого дела. Госпожа,

Я план придумал. Выслушать меня
Прошу.

И м о г е н а

Что ж, дай работу языку.
Я потаскушкой названа! Нельзя
Сначала сердце мне пронзить, а после
Перевязать его. Но говори.

П и з а н и о

Отсюда не вернетесь вы.

И м о г е н а

Конечно;

Ведь ты убьешь меня.

П и з а н и о

Не потому.

Будь так умен, как честен я, мой план
Счастливым оказался б. Мой хозяин
Введен в обман каким-нибудь лжецом,
Жестоко оскорбившим вас обоих.

И м о г е н а

Распутницей из Рима?..

П и з а н и о

Нет, клянусь вам!

Я напишу, что вы убиты мною.

Он приказал, и я пошлю ему
Кровавую улику вашей смерти.
Исчезновенье ваше из дворца
Все это подтвердит.

И м о г е н а

А мне что делать?
Где жить? Скрываться? И к чему мне жизнь,
Раз для супруга буду я мертва.

П и з а н и о

Но стоит вам вернуться во дворец...

И м о г е н а

Нет, ни к отцу, ни во дворец. Там Клотен,
Мучитель мой, ничтожный, грубый, наглый.
Он мне страшней, чем городу осада.

П и з а н и о

Тогда вам жить в Британии нельзя.

И м о г е н а

Но где ж? А впрочем, разве солнце всходит
Лишь над одной британскою землею?
Британия — часть мира, но не мир —
В пруду большом гнездо лебяжье. Люди
Живут не только в ней.

П и з а н и о

Я очень рад,
Что мыслью вы в других краях. Прибудет
Посланник Рима Луций завтра в Мильфорд.
Когда б свой облик изменить могли вы,
Скрыв то, что вам при вашей горькой доле
Опасно обнаружить, вы б сумели
Вступить на путь надежд и жить счастливо
Близ Постума, хоть и не видясь с ним,
Но слыша каждый день о нем рассказы
Молвы правдивой.

И м о г е н а

Я на все готова!
Пусть скромности моей грозит опасность,
Лишь бы не чести.

П и з а н и о

В этом-то и суть.
Забудьте, что вы женщина, отныне.
Пусть робость, нежность — вечные служанки
Всех женщин, а верней — их украшение —
Уступят место дерзостной отваге,
Находчивости, пылкости; забудьте
О нежном цвете ваших щек — увы,
Иного средства нет, — пусть солнца луч
Целует жадно их. Забыть придется

Изящные наряды, безделушки,
Которым позавидовать могла бы
Сама Юнона.

И м о г е н а

Говори скорее!
Мне ясен смысл твоих речей. Мужчиной
Себя уже я чувствую.

П и з а н и о

Сначала

Вам надо стать похожей на мужчину.
Я догадался сунуть в свой мешок
Камзол, штаны и шляпу, и другое,
Что будет нужно. Вы переоденьтесь,
Явитесь к Луцию и добивайтесь,
Чтоб взял он вас на службу. Расскажите,
В чем вы искусны; пойте для него;
Коль музыку он любит, то охотно
Возьмет вас. Человек он благородный
И, что всего важнее, строгих правил.
Я дам вам средства к жизни на чужбине
И буду впредь давать.

И м о г е н а

Один лишь ты
Богами послан мне на утешенье.

Идем же. Надо многое обдумать,
Покуда время есть, и все уладить.
Сейчас я воин и на этот риск
Иду с отвагой царской. Но скорее!

П и з а н и о

Нет, госпожа, простимся. Во дворце
Меня не видят, могут заподозрить,
Что я ваш соучастник. Вот вам ларчик,
Дар королевы. В нем состав бесценный.
Какой бы вас ни одолел недуг,
Один глоток — и все пройдет. Возьмите.
Теперь за дело! Там, в тени деревьев,
Примите вид мужской, и да помогут
Вам небеса.

И м о г е н а

Аминь. Благодарю.

Уходят в разные стороны.

Сцена 5

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Цимбелин, королева, Клотен,
Луций и вельможи.

Ц и м б е л и н

Прощай! Счастливый путь.

Л у ц и й

Благодарю.

Мне Цезарь возвратиться повелел.
Поистине скорблю, провозглашая
Тебя врагом его.

Ц и м б е л и н

Народ не хочет
Под игом оставаться; а король,
Не поддержавший поданных своих,
Унизил бы свой сан.

Л у ц и й

Прошу тебя
До Мильфорда мне дать проводников.
Вам с королевою желаю счастья.

Ц и м б е л и н
(вельможам)

Вы будете посла сопровождать.
Ни в чем не нарушайте долг почтения!
Прощай, Кай Луций.

Л у ц и й
(Клотену)

Вашу руку, принц.

К л о т е н

Даю ее как друг, но скоро станет
Она рукой врага.

Л у ц и й

Покажет время,
Кто победит. Желаю всяких благ.

Ц и м б е л и н

Посла до переправы через Северн
Не покидайте, господа. Привет!

Луций и вельможи уходят.

К о р о л е в а

Ушел он хмурясь; нам гордиться должно,
Что мы причина этого.

К л о т е н

Тем лучше;
Войны желают храбрые британцы.

Ц и м б е л и н

Кай Луций в Рим уже послал известье
О происшедшем здесь. Пришла пора
Готовить всадников и колесницы.
Войска, что в Галлии стоят сейчас,
Пополнит Рим, снабдит необходимым
И двинет их на нас.

К о р о л е в а

Теперь придется
Нам действовать решительно и быстро.

Ц и м б е л и н

Предчувствуя, как дело обернется,
Готовились к войне и мы. Но где,
Скажите, наша дочь? Не появилась
Она перед послом и не почтила
Нас утренним приветом. Как я вижу,
Строптивости гораздо больше в ней,
Чем послушания.— Позвать ее!—
Мы слишком снисходительны к ней были.

Один из вельмож уходит.

К о р о л е в а

Мой государь! С тех пор как изгнан Постум,
Она к уединению стремится,
И рану эту исцелит лишь время.
Молю вас, резко с ней не говорите;
Чувствительна она; и для нее
Упрек — удар; удар же — смерть.

Вельможа возвращается.

Ц и м б е л и н

Где дочь?
Чем непокорность может оправдать?

В е л ь м о ж а

Ее покои заперты на ключ,
Как ни стучали — не было ответа.

К о р о л е в а

Когда мы виделись в последний раз,
Принцесса умоляла извинить
Ее затворничество, уверяя,
Что только нездоровье ей мешает
К вам по утрам являться, и просила
Все это передать вам, но, простите,
Я в хлопотах забыла...

Ц и м б е л и н

Дверь закрыта?

Ее не видно? Небо, сделай ложным
Предчувствие мое!

(Уходит.)

К о р о л е в а
(Клотену)

Ступай за ним.

К л о т е н

Я верного слугу ее Пизанио
Два дня не видел.

К о р о л е в а

Все узнай. Ты слышишь?

Клотен уходит.

Пизанио — пособник Леоната!
Он взял мой яд. Ах, если б это зелье
Отсутствие слуги нам объяснило...
Ведь он в его целительность поверил.
Но где ж она? Куда исчезла вдруг?
Ах, если бы в отчаянье она
Или в пылу любви умчалась к мужу,
Себе готовя смерть или позор!..
Не все ль равно, каков ее конец?
Мне нужен лишь Британии венец!

К л о т е н возвращается.

Ну как, мой сын? Узнал?

К л о т е н

Она бежала!

**Король безумствует! Никто не смеет
Приблизиться к нему.**

К о р о л е в а

Ну что ж, тем лучше.

**О, если бы, судьбу свою кляня,
Не дожил он до завтрашнего дня!**

Королева уходит.

К л о т е н

Люблю и ненавижу Имогену.
Она красива — истая принцесса;
Другие все, и дамы и девицы,
Пред ней — ничто. Ах, черт, она сумела
Все лучшее соединить в себе!
Она затмила всех, и вот за это
Я и люблю ее. Но, мной гнушаясь
И Постума презренного избрав,
Она свой вкус позорит и теряет
Всю прелесть для меня. Вот потому
Ее я ненавижу, буду мстить ей —
Лишь дураки...

Входит П и з а н и о.

Кто здесь? Ах, ты?.. Приблизься!
Ты, значит, строишь козни, мерзкий сводник?
Ах, негодяй! Где госпожа твоя?
Ну, живо отвечай! Иначе вмиг
Тебя к чертям отправлю.

П и з а н и о

О мой принц!

К л о т е н

Принцесса где? Юпитером клянусь,
Спросил в последний раз я! Пес! Мошенник!
Я вырву тайну у тебя из сердца

Иль сердце вместе с тайной. С кем она?
Неужто с Постумом, с навозной кучей,
Где чести нет и зернышка?

П и з а н и о

Да что вы!
Как быть ей с ним? Когда ее хватились?
Он в Риме ведь.

К л о т е н

А где она? Стань ближе!
Свои увертки брось. Ответь мне толком,
Что с ней произошло?

П и з а н и о

Великий принц!

К л о т е н

Великий ты пройдоха!
Сейчас же говори, где госпожа?
Немедленно! Без “принцев” и “великих”.
Ну? Смертный приговор себе подпишешь
Молчанием своим!

П и з а н и о

Вот, принц, письмо.
Там все, что о побеге госпожи
Известно мне.

(*Подает письмо.*)

К л о т е н

Посмотрим. Я за нею
До трона Цезаря намерен гнаться.

П и з а н и о
(в сторону)

Что делать мне? Иль это, или смерть.
Она далеко; не опасно ей,
Коль он за ней погонится.

К л о т е н
(читая письмо)

Ага!..

П и з а н и о
(в сторону)

Придется господину моему
Мне написать, что умерла она.
Прощай, о госпожа! Счастливый путь!
Скорей вернись. Благословенна будь!

К л о т е н. А письмо это не лжет?

П и з а н и о. Я полагаю, нет.

К л о т е н. Это рука Постума! Да, я ее знаю!— Эй, бездельник! Если ты перестанешь мошенничать и будешь верно служить мне, будешь точно и честно исполнять все мои приказания, какие бы они ни были бесчестные, то я буду считать тебя честным и можешь рассчитывать на мою помощь. Ты нужды знать не будешь, и я тебя вознесу.

П и з а н и о. Я согласен, мой добрый принц.

К л о т е н. Будешь ты служить мне? Ты так терпеливо и преданно служил этому нищему Постуму, что уж из одной благодарности станешь моим верным слугой. Будешь служить мне?

П и з а н и о. Буду, ваше высочество.

К л о т е н. Держи руку — вот кошелек! Сохранилось у тебя какое-нибудь платье твоего бывшего господина?

П и з а н и о. Да, принц, у меня в комнате лежит то самое платье, в котором он прощался с госпожой перед отъездом.

К л о т е н. Иди и тащи сюда это платье. Пусть это будет твоей первой услугой. Ступай!

П и з а н и о. Иду, ваше высочество! (*Уходит.*)

К л о т е н. Мне нужно застать ее в Мильфорде. Эх, черт, забыл спросить его, ну да это не уйдет. Вот так-то, Постум, негодяй ты этакий, я и убью тебя. Принес бы он поскорее платье! Она сказала — до сих пор у меня от этих слов сердце желчью исходит! — что обноски Постума ей дороже моей светлейшей особы, украшенной всеми моими достоинствами. Так вот в этих обносках Постума я насильно овладею ею, но прежде на ее глазах убью его. Вот тут-то она и увидит мою доблесть и раскается в своем высокомерии. Он будет повержен в прах, я надругаюсь над его трупом, а затем утолю свою страсть, но, чтобы еще сильнее поиздеваться над красавицей, сделаю все это в платье, которое она так высоко оценила. А потом пинками погоню ее обратно домой! Тебе доставляло удовольствие презирать меня, а мне радостно будет отомстить тебе.

П и з а н и о возвращается с платьем.

К л о т е н. Это то самое платье?

П и з а н и о. То самое, принц.

К л о т е н. А давно принцесса отправилась в Мильфорд?

П и з а н и о. Едва ли она уже успела туда добраться, ваше высочество.

К л о т е н. Отнеси платье в мою комнату; это твоя вторая услуга, а третья — никому ни слова не говори о моих намерениях. Будь только верен, и тебе не придется долго ждать повышения. Моя месть ждет меня в Мильфорде! Ах, будь у меня пара крыльев, я бы полетел за ней. Идем со мной и будь мне верен. (*Уходит.*)

П и з а н и о

Чтоб я тебе дал верности обет,
Предав моих господ? Не выйдет, нет!
Мчись в Мильфорд, там беглянки не найти.
О небо, охрани ее в пути!
Глупцу же ставь преграду за преградой;
Да будут лишь они его наградой!

(*Уходит.*)

Сцена 6

Уэльс. Перед пещерой Белария.

Входит И м о г е н а, одетая мальчиком.

И м о г е н а

Теперь я знаю — трудно быть мужчиной!
Я так устала. Вот уже две ночи

Моя постель — земля. Не будь мой дух
Так тверд, занемогла бы я. Ах, Мильфорд,
Казался близким ты! Но вижу я,
Дома и те бегут от бедняков,
Лишая крова их. Путь указали
Два нищих мне, я сбиться не могла.
Ужель бедняк, изведавший невзгоды,
Обманет, зная, что обман его
Несет мученье ближним? Мы привыкли,
Что часто лгут богатые, и все же
В богатстве лгать постыдней, чем в нужде:
Ложь королей гнусней, чем ложь бездомных.
И ты солгал, супруг мой дорогой!
При мысли о тебе проходит голод,
А я ведь чуть не падаю.— Что здесь?
В пещеру дикую ведет тропинка?..
Не крикнуть ли? Нет, я боюсь. Но голод
Пред смертью храбрость придает. Довольство
И лень рождают трусов, а нужда —
Мать мужества.— Эй! Кто там? Человек —
Так отзовись! Дикарь — так жизнь мне дай
Иль отними! Эй!.. Тихо... Я войду,
Но выну меч, и если враг боится
Меча, как я сама, едва ль посмеет
Он на меня напасть. Пошли мне бог
Врага такого!

(Входит в пещеру.)

Появляются Беларий, Гвидерий и Арвирог.

Беларий

Ты, Полидор, из нас охотник лучший
И пиршества хозяин. Я и Кадвал —
Слуга и повар: таково условие.
Искусство и старанье погибают,
Не вдохновленные конечной целью!
Идемте же. Приправит голод славно
Обед неприхотливый наш. Усталость
На голом камне спит, зато лентяю —
Перина жестче камня. Мир тебе,
Приют наш скромный, сам собой хранимый.

Гвидерий

Как я устал!

Арвирог

Хоть я и обессилен
От голода, но сам не ослабел.

Гвидерий

Ведь есть у нас еще немного мяса
Холодного. Мы им и подкрепимся,
Пока поспеет дичь.

Беларий

Стой! Не входите!

Когда бы он не ел запасы наши,
Я принял бы его за божество.

Г в и д е р и й

А что случилось там?

Б е л а р и й

Нет, это ангел!
Клянусь, что это дух! Воздушный эльф
В обличье юноши.

И м о г е н а выходит из пещеры.

И м о г е н а

Молю вас, сжальтесь!
Я звал у двери — никого! Ужасно
Мне есть хотелось. Я не вор. Вот плата,
Клянусь, я даже золота не взял бы,
Рассыпанного по полу...

(Протягивает деньги.)

Вот деньги.

Еду окончив, я бы на столе
Оставил их и снова в путь пустился
С молитвой за хозяев.

Г в и д е р и й

Деньги, мальчик?

Арвират

Пусть раньше золото и серебро
В грязь обратятся! Чтят их только те,
Кто грязных чтит богов.

Древнеримский барельеф

Имогена

Вы рассердились?

Но если вы меня убить хотите
За мой проступок, найдите — я бы умер,
Не совершив его.

Беларий

Куда идешь ты?

И м о г е н а

Спешу я в Мильфорд.

Б е л а р и й

Как тебя зовут?

И м о г е н а

Фиделе. Захотел один мой родич
Из Мильфорда в Италию отплыть.
Я шел к нему, но, голодом томимый,
Взял пищу здесь.

Б е л а р и й

Мой мальчик, не считай

Нас дикарями; не суди о нас
По грубому жилищу. Будь нам гостем.
Уж поздний час. Мы угостим тебя,
Чем только сможем. Будем благодарны
Коль ужин с нами ты поделишь.— Дети,
Просите же.

Г в и д е р и й

Будь женщиной ты, мальчик,
Я за тобой ухаживать бы начал,
Как за невестою.

А р в и р а г

А я доволен,

Что ты мужчина. Ты мне мил, как брат,
И я тебя встречаю, словно брата,
С которым был в разлуке. Мой привет!
Развеселись; ведь ты попал к друзьям.

И м о г е н а
(в с т о р о н у)

Зачем не к братьям? Будь они мне братья,
Я не была б наследницей престола
И, цену потеряв свою тогда,
С тобою равной стала бы, мой Постум.

Б е л а р и й

Он чем-то опечален.

Г в и д е р и й

Я хотел бы

Помочь ему.

А р в и р а г

И я. Ценой любых
Трудов, хлопот, усилий...

Б е л а р и й

Вот что, дети...

Беларий, Гвидерий и Арвираг шепчутся.

И м о г е н а

О, если б на земле существовали
Такие короли, под чьим господством
Исчезли б рабство, голод и нужда;
Дворцы такие, где одна лишь совесть
Мерилом бы величия служила,
А не хвала льстецов! О, будь на свете
Такие короли — то и они
Не превзошли б своим величьем этих
Простых людей! Меня простите, боги,
Но, Постума измену испытав,
Хотела б я теперь мужчиной стать
И здесь остаться с ними.

Б е л а р и й

Так и будет...

(Гвидерию и Арвирагу.)

Пойдем готовить дичь.

(Имогене.)

Входи, мой милый,
Что за беседа на пустой желудок?
Мы после ужина тебя попросим
Поведать о себе все то, что сам
Захочешь рассказать.

Г в и д е р и й

Прошу, входи.

А р в и р а г

Не так приятно жаворонку утро
И ночь сове, как ты приятен нам.

И м о г е н а

Благодарю.

А р в и р а г

Прошу тебя, войди.

Уходят.

Сцена 7

Рим. Площадь.

Входят два патриция и трибуны.

П е р в ы й п а т р и ц и й

Вот смысл указа Цезаря. Внимайте:
Ввиду того что посланы войска
Паннонцев и далматов усмирять,
А легионов, в Галлии стоящих,
Нам будет мало, чтоб начать войну
С мятежными британцами, наш Цезарь
Призвал патрициев принять участие
В походе на Британию. Назначил
Он Луция проконсулом. А вам
Велит немедля же вступить в войска.
Да здравствует наш Цезарь!

Т р и б у н

Командует войсками Луций?

В т о р о й п а т р и ц и й

Да.

Т р и б у н

Он в Галлии сейчас?

П е р в ы й п а т р и ц и й

При легионах,

Которые обязаны пополнить

Набором вы. Указывает Цезарь

В приказе и число людей, и сроки

Отправки их.

Т р и б у н

Мы выполним свой долг.

Уходят.

АКТ IV

Сцена I

Уэльс. Близ пещеры Белария.

Входит К л о т е н.

К л о т е н. Если Пизанио верно описал мне, то встреча у них назначена где-то поблизости. Платье Постума пришлось мне впору, как по мерке. Отчего бы мне не прийти по мерке и его возлюбленной? Ведь говорят, что женщине впору тот придется, кто к ней в пору подберется. Вот тут-то я и должен изловчиться. Раз нет ничего зазорного в том, что человек, находясь наедине с зеркалом, любит себя, то могу признаться, что сложен я несколько не хуже Постума. Я не моложе его, но сильнее; состояние мое не меньше, а положение повыше. Я знатнее его родом, искусен в делах государственных, а в поединке мне равного не найти. И все-таки эта взбалмошная дура, мне назло, любит его. Вот она, человеческая жизнь! Голова твоя, Леонат, все еще сидит на плечах, но через час слетит; возлюбленную твою я обещаю, платье на ней изорву в клочья. А как покончу со всем этим, погоню красави-

цу пинками домой к отцу. Он, может быть, и посердится немножко за такое грубое обращение с дочкой, но моя матушка умеет прибирать его к рукам, и все обернется так, что он еще меня и похвалит... Лошадь я привязал надежно. Ну, меч, вон из ножен! Трудная тебе предстоит работа! Эх, Фортуна, только отдай их в мои руки! По описанию это как раз похоже на то место, где у них назначена встреча; обмануть меня этот Пизанио на посмел бы. (*Уходит.*)

Сцена 2

Перед пещерой Белария.

Из пещеры выходят Беларий, Гвидерий, Арвираг и Имогена.

Беларий
(Имогене)

Ты нездоров? Останься здесь, а мы
Придем после охоты.

Арвираг
(Имогене)

Брат, останься;
Мы братья, правда ведь?

Имогена

Все люди братья.
Но зачастую, знатностью кичась,

Беларий, Гвидерий, Арвираг и Имогена.
Рисунок Дж.Джилльберта

Себя возвысить хочет плоть над плотью,
Хоть после смерти все лишь прах. Я болен.

Г в и д е р и й

Охотьтесь без меня, я с ним останусь.

И м о г е н а

Зачем? Не так опасно болен я
И не из тех, кто, прихворнув немного,
Уж видит смерть перед собой. Прошу вас,
Трудом своим обычным занимайтесь;
Привычку раз нарушить — все нарушить.
Да, болен я, но вы, со мной оставшись,
Помочь не в силах. Вид людей не может
Утешить тех, кто от людей бежит.
Не так мне плохо, если я об этом
Судить могу. Я дом стеречь останусь
И ничего не украду, поверьте,
Уж разве только самого себя,
А коль умру — невелика потеря.

Г в и д е р и й

Люблю тебя, мой мальчик. Повторяю,
Люблю тебя не меньше, не слабее,
Чем своего отца.

Б е л а р и й

Как? Что такое?

А р в и р а г

Коль это грех — грешны мы оба с братом;
Пришелец этот стал мне странно близок.
Ты говорил — любовь необъяснима!
Да, если встанет у порога смерть,
Спросив, кто должен умереть, отвечу:
“Отец мой, а не мальчик!”

Б е л а р и й
(в сторону)

Вот она,
Кровь королей! Природное величье!
Ничтожество — отродие ничтожеств;
Рождает труса трус. В природе есть
Мука и отруби, позор и честь.
Пусть им я не отец, но отчего же
Для них стал мальчик ближе и дороже?..—
Уже девятый час.

А р в и р а г

Брат, до свиданья!

И м о г е н а

Успеха вам!

А р в и р а г

Тебе — здоровья. В путь!

И м о г е н а
(в сторону)

О, как они добры! А мне казалось,
Что вне дворцов лишь дикари живут,
Но я совсем иное вижу тут.
Родит чудовищ глубина морей,
А вкусную форель — простой ручей.
Но мне все хуже. В сердце боль... Пизанио,
Приму твоё лекарство.

Г в и д е р и й
(Беларию и Арвирагу)

Ничего
Я не узнал; ответил мальчик только,
Что знатен он и честен, но бесчестно
Преследуют его.

А р в и р а г
И мне поведал
Он то же самое, но обещал,
Что позже все расскажет.

Б е л а р и й
Нам пора!
(Имогене.)
А ты здесь отдохни.

Арвирог

Мы ненадолго.

Беларий

И не хворай; ведь ты хозяйку должен
Нам заменить.

Имогена

Больной я иль здоровый,
Служить вам рад.

Беларий

Навек останься с нами.

Имогена уходит в пещеру.

Хоть юноша и бедствует, но видно —
Он знатен родом.

Арвирог

Он поет, как ангел.

Гвидерий

А стряпает как славно! Как умеет
Коренья резать, приправлять похлебку,
Как будто для стола больной Юноны.

Арвирог

Вы видели, как мило у него
Улыбка сочетается со вздохом?

Горюет вздох, что не улыбка он,
Улыбка ж потешается над вздохом,
За то что он мечтает улететь
Из храма своего и слиться с бурей —
Грозою моряков.

Г в и д е р и й

Переплелись
Корнями в нем терпение и скорбь.

А р в и р а г

Расти, расти, терпение, а ты,
Сорняк неюдный — скорбь, умри скорей
И виноградных лоз глушить не смей!

Б е л а р и й

Уже светло. Поторопитесь!— Кто там?

Входит К л о т е н.

К л о т е н

Бродяг я этих так и не нашел.
Пизанио, подлец, надул меня.
Я изнемог!

Б е л а р и й

Бродяг? Уж не о нас ли?..
Он мне знаком как будто... Это Клотен,

Сын королевы. Нет ли здесь измены?
Его узнал я, хоть давно не видел.
Мы вне закона. Скрыться надо нам.

Г в и д е р и й
(Беларию)

Он здесь один. Вы с братом посмотрите,
Не прячется ли кто еще в лесу.
Меня оставьте с ним.

Беларий и Арвираг уходят.

К л о т е н

Стой! Ты куда?
Бежать? Ты кто такой? Разбойник мерзкий?
Я знаю вас! Эй, низкий раб, ты кто?

Г в и д е р и й

Не столь я низок, чтобы не проткнуть
Тебя своим мечом за это.

К л о т е н

Вор,
Грабитель, негодяй! Сдавайся, пес!

Г в и д е р и й

Кому? Тебе? Ты кто? Иль у меня
Рука слабей твоей? Душа слабее?
Слова твои наглее, это верно,

Но не во рту ношу я свой кинжал.
Ты кто? Зачем тебе я сдамся?

К л о т е н

Раб!

Ты не узнал меня по платью?

Г в и д е р и й

Нет!

Нахал! Твой дед, наверно, был портняжка;
Тебе он платье сшил, и лишь по платью
Ты человеком стал.

К л о т е н

Ах ты мерзавец!

Не мой портной мне это платье шил.

Г в и д е р и й

Так убирайся и скажи спасибо
Тому, кто подарил тебе его.
Болван! Мне даже бить тебя противно.

К л о т е н

Ах, висельник, подлец, узнай, кто я,
И трепещи!

Г в и д е р и й

Ну, кто же ты такой?

К л о т е н

Я Клотен, негодяй!

Г в и д е р и й

Будь, Клотен, ты хоть дважды негодяй,
Я не боюсь. Будь ты паук иль жаба,
И то бы я скорей смутился.

К л о т е н

Знай

И цепеней — сын королевы я!

Г в и д е р и й

Срамишь ты, значит, свой высокий род.

К л о т е н

Как, ты не испугался?

Г в и д е р и й

Нет, нисколько!

Боюсь и почитаю я лишь умных!
А дурни мне смешны.

К л о т е н

Тогда умри!

Убью тебя своей рукой, а после
И тех двоих; на городских воротах

Повешу ваши головы. Сдавайся,
Дикарь несчастный!

Уходят, сражаясь.

Входят Б е л а р и й и А р в и р а г.

Б е л а р и й

Ни души вокруг.

А р в и р а г

Нет никого. Ты, видимо, ошибся.

Б е л а р и й

Боюсь сказать. Прошли года, но время
Не изменило черт его лица;
Отрывистая речь и грубый голос
Все те же. Нет, конечно, это принц —
Уверен я.

А р в и р а г

Они вдвоем остались.
Дай бог, чтоб с братом он не начал ссоры...
Ты говоришь, опасен принц?

Б е л а р и й

Настолько

Он туп и недалек, что часто глупость
В нем гасит чувство страха, и не знает
Он удержу ни в чем. Но вот твой брат.

Входит Гвидерий, в руках у него голова Клотена.

Гвидерий

Дурак был этот Клотен, пустозвон!
Не мог бы выбить из него мозгов
Сам Геркулес — их не было в помине.
Не уничтожь его я, этот дурень
Мне б голову отсек своим мечом,
Как я сейчас ему.

Беларий

Что ты наделал!

Гвидерий

Я знаю что — снес Клотену башку.
Назвал себя он сыном королевы,
Кричал, что я разбойник, вор, бродяга,
Клялся своей рукой нас уничтожить,
Нам головы срубить, повесив их
На городских воротах!

Беларий

Мы погибли!

Гвидерий

Но почему, отец? Что нам терять?
Хотел он погубить нас. Ведь закон
Нам не защита — так ужель мы станем

Сносить его угрозы малодушно
Иль ждать, чтобы кусок спесивый мяса
Судьею нашим стал и палачом
Лишь потому, что вне закона мы?
А вы нашли кого-нибудь в лесу?

Б е л а р и й

Нет, ни души. Но вряд ли он явился
Сюда без свиты. Хоть непостоянен
Он был всегда и рвался от худого
К тому, что вдвое хуже, — ни причуда,
Ни полное безумье не смогли бы
В наш лес завлечь его. А может быть,
Слух во дворце прошел, что здесь живут
Опальные бродяги, что из них
Со временем собраться может шайка;
Вспылил он — это на него похоже —
И нас поймать поклялся. Но не верю,
Чтоб он один пошел. Не так он смел,
Да и пустили бы его навряд ли.
Боюсь, у нас есть основание думать,
Что хвост у этой гадины, пожалуй,
Опасней головы.

А р в и р а г

Пускай свершится,
Что небом суждено, но брат мой прав.

Беларий

Сегодня мне не до охоты, дети;
Меня болезнь Фиделе беспокоит.

Гвидерий

Мечом, которым угрожал мне Клотен,
Отсек ему я голову. Я брошу
Ее в залив за нашею скалою;
Пускай плывет и хвастается рыбам,
Что красовалась на плечах того,
Кто был при жизни сыном королевы.
Мне дела нет!

(Уходит.)

Беларий

Боюсь, нам будут мстить.
Ах, лучше бы не ты его убил,
Мой храбрый Полидор!

Арвираг

Я должен был
Его убить и быть один в ответе.
Брат, я люблю тебя, но этот подвиг
Свершил ты мне на зависть. Пусть же кара,
Какой она ужасной ни была бы,
Падет на нас обоих.

Б е л а р и й

Что сделано, того не воротить.
Охотиться сегодня мы не будем.

(Арвирагу.)

Не стоит рисковать. Ступай в пещеру,
Хозяйничай с Фиделе, я же здесь
Ждать буду Полидора и приду
К обеду с ним.

А р в и р а г

Иду.— Ах, мальчик бедный!
Чтобы вернуть щекам твоим румянец,
Готов я сотню Клотенов убить
И не сочту себя бесчеловечным.

(Уходит.)

Б е л а р и й

Великая природа! О богиня!
Как дивно в этих юношах державных
Себя явила ты! Они нежны,
Как легкий ветерок, когда ласкает
Фиалку он, цветок едва колебля.
Но чуть вскипит в них царственная кровь,
Как оба станут схожи с буйным вихрем,
Который гнет вершины горных сосен
И клонит их в долину. Просто чудо,
Как возникают в них произвольно,

Без поучений, царственные чувства;
Как честь и долг без наставлений крепнут;
Учтивость — без примеров. Доблесть в них
Хоть и дика еще, но даст плоды,
Как при посеве тщательном. Однако
Зачем сюда явился этот Клотен
И что сулит нам смерть его?

Входит Гвидерий

Гвидерий

Где брат?

Я вплавь отправил во дворец гонцом
Башку пустую Клотена, а тело
В залог оставил здесь.

Торжественная музыка.

Беларий

Что слышу я?

Заветный инструмент мой! Он звучит!..
Но почему привел в движенье струны
Твой брат?

Гвидерий

Он дома?

Беларий

Да, вошел туда.

Г в и д е р и й

Молчала лютня с матушкиной смерти.
Я не пойму... Торжественные звуки
Сопутствуют торжественным событиям.
Что с ним? Пустой восторг, пустая скорбь —
Забава для детей и обезьян.
Не помешался ль Кадвал?

Возвращается А р в и р а г, неся на руках бесчувственную Имогену.

Б е л а р и й

Вот идет он

И объяснение скорбное несет
Вины своей.

А р в и р а г

Скончалась наша птичка,
Отрада наша. Лучше бы мне стать
В шестнадцать лет шестидесятелетним,
На костылях ходить, чем видеть это!

Г в и д е р и й

Прекрасная, нежнейшая из лилий,
Ты вдвое краше на стебле была,
Чем на руках у брата!

Б е л а р и й

Горе, горе,
Кто глубину твою измерить может?

Где мера всем страданиям земным?
Прекрасный отрок! Знали только боги,
Кем стать ты мог! Увы, скончался ты
От злой тоски в расцвете юных лет...
Каким его застал ты?

А р в и р а г

Бездыханным.

С улыбкой на устах, как будто их
Не смерть стрелой, а бабочка коснулась;
Лежал щекой он правой на подушке...

Г в и д е р и й

Где?

А р в и р а г

На полу; я думал, он заснул,
И даже обувь снял, чтобы шагами
Его не разбудить...

Г в и д е р и й

Да, он заснул
Последним, вечным, непробудным сном.
Постелью гроб я сделаю ему,
Слетаться будут феи на могилу
И не посмеет червь в нее вползти.

А р в и р а г

Коль буду жив, Фиделе, я все лето
Печальную твою могилу стану
Цветами украшать. Увидишь ты
Подснежник белый, как твое лицо,
И колокольчик, голубее жилок
Твоих; и розы, аромат которых
Не сладостней дыханья твоего.
Их будут реполовы приносить
Тебе, к стыду наследников богатых,
Не ставящих надгробия отцам.
Когда ж цветов не будет, я укрою
Могилу мхом от стужи.

Г в и д е р и й

Хватит, брат,
По-женски причитать. Слезам не время.
Час похорон настал! Не нарушай
Наш скорбный долг своим бесплодным воплем.
Давай же выроем могилу.

А р в и р а г

Где?

Г в и д е р и й

Близ Эврифилы, матери любимой.

А р в и р а г

Пусть будет так. Послушай, брат, хоть голос
С годами погрубел у нас, споем
Ту песню, что над матерью мы пели.
Слова оставим те же и мотив,
Лишь “Эврифилу” сменим на “Фиделе”.

Г в и д е р и й

Нет, Кадвал, не могу.
Рыдания расстроят нашу песню,
А в скорбном пенье фальшь звучит ужасней,
Чем слово лжи в устах жреца во храме.

А р в и р а г

Тогда мы просто скажем их.

Б е л а р и й

Я вижу,
Большое горе — меньшее целит;
Забыли мы о Клотене совсем.
Он враг наш и наказан по заслугам,
Но он — сын королевы; и хотя
В могиле нищий и вельможа равны,
Но долг почтения, суетный, как мир,
Предать земле по-разному велит их.
Раз Клотен — принц, хоть он убит, как враг,
Должны мы схоронить его, как принца.

Г в и д е р и й

Терсита труп Аякса трупу равен.
Неси его сюда.

А р в и р а г

Ступай, отец,
Мы песнь свою прочтем.

Беларий уходит.

Брат, начинай!

Г в и д е р и й

(укладывают *Имогену*)

Нет, положи его лицом к востоку,
Как нас учил отец.

А р в и р а г

Да, да, ты прав.

Г в и д е р и й

Так повернем его.

А р в и р а г

Теперь начнем.

Г в и д е р и й

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,

Беларий, Гвидерий и Арвирег. Рисунок Дж. Джильберта

Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.
 Дева с пламенем в очах
 Или трубочист — все прах.

А р в и р а г

Все прошло — тиранов гнет,
Притеснения владык,
Больше нет ярма забот,
Равен дубу стал тростник.
 Царь, ученый, врач, монах
 После смерти — все лишь прах.

Г в и д е р и й

Не страшись ни молний ты...

А р в и р а г

Ни раскатов громовых...

Г в и д е р и й

Ни уколов клеветы.

А р в и р а г

Радость, скорбь — не стало их.

О б а

Кто любовь таил в сердцах,
Все, как ты, уйдут во прах.

Г в и д е р и й

Злобных сил не знай ты...

А р в и р а г

Духам не внимай ты...

Г в и д е р и й

Ада не страшись ты...

А р в и р а г

К небу вознесись ты.

О б а

**Спи среди цветов и трав,
Память вечную снискав.**

Б е л а р и й возвращается с телом Клотена.

Г в и д е р и й

Обряд свершен. Сюда положим тело.

Б е л а р и й

**Вот им цветы. Еще достану в полночь.
Омытые ночной росой прохладной,
Они подходят больше для могил.
Прикроем их тела.— Вы как цветы;
Увяли вы, они увянут тоже.—
Идем. Помянем мертвецов молитвой.**

Земля дала их и взяла к себе;
Конец их горю, счастью и борьбе.

Беларий, Гвидерий и Арвираг уходят.

И м о г е н а
(просыпаясь)

Да, в Мильфорд, сударь. Как туда пройти?
Благодарю... Тем лесом?.. А далеко?
О небеса! Ужель еще шесть миль?
Я шла всю ночь... Прилягу тут...

(Видит тело Клотена.)

Ах, нет,

Никто не нужен мне на ложе. Боги!
Цветы передо мной — земная радость!
И тут же скорбь земная — труп. Я сплю...
Казалось мне, я стерегла пещеру
И честным людям стряпала обед...
Но нет, не так... То был обман... Стрела,
Летящая из ничего в ничто,
Пустое порождение мечты.
Наш взор, как и рассудок, часто слепы.
Дрожу... боюсь. Но если в небесах
Еще осталась капля состраданья,
Такая малая, как глаз у пташки,
Частицу мне, о боги, уделите!
Я сплю еще... Проснусь — и длится сон
Внутри и вне меня... Вернулись чувства!..

Безглавый труп!.. Ах, Леоната платье!
Его нога... Рука его... Нога
Меркурия и стан, достойный Марса...
И плечи Геркулеса... Где ж лицо?
Лицо Юпитера? Иль убивают
И небожителей? Он обезглавлен?
На голову Пизанио обрушьте,
Проклятия Гекубы и мои!
С ним сговорившись тайно, дьявол Клотен
Убил здесь мужа! Пусть отныне будут
Предательством и чтение и письма!—
Проклятый раб! Письмом своим подложным
У лучшего на свете корабля
Сломал ты мачту, негодяй!— Увы,
Где голова твоя, мой Леонат?
Мог в сердце поразить тебя Пизанио,
Но голову оставить... Кто ж убийца?
Пизанио, да, это он и Клотен!
Виной всему корысть и злоба. Ужас!
Он дал питье живительное мне...
Уж не оно ль все чувства умертвило?
Еще улика! Клотен и Пизанио!
Убийцы! Милый, дай твоею кровью
Окрасить щеки бледные мои,
Чтоб мы страшнее показались тем,
Кто нас найдет. О Постум! Властелин мой!

(Припадает к трупу.)

Входят Луций, военачальник, несколько римских
офицеров и прорицатель.

Военачальник

По вашему приказу легионы
Из Галлии приплыли. Вас они
Ждут вместе с флотом в Мильфорде. Войска
Готовы к бою.

Луций

Есть из Рима вести?

Военачальник

Патрициев и жителей границ
Сенат призвал. Их рвенье и отвага
Успех нам предвещают. Брат Сиенны,
Отважный Якимо ведет войска.

Луций

Когда вы ждете их?

Военачальник

С попутным ветром.

Луций

Такая быстрота — залог победы.
Теперь мы смотр войскам произведем.

Отдай приказ.

(Прорицателю.)

А что, скажи, мой друг,
Нам сны твои вещают о войне?

П р о р и ц а т е л ь

Постился долго я, моля богов,
И прошлой ночью было мне виденье:
Орел Юпитера сюда, на запад,
Летел с далеких южных берегов
И скрылся в золотом сиянье солнца,
А это значит — коль не помрачили
Грехи мой дар провиденья, — что римлян
Победа ждет.

Л у ц и й

Пусть будут сны такие
Нелживыми и частыми. — Но что тут?
Безглавый труп?.. О, судя по обломкам,
Строенье было славное. Кто это?
Паж? Мертв он или спит? Скорее мертв.
Чуждается природа ложа смерти,
Не спят живые с мертвыми. Взглянуть
Хочу я мальчику в лицо.

В о е н а ч а л ь н и к

Он жив.

Л у ц и й

Тогда он скажет, кто убит.— Эй, мальчик,
Поведай о судьбе своей. Она
Достойна любопытства. Кто служил
Тебе кровавым изголовьем? Кто
Разрушить смел творение природы?
Иль ты причастен к этому убийству?
Как все произошло? Кто он такой?
Ответь нам. Кто ты?

И м о г е н а

Я ничто. Вернее,
Хотел бы стать ничем. То господин мой,
Британец храбрый, добрый человек,
Убитый жителями гор. Увы!
Таких господ, как он, на свете нет!
Пусть обойду я запад и восток,
Пусть я найду себе других хозяев,
Пусть буду верно им служить — нигде
И никогда такого господина
Не будет у меня.

Л у ц и й

Ты славный мальчик,
Твоей печалью тронут я не меньше,
Чем смертью господина твоего.
Кто он, дружок?

И м о г е н а

Ричард дю Шан.

(в сторону.)

Я лгу,

Но в этом нет вреда. Надеюсь, боги
Простят мне ложь.

Л у ц и й

Как звать тебя?

И м о г е н а

Фиделе.

Л у ц и й

Да, это имя по тебе. Оно
Достойно верности твоей, а верность
Достойна имени. Служить мне хочешь?
Хоть я не так хорош, как твой хозяин,
Но я тебя любить не меньше буду.
И если бы в письме ко мне сам Цезарь
Достоинства твои превозносил,
Он больше о тебе сказать не мог бы,
Чем ты сейчас сказал. Идем со мной.

И м о г е н а

Но прежде господина я зарюю
В могилу так глубоко, как смогу;

Листвой ее засыплю и цветами,
Произнесу над нею сто молитв,
Слезами орошу, вздыхая тяжко,
А там уж к вам пойду, коль вам угодно
Принять меня.

Л у ц и й

Я для тебя, мой милый,
Скорей отцом, чем господином, стану.—
Друзья!
О долге мальчик нам, мужам, напомнил.
Среди цветов мы выроем могилу
Мечами. Поднимите труп.— Мой мальчик,
В знак уваженья и любви к тебе
Почтим мы господина твоего,
Как воина, похоронив его.
Утешься же, утри глаза. Подчас
Паденье может и возвысить нас.

Уходят.

Сцена 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Цимбелин, вельможи, Пизанио и слуги.

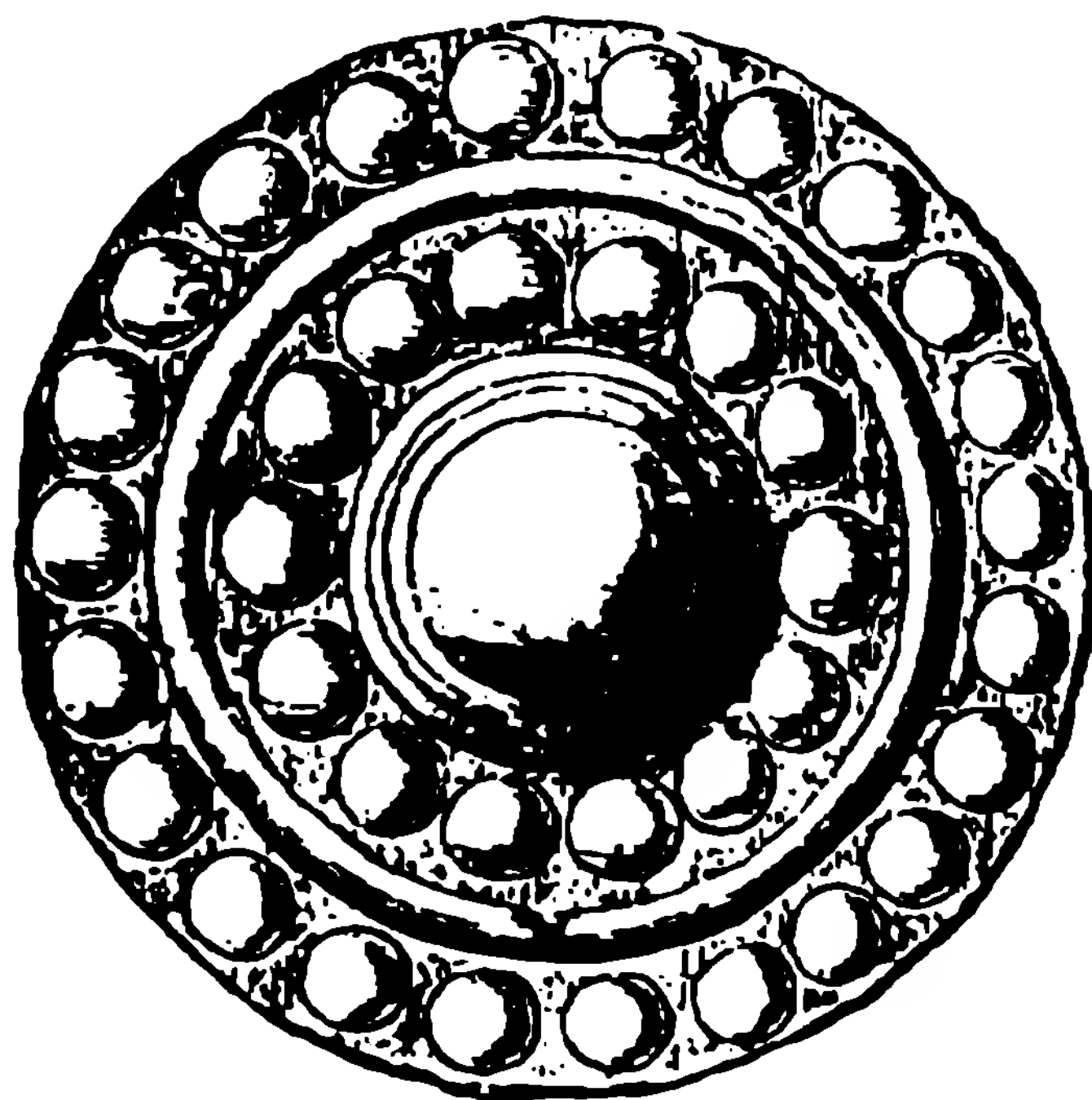
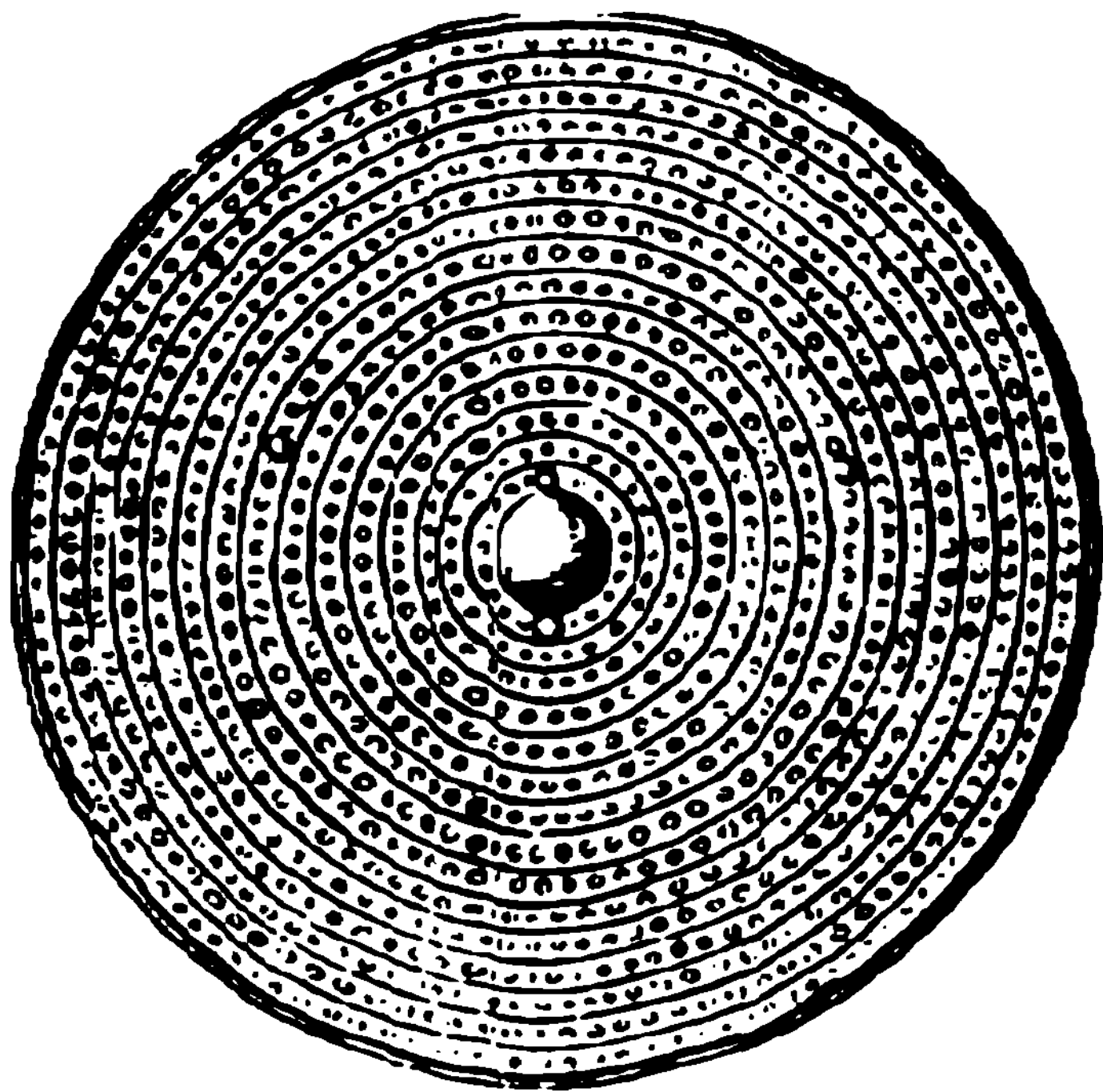
Ц и м б е л и н
(слуге)

Узнай, что с королевой.

Один из слуг уходит.

С той поры
Как принц исчез, она в безумье впала.
О небеса, какая злая кара
Ниспослана мне вами! Дочь моя,

Древнебританские щиты

Моя отрада, скрылась. Королева —
На ложе смерти. Нам война грозит,
И принц, столь нужный мне сейчас, пропал.
В отчаянье я от ударов этих!

(К Пизанио.)

Ты, раб лукавый, знаешь, где она!
Не лги, что ты здесь ни при чем. Иначе
Заговоришь под пыткой.

П и з а н и о

Государь,
Казните, но, клянусь вам, я не знаю,
Где госпожа, зачем она ушла,
Когда вернется, — ничего не знаю.
Я ваш слуга покорный, государь.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Он вам не лжет. Когда принцесса скрылась,
Его видали здесь. Слуга он верный,
А принца ищут всюду и найдут.

Ц и м б е л и н

Тревожные настали времена.

(К Пизанио.)

На этот раз ты вывернулся, раб,
Но ты на подозренье!

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Повелитель!

Уж легионы галльские на берег
Сошли, а в подкрепление к ним сенат
Прислал отряд патрициев из Рима.

Ц и м б е л и н

Как нужен мне совет жены и принца!
Я стал в тупик...

Первый придворный
Но, государь великий,
Нам хватит войск, чтоб встретиться с врагом.
Не только к ним — и к нам придет подмога,
Лишь прикажите действовать. Давно мы
Приказа ждем.

Цимбелин
Благодарю. Ну что ж,
Судьбу мы смело встретим. Угнетает
Меня не то, что Рим готовит нам,
А горести семейные. — Идем!

Уходят.

Пизанио
Не пишет господин мой — нет ответа
На весть о смерти Имогены. Странно!
Не слышно и о ней, а ведь хотела
Она писать мне часто. Что могло
Случиться с принцем? Я в большой тревоге.
Но справедливость есть еще на небе!
Во имя верности я изменяю
И лгу, чтоб честным быть. Война докажет,
Как верно я служу своей отчизне,
Иль пусть паду в бою. Рассеет время
Сомненья остальные. Иногда
Без кормчих в порт судьба ведет суда.

(Уходит.)

Сцена 4

Уэльс. Перед пещерой Белария.

Входят Беларий, Гвидерий и Арвирог.

Гвидерий

Тревога поднялась.

Беларий

Уйдем подальше.

Арвирог

Нет смысла в жизни, если избегать
Опасных подвигов.

Гвидерий

К чему таиться?

Нас, как британцев, римляне казнят
Или свои, сочтя за бунтарей,
Служить заставят, а потом убьют.

Беларий

Уйдемте, дети, в горы. Там спокойней.
Нам путь к своим закрыт. Безвестны мы
И в списки войсковые не попали.
Смерть принца может привести к расспросам,
Кто мы, где жили, и признание вырвать,

А наказание за это — смерть
Под пыткой.

Г в и д е р и й

Отец мой, не к лицу
Тебе в такое время опасенья;
И нас не убедишь ты, нет!

А р в и р а г

Едва ли,
Услышав ржанье римских лошадей
И увидав костры врага вблизи,
Британцы в ожидании сраженья
Решатся тратить время, выясняя,
Кто мы, откуда здесь.

Б е л а р и й

Но ведь знаком
В войсках я многим. Клотена не видел
Я много лет, но все ж его узнал я.
Король не стоит ни моих услуг,
Ни преданности вашей.
Изгнание мое виной тому,
Что воспитанья вы не получили,
Что жили в бедности, лишившись счастья,
Которого вы вправе были ждать;
Что летом вы палящий зной терпели
И, как рабы, тряслись зимой от стужи.

Г в и д е р и й

Нет, лучше смерть, чем эта жизнь! Отец,
Молю, идем к войскам. Никто не знает
Ни брата, ни меня; тебя забыли;
Ты постарел и стал неузнаваем.

А р в и р а г

Клянусь блистаньем солнца, я иду!
Я не видал, как смерть встречает воин
В сраженьях. Я видел только кровь
Трусливых зайцев, горных коз и ланей.
Коней не знал я, кроме жалких кляч,
Удил и шпор не ведавших. Под стать
И всадник им такой, как я. Мне стыдно
Смотреть на солнце, жить его теплом
И пребывать в ничтожестве безвестном.

Г в и д е р и й

Клянусь, и я пойду. Благослови
Меня, отец. Тогда в бою не стану
Я рисковать напрасно. А непустишь —
Я все равно пойду; и ты судьбою
Наказан будешь тем, что я в сраженье
Умру от рук врагов.

А р в и р а г

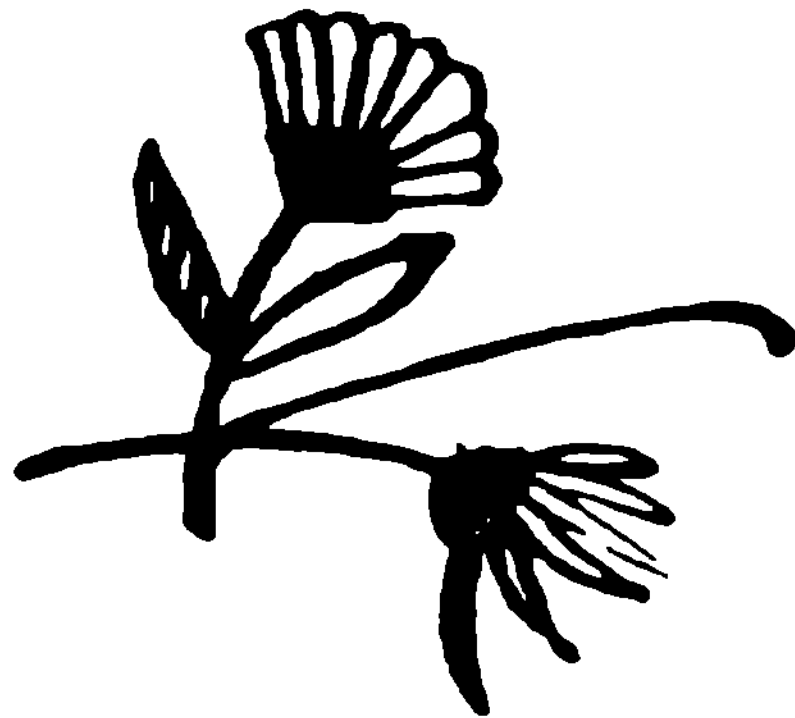
И я. Аминь!

Беларий

Коль юной жизнью вы не дорожите,
Зачем же старость мне тогда беречь?
Да будет так! Иду я с вами, дети,
И, если суждено вам пасть в бою,
Я вместе с вами смерть приму свою!
Вперед! Вперед! Сказалась кровь царей,
Кипит она и рвется в бой скорей!

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Британия. Римский лагерь.

Входит **Постум** с окровавленным платком в руках.

Постум

Я сберегу тебя, платок кровавый, —
Я сам хотел тебя таким увидеть.
Мужья! Когда б вы все так поступали,
Любой проступок мог бы погубить
Вернейшую из жен. — Нет, мой Пизанио,
Не все приказы нужно выполнять,
А только справедливые. — О боги,
Зачем меня не покарали вы
И дали мне дожить до этой пытки?
Зачем вы Имогену не спасли
Для жизни, полной горести? Зачем
Меня, злодея, не сгубили? Ах,
Любя иных, вы их к себе берете
За малый грех, от большего спасая;

Постум с окровавленным платком. Рисунок Дж. Джильберта

Другим же позволяете свершать
Грех за грехом, один другого хуже,
И те живут, в чудовищ превращаясь.
Она теперь у вас! Так дайте, боги,
Мне силу покориться вашей воле.
Сюда из Рима прибыл я сражаться
С отчизною своей.— О нет,
Британия,
Довольно и того, что я убил
Твою принцессу. Ран тебе я больше
Не нанесу.— Внимайте, боги, мне:
С себя сниму я римскую одежду,
Крестьянином простым переоденусь,
Сражаться буду против тех, с кем прибыл,
И смерть в бою приму за Имогену!
Ведь жизнь сама и каждый вздох —
мне смерть!
Не узанный никем, ни в ком не вызвав
Ни злобы, ни участия, ни любви,
Себя предаю я смерти. Пусть узнают
О доблести моей, хоть и таилась
Она под рубищем раба. О боги!
Пошлите вновь мне силу Леонатов!
Надменный мир хочу я научить
Не внешний блеск, а силу духа чтить.

(Уходит.)

Сцена 2

Поле сражения между британским и римским лагерями.

Входят с одной стороны Луций, Якимо и римское войско, с другой стороны — британское войско. За ними следует Постум как простой воин. Они проходят через сцену. Затем входят, сражаясь, Якимо и Постум. Постум побеждает Якимо, обезоруживает и уходит, оставив его одного.

Я к и м о

Великий грех отяготил мне душу
И мужества лишил. Оклеветал
Я женщину, британскую принцессу,
И воздух здешний, словно мстя за это,
Все силы отнял у меня. Иначе
Как мог меня, искусного в бою,
Сразить простой мужлан? Мой сан и званье —
Стыда источник ныне и страданья.
Британия! Коль рыцари твои
Еще сильнее, чем этот раб убогий,
То мы ничтожны, а британцы — боги!

(Уходит.)

Битва продолжается. Британцы бегут. Цимбелин захвачен в плен. Входят, спеша ему на помощь, Беларий, Гвидерий и Арвираг.

Б е л а р и й

Стой! Все назад! За нами поле битвы!
Теснина — наша! Нам страшна лишь трусость!
Позор бегущим! Стой!

Гвидерий и Арвирог**Назад! Сражайтесь!**

Входит **Постум** и бьется на стороне британцев; они освобождают Цимбелина и уходят. Входят **Луций**, **Якимо** и **Имогена**.

Луций

Прочь с поля битвы, мальчик, жизнь спасай!
Свои своих разят, полны смятенья;
Бой ослепляет разум.

Якимо**Подошло****К ним подкрепление.****Луций**

Как странно бой
Вдруг обернулся! Если помощь к нам
Не подоспеет — отступить придется.

Уходят.**Сцена 3****Другая часть поля сражения.****Входят Постум и британский вельможа.****Вельможа****Оттуда ты, где наши бьются?**

Постум

Да.

А вы из беглецов, как видно?

Вельможа

Да.

Постум

Винить вас трудно. Нам конец пришел бы,
Не помоги нам небо. Сам король
Уже отрезан был; ряды смешались;
В теснине узкой можно было видеть
Лишь спины отступающих британцев.
Резню противник начал, кровь почуяв
И видя пред собою больше жертв,
Чем он имел мечей; кто был изрублен,
Кто ранен, кто перепугался насмерть.
В теснине выросла гора убитых
И трусов, в спину раненных, которых
Позорный ждал конец.

Вельможа

Где та теснина?

Постум

Близ поля битвы, между двух откосов.
В теснине этой вдруг старик явился —

Отважный воин, подвигом своим,
Свершенным для отчизны, доказавший,
Что дожил он не даром до седин.
С ним было двое юношей, которым
Пристало бы скорей играть в пятнашки,
А не участвовать в бою кровавом;
Их лица, словно девичьи, скрывать
От холода должна была бы маска —
Они ж загородили вход в теснину,
Крича бегущим: “Жизнь спасает бегством
Олень, а не солдаты! К черту трусов!
Назад! Не то мы римлянами станем
И, как скотов, вас будем бить за то,
Что вы бежите, как скоты. Назад!
Лицом к врагу! Спасенье только в этом!”
Да, эти трое стояли трех тысяч.
Три смельчака таких в бою дороже,
Чем рать бездельников. И с криком “Стой!”,
Проходом узким пользуясь искусно,
Еще искусней доблестью своей,
Способной прялку превратить в копье, —
Они зажгли огонь в погасших взорах;
Проснулся у бегущих стыд, а с ним
И мужество вернулось и отвага;
И те, кто струсил, глядя на других
(Будь проклят тот, кто первым дрогнет в битве!),
Вернулись вновь и бросились, как львы,

На вражьи копья. Дрогнул неприятель,
Нарушил строй, и началось смятение;
И те, кто прежде шли вперед орлами,
Теперь назад бежали, как цыплята.
Переменилось все в одно мгновенье —
Вдруг стали победители рабами.
К сердцам бегущих отыскал дорогу
Зов, брошенный им вслед, и трус недавний,
Воспрянув духом, стал полезен нам,
Как иногда сухарь в походе тяжком.
О небо! Как ударили британцы
На мертвых, раненых, живых, своих же,
Напором смятых! Если раньше десять
От одного бежали, то теперь
Один гнал двадцать. Кто предпочитал
Погибнуть, но не драться, тот теперь
Был для врага грозой.

В е л ь м о ж а

Однако странно:
Теснина... двое юношей и старец...

П о с т у м

Вам странно это? Склонны вы скорей
Дивиться подвигам, чем их свершать?
Хотите, зарифмую этот случай
Вам на потеху? Слушайте мой стих:

“Старик и два юнца, заняв теснину,
Нам счастье принесли, врагу — кончину”.

В е л ь м о ж а

Ты сердишься?

П о с т у м

Нет, я дружить готов
С тем, кто бежит трусливо от врагов;
В согласии с привычкою своей,
Он и от дружбы убежит моей...—
Вы довели меня до виршеплетства.

В е л ь м о ж а

Прощай. Ты сердишься.

(Уходит.)

П о с т у м

Опять бежишь? —
Вельможное ничтожество! Быть в битве
И у меня расспрашивать о ней!
Иной, спасая шкуру, честь позорил,
Иной бежал — и все ж погиб, а я,
Хранимый горем, словно чародейством,
Смерть не обрел там, где она царила.
Смерть, страшное чудовище, таится
Порой в бокалах, в ласковых речах,

Рисунок неизвестного средневекового художника

На мягком ложе — много слуг у смерти
Помимо тех, кто носит меч. Нет, я
Найду ее. Сражался я за бриттов,
Но больше я не бритт. Надену платье,
В котором прибыл. Воевать не стану
И сдамся первому, кто руку мне
Положит на плечо. Был враг жесток,
Но будут мстить жестоко и британцы.
Мне искупленье — смерть. О ней мечтал,
На той, на этой стороне искал;
Но, где ее ни встречу, здесь иль там, —
За Имогену жизнь свою отдам!

Входят два британских военачальника и воины.

Первый военачальник

Хвала богам! Взят Луций в плен. А старца
И юношей считают за богов.

Второй военачальник

Там был еще один — иль раб, иль нищий;
Он бился как герой.

Первый военачальник

Да, говорят;
Но он исчез куда-то. — Стой! Ты кто?

Постум

Я римлянин!

И не блуждал бы тут, когда бы все,
Как я, сражались.

Второй военачальник

Взять его! Собака!

Ты не вернешься в Рим, чтоб рассказать,
Как вороны клевали вас. Ты дерзок
И, видно, знатен. К королю его!

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвират,
Пизанио и пленные римляне. Военачальники подводят
Постума к Цимбелину, который знаками велит тюремщику взять его,
после чего все уходят.

Сцена 4

Британская тюрьма.

Входят Постум и два тюремщика.

Первый тюремщик

Тебя уж не угонят, ты стреножен.
Пасись, пожалуй, коль найдешь траву...

Второй тюремщик

...И есть захочется.

Тюремщики уходят.

Постум

Привет вам, цепи!
Вы путь к освобожденью моему!

А все же я счастливей, чем подагрик,
Который предпочел бы век стонать,
Чем исцеленным быть наверняка
Врачом надежным — смертью, тем ключом,
Что отмыкает все замки. О совесть,
Ты скована теперь намного крепче,
Чем эти щиколотки и запястья. —
Даруйте искупленье мне, о боги,
И обрету я вечную свободу.
Иль моего раскаянья вам мало?
Печаль детей смягчает гнев отцовский,
А боги милосерднее людей;
Отрадней каяться в цепях желанных,
А не надетых на тебя насильно.
Возьмите жизнь в расплату за свободу!
Я знаю, вы добрей ростовщиков,
Берущих с должников в уплату долга
Лишь четверть, треть или шестую часть,
Чтоб те могли, дела свои поправив,
Платить им вновь. Мне этого не нужно!
За Имогены жизнь — мою возьмите;
Она хоть и не так ценна, но все же
Дана мне вами, боги. Человек
Не взвешивает каждую монету
И легкую берет, чеканке веря;
Возьмите жизнь мою — я ваш чекан,
О всеблагие силы! Если вы

С таким согласны счетом — рад я жизнью
Свой долг вам уплатить. — О Имогена,
К тебе без слов взываю я!

Торжественная музыка.

Появляются призраки: С и ц и л и й Л е о н а т, отец Постума,
величавый старец в одежде воина; он ведет за руку п о ж и л у ю
ж е н щ и н у, мать Постума; перед ними идет м у з ы к а н т.
Затем, позади другого м у з ы к а н т а, следуют д в а м о л о д ы х
Л е о н а т а, братья Постума; на груди у них раны, от которых
они погибли на поле битвы. Они окружают спящего Постума.

С и ц и л и й

О громовержец, не карай
Презреньем нас, людей,
Будь с Марсом крут, с Юноной строг,
Чей гнев неверностью своей
Ты распалил.
В чем грешен сын? Не довелось
Его мне повидать.
Я умер, а дитя еще
Носила в чреве мать.
Но ты — ведь на земле зовут
Тебя отцом сирот, —
Ты должен оградить его
От всех земных невзгод.

М а т ь

Не помогла Люцина мне;
Скончалась я, родив.

В чужой и бесприютный мир
Явился, сиротлив,
Мой бедный сын.

С и ц и л и й

Подобно предкам славным, он
Был мудр, красив и смел
И, как наследник мой, хвалу
Везде снискать сумел.

П е р в ы й б р а т

Когда созрел он, возмужал —
В Британии во всей
Кто мог сравниться с ним? Кто был
Достойней и милей?
Он мужем Имогены стал,
Как лучший из мужей.

М а т ь

За что же брак его теперь
В насмешку превращен?
За что он изгнан и за что
Навеки разлучен
С женой своей?

С и ц и л и й

Зачем ты Якимо, шуту
Из Рима, разрешил

Бесчестной клеветой разжечь
Его ревнивый пыл,
Чтоб в жертву подлости людской
Заклан мой Постум был?

В т о р о й б р а т

Из обиталища теней
Отец его, и мать,
И братья, павшие в бою,
Явились в мир опять,
Чтоб грудью за права и честь
Тенанция стоять.

П е р в ы й б р а т

За Цимбелина в битве брат
Свой обнажил клинок.
За что ж, Юпитер, царь богов,
Ты так к нему жесток?
Ты не воздал ему хвалу,
А горестям обрек!

С и ц и л и й

Открой хрустальное окно,
Взгляни на нас с высот;
Не изливай свой страшный гнев
На доблестный наш род.

М а т ь

Коль прав наш сын, избавь его
От горя и забот.

С и ц и л и й

Покинь свой мраморный дворец,
Сверши свой правый суд,
Иль тени к сонму всех богов
Свой голос вознесут.

О б а б р а т а

И жалобу им на тебя,
Юпитер, принесут.

Среди раскатов грома и сверканья молний на орле спускается Ю п и т е р
и бросает огненную стрелу. Призраки падают на колени.

Ю п и т е р

Довольно, о бесплотный рой видений,
Терзать наш слух! Умолкни, жалкий род!
Тому ль бояться ваших обвинений,
Кто молнией разит мятеж с высот?
Прочь, призраки Элизия! Покойтесь
Среди его невянущих лугов
И за живущих на земле не бойтесь;
Заботиться о них — удел богов.
Кого люблю, тому преграды ставлю;
Победа тем дороже, чем трудней.

Утешьтесь! Скоро я его прославлю
И возвеличу после черных дней.
Он родился под нашею звездою,
И в нашем храме брак его свершен.
Прочь, сгиньте! Постум свидится с женою;
Счастливее, чем прежде, станет он.
Оставьте свиток на его груди вы —
В нем скрыт грядущих радостей залог.
Итак, рассейтесь! Будьте терпеливы,
И помните, что в гневе я жесток. —
Лети, орел, в хрустальный мой чертог.

(Улетает.)

С и ц и л и й

Слетел он с громом, серою дыша.
Казалось, что орел его священный
Нас растерзает. Но отлет их ввысь
Был сладостней, чем ароматы рая.
Орел, расправив крылья, чистил клюв,
Как будто нам он показать хотел,
Что бог доволен.

В с е

Слава громовержцу!

С и ц и л и й

Пол мраморный сомкнулся. Он взлетел

Под свод лучистый. Скроемся сейчас!
Мы выполнить должны его наказ.

Призраки исчезают.

П о с т у м
(просыпаясь)

Ты, сон, мне деда заменил: ты дал
Мне мать, отца и братьев. О насмешка!
Родились и исчезли навсегда
Они, как сновиденье, — без следа,
А я проснулся. Те, кто уповает
На милость свыше, грезят, как и я,
Но пробужденье отрезвляет их.
Увы! Отвлёкся я. Порой судьба
Вдруг возвеличит жалкого раба,
Хоть благ он недостоин и не смел
Мечтать, чтоб стал иным его удел.
Так счастье золотое в этом сне,
И сам не знаю как, пришло ко мне.
Не фей ли видел я? — Что здесь? Пергамент?
О дивный дар, не будь как царедворец:
Снаружи блеск и пустота внутри, —
Исполни, что сулишь.

(Читает.)

“Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то,
чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда
отсеченные ветви величественного кедра, много лет считав-

шиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие”.

Я сплю еще иль это бред безумца?
Одно из двух: иль это предсказанье —
Бессмыслица, иль в нем так много смысла,
Что не постичь рассудком. Будь что будет!
Но это так на жизнь мою похоже,
Что сберегу его.

Входит тюремщик.

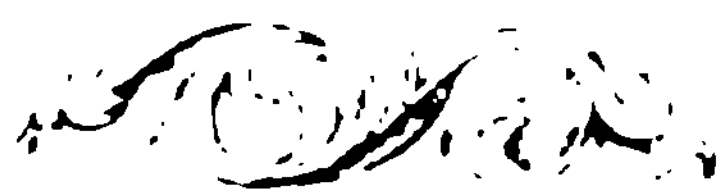
Тюремщик. Идем, приятель. Готов ли ты к смерти?

Постум. Давно готов; пожалуй, даже пережарился.

Тюремщик. Виселица — вот что тебя ждет! Если ты готов для нее, значит, хорошо подготовлен.

Постум. Выходит, если блюдо придется по вкусу зрителям, оно оправдывает расходы.

Тюремщик. Тяжелая для тебя расплата, приятель. Но утешайся тем, что больше тебе платить не придется. Да и трактирных счетов можешь не бояться, а ведь они напоследок отравляют полученное удовольствие. Входишь туда — голова кружится от голода, выходишь — от вина, и злость тебя разбирает, что ты и лишнее перехватил, и переплатить пришлось. И кошелек и голова у тебя пусты. Голова тяжела, потому что ты был легкомыслен, а кошелек легкий, потому что освободился от тяжести. Отныне ты будешь избавлен от всех этих противоречий. Веревка, хоть и стоит грош, ценна своим мило-

сердием! Она мгновенно подводит все итоги — лучшего счетовода, пожалуй, не найдешь. Она сразу сводит к нулю все прошлые, настоящие и будущие расходы. Твоя шея, приятель, для этого счетовода — и перо и счетная книга: не успеешь моргнуть, расчет готов.

Постум. Для меня смерть бо́льшая радость, чем для тебя жизнь.

Тюремщик. И в самом деле, дружище, кто спит, тот зубной боли не чувствует. Но человек, которому предстоит уснуть твоим сном, да еще улечься спать с помощью палача, я думаю, охотно поменялся бы с ним местами. Не угадаешь ведь, что за дорога предстоит тебе после смерти.

Постум. Представь себе, я ее вижу, друг мой.

Тюремщик. Значит, у твоей смерти есть глаза во лбу, хоть я и никогда не видел, чтобы ее изображали зрячей. Обычно после смерти идешь себе за проводником, который уверяет, что ему все пути известны, либо плетешься наугад. Так или иначе, а обратно ты не вернешься, чтобы рассказать нам, как дошел до конца своего пути.

Постум. Говорю тебе, друг мой, у каждого есть глаза, чтобы разыскать дорогу, по которой пойду я. Только многие предпочитают закрыть их и не смотреть.

Тюремщик. Ну не насмешка ли это: выходит, человеку глаза нужнее всего, чтобы различить дорогу к слепоте! Впрочем, виселица закроет глаза кому угодно.

Входит гонец.

Гонец. Сними со своего узника цепи и отведи его к королю.

П о с т у м. Ты пришел с добрыми вестями! Меня зовут к королю, чтобы даровать свободу.

Т ю р е м щ и к. Пусть меня раньше повесят!

П о с т у м. Тогда ты станешь свободнее всякого тюремщика. Для мертвеца не существует никаких замков.

Постум и гонец уходят.

Т ю р е м щ и к. Даже тот, кто желал бы жениться на виселице и народить малюток, не стал бы так стремиться к своей нареченной, как этот парень. Хоть он и римлянин, но, скажу по чести, на свете есть немало негодяев похуже его, которые цепляются за жизнь; тем не менее многим из них приходится умирать. Во всяком случае, я бы так поступил, будь я на его месте. Хотел бы я, чтобы по этому вопросу все мы держались одного мнения, притом мнения хорошего. Тогда худо пришлось бы только виселице и тюремщикам! Я говорю против своей выгоды, но желание мое, если осуществится, всем принесет счастье. (*Уходит.*)

Сцена 5

Шатер Цимбелина.

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг,
Пизанио, вельможи, офицеры и слуги.

Ц и м б е л и н

Приблизьтесь, вы, что волею богов
Спасли наш трон! Печалюсь я душою,

Что не разыскан неизвестный воин,
Сражавшийся так славно, что затмил
Сверканье лат лохмотьями своими.
Он голой грудью шел на вражьи копья.
Нашедшего его я осчастливлю,
Коль счастьем нашу милость можно счесть.

Б е л а р и й

Таким пылал он благородным гневом,
Какого я досель еще не видел.
По платью жалкий нищий, он в бою
Героем был.

Ц и м б е л и н

Вестей о нем все нет?

П и з а н и о

Его искали средь живых и мертвых,
Но не нашли следов.

Ц и м б е л и н

Я, к сожаленью,
Наследником наград его остался.

(Беларию, Гвидерию и Арвирагу.)

Их вам отдам, спасители страны,
Земли британской мозг, душа и печень.
Но мне пора спросить, кто вы? Ответьте!

Актер Гордон Крэг в роли Арвирага. Театр "Лицеум", Лондон, 1896

Беларий

Из Камбрии мы родом и дворяне.
Иным хвалиться было бы нескромно,
Но мы честны.

Цимбелин

Колени преклоните.
Так! Встаньте, рыцари мои! Отныне
Вы в свите нашей будете, и вам
Почет согласно сану воздадут.

Входят Корнелий и придворные дамы.

Что вижу я? На ваших лицах скорбь!
Встречать победу так? Вы не похожи
На победивших бриттов.

Корнелий

Государь,
Я омрачаю радость грустной вестью:
Скончалась королева.

Цимбелин

Не пристала
Такая весть врачу. Однако знаю:
Лекарства могут жизнь продлить, но смерти
И врач подвластен. Как она скончалась?

Корнелий

Как и жила — ужасно, и в безумье.

Жестокая, она рассталась с жизнью
В жестоких муках. Передать позвольте
Предсмертные признания ее.
Коль я солгу, пусть уличат меня
Те дамы, что у ложа королевы
В слезах стояли.

Ц и м б е л и н
Говори.

К о р н е л и й
Она
Призналась в том, что не любила вас,
Что лишь стремилась к власти и величью
И с вами в брак вступила для того,
Чтоб королевским тронем завладеть.

Ц и м б е л и н
То знала лишь она одна. И если б
Она пред смертью в этом не призналась,
Я б не поверил. Дальше.

К о р н е л и й
Ваша дочь,
Которую она ласкала лживо,
Была, как скорпион, ей ненавистна;
И, если бы принцесса не бежала,
Дала бы ей отраву королева.

Ц и м б е л и н

Чудовищно! О, кто постигнет женщин?—
И это все?

К о р н е л и й

Есть кое-что похуже.

Она для вас смертельный яд хранила,
И, если бы вы приняли его,
Он медленно точил бы вашу жизнь.
Она ж намеревалась в это время
Заботой, лаской, просьбами, слезами
Всецело подчинить вас и потом
Заставить вас наследником престола
Назначить Клотена. Но планы эти
Нарушило его исчезновение.
Тогда она в отчаянье бесстыдном,
Прокляв людей и небеса, открыла
Все замыслы свои, жалея горько,
Что не свершила их. Вот так, в безумье,
Она и умерла.

Ц и м б е л и н

(к придворным дамам)

Вы все слышали?

П р и д в о р н ы е д а м ы

Да, государь.

Ц и м б е л и н

Мой взор винить нельзя —
Она была прекрасна. Невиновен
И слух, плененный льстивостью ее,
И сердце, верившее ей во всем,—
Преступным было бы не верить ей.
И все же, Имогена, дочь моя,
Ты вправе называть меня безумцем,
Пройдя все испытания свои.
О небо, помоги мне зло исправить!

Входят Луций, Якимо, прорицатель
и другие римские пленники под стражей;
позади всех Постум.

Ну, Кай, теперь уже не требуй дани:
Ее мечом сложили мы с себя,
Утратив многих храбрецов, чья души
Нас родственники успокоить просят,
Обрекши смерти пленных; мы на это
Согласье дали. Умереть готовься.

Л у ц и й

Но ты учти превратности войны.
Помог вам только случай. А достанься
Победа нам — грозить бы мы не стали
Так хладнокровно беззащитным пленным.
Что ж, если боги только нашу жизнь

Берут, как искупительную жертву, —
Мы, римляне, достойно встретим смерть,
Но Цезарь жив, и он запомнит это.
Что до меня, прошу лишь об одном:
Со мной здесь юный паж, британец родом;
Позволь мне выкуп за него внести.
Пажей таких не знал я; кроткий, верный,
Усердный и заботливый по-женски.
Достонства его — поддержка просьбе,
В которой ты, надеюсь, не откажешь.
Служил он римлянину, но отчизне
Не причинил вреда. Спаси его,
А нас казни.

Ц и м б е л и н

Его я где-то видел.
Лицо мне так знакомо... — Мальчик милый,
Твой взгляд меня пленил — не знаю чем.
Теперь ты мой. Я жизнь тебе дарю!
Ты почему-то сразу стал мне дорог.
Живи! Проси что хочешь у меня —
Все дам, что положенью твоему
И нашей милости пристало. Хочешь —
Знатнейшему из римлян дам свободу?

И м о г е н а

Благодарю смиренно, государь.

Л у ц и й

Моей не требуй жизни, мальчик. Знаю,
Что ты о ней попросишь.

И м о г е н а

Нет, увы!

Тут есть другое что-то... Мне оно
Страшнее смерти. Ваша жизнь сама
Сумеет отстоять себя.

Л у ц и й

Он предал,
Отверг меня. Недолго счастлив тот,
Кто молодым всю душу отдает.
Но чем он так смущен?

Ц и м б е л и н

Чего ты хочешь?

Все больше ты мне нравишься, мой мальчик.
Подумай лучше. Может быть, попросишь
Спасти его? Тебе родня он? Друг?

И м о г е н а

Он римлянин, и мне родня не больше,
Чем я вам. Нет, я ближе; я — британец.

Ц и м б е л и н

Так что же ты так смотришь на него?

И м о г е н а

Наедине скажу, коль вы меня
Благоволите выслушать.

Ц и м б е л и н

Охотно.

Как звать тебя?

И м о г е н а

Фиделе.

Ц и м б е л и н

Ты мой паж.

Твой господин я. Говори смелее.

Цимбелин и Имогена беседуют в стороне.

Б е л а р и й

Воскрес из мертвых мальчик наш!

А р в и р а г

Песчинки

Не схожи так, ка этот милый паж
И бедный наш Фиделе. Что ты скажешь?

Г в и д е р и й

Усопший ожил!

Б е л а р и й

Тсс... Погодите... Ведь порою сходство

Обманчиво... Он подошел бы к нам,
Будь он Фиделе. А ведь этот даже
Не обернется.

Г в и д е р и й

Умер наш Фиделе!

Б е л а р и й

Молчи... Посмотрим.

П и з а н и о

(в сторону)

Это госпожа!

Ну ладно, будь теперь что будет — благо
Она жива.

Цимбелин и Имогена подходят.

Ц и м б е л и н

Стань подле нас и громко
Вопросы задавай.

(К Якимо.)

Ты подойди

И отвечай правдиво нам, иначе —
Клянусь венцом своим — жестокой пыткой
Отделим мы от правды ложь.

(Имогене.)

Спроси!

И м о г е н а

Пусть скажет, от кого он получил
Свой перстень.

П о с т у м
(в сторону)

Для чего им знать об этом?

Ц и м б е л и н

Как стал твоим алмаз, который носишь
На пальце ты?

Я к и м о

Мне пыткой ты грозил за ложь, но правда
Твоею будет пыткой.

Ц и м б е л и н

Что? Моею?

Я к и м о

Пора открыть мне душу наконец!
Молчать — мученье! Перстень этот добыл
Обманом я. Владел им Леонат,
Тобою изгнанный, а он — пусть это
Тебя терзает больше, чем меня, —
Достойнейший из всех людей на свете.
Желаешь слушать дальше, государь?

Ц и м б е л и н

Все знать хочу я.

Я к и м о

Ангел — дочь твоя...

Лишь вспомню — сердце кровью истекает
И лживый дух скорбит... Прости... Мне дурно...

Ц и м б е л и н

Дочь? Что с ней? Овладей собой. Скорей
Согласен я, чтоб до седин ты дожил,
Чем умер, промолчав. Так говори же!

Я к и м о

Однажды — будь он проклят, этот час, —
Я в Риме пировал — будь проклят дом,
Где был я! Ах, зачем отраву в яства
Не подложили мне... Достойный Постум... —
Что мне сказать? — он слишком был хорош,
Чтоб жить с дурными; он из самых лучших
Был наилучшим... — Он печально слушал,
Как мы своих красоток восхваляли
И самое искусное витийство
Бледнело перед нашим хвастовством.
Венера и Минерва рядом с ними
Дурнушками казались, хоть в природе
Никто богиням красотой не равен.
Хвалили мы возлюбленных своих,

Все прелести приписывая им,
Которые нас в женщинах пленяют
И позволяют им ловить мужчин
На удочку свою.

Ц и м б е л и н

Скорее к делу!
Я словно на горячих углях.

Я к и м о

К делу

Я скоро перейду, и ты узнаешь,
Что значит скорбь. Тут Леонат достойный,
Возлюбленный принцессы, речь повел.
Тех не хуля, кого мы расхвалили,
Он, добродетели самой подобный,
С такою скромностью, но вдохновенно
Живописал достоинства жены,
Что стало ясно каждому из нас:
Мы дуралеи, а красотки наши
Не лучше прачек.

Ц и м б е л и н

Ближе, ближе к делу.

Я к и м о

Превозносил он чистоту принцессы —
Вот тут-то все и началось, — сказал,

Что по сравненью с ней сама Диана
В греховных сновидениях повинна,
Что лишь одна жена его чиста,
А я, несчастный, усомнился в этом
И золото поставил против перстня,
Который он носил; я похвалялся,
Что Имогену я склоню к измене
И выиграю перстень. Верный рыцарь,
Он, веря в честь ее (в чем убедился
Потом и я) в заклад поставил перстень.
Конечно, мог он смело сделать так,
Будь то карбункул с колесницы Феба,
Ценой превосходящий колесницу.
Я поспешил в Британию. Быть может,
Вам памятен приезд мой? Ваша дочь
Мне разницу сумела показать
Меж похотью и подлинной любовью,
Лишив меня надежд, но не желанья
Верх в споре одержать. Мой хитрый ум
Придумал план один... позорный, низкий.
Он удался вполне. Я в Рим вернулся
С такою целью ложных доказательств,
Что Леоната свел с ума, разрушив
Уверенность его в своей жене.
Я описал ковры, картины в спальне.
Браслет, добытый дьявольским коварством,
Ему я предъявил. Я перечислил

Приметы тайные у ней на теле.
Не мог он не поверить, что со мной
Его жена нарушила обет,
И вот теперь я вижу — словно он
Передо мной...

П о с т у м
(выступая вперед)

Да, итальянский дьявол,
Он пред тобой!— О горе мне! Глупец я,
Чудовищный убийца, вор и всё,
Чем свет клеймит злодеев, мне подобных.—
О, дайте мне веревку, нож иль яд!
Назначьте суд!— Король, придумай пытки!
Страшней я, хуже всех чудовищ мира!
Я — Постум, умертвивший дочь твою!
Нет, лгу, я приказал убить ее
Другому негодяю святотатцу.
Она была святыней чистоты,
Нет, чистота сама. В лицо мне плюйте,
Кидайте камни, грязь, травите псами.
Пусть впредь любой злодей зовется Постум —
И все же будет лучше он, чем я.
О Имогена, жизнь моя, принцесса!
О Имогена!

И м о г е н а
Стой, супруг мой! Слушай...

Постум

Над горем издеваешься моим?

Прочь, дерзкий паж!

(Наносит Имогене удар. Она падает.)

Пизанио

На помощь госпоже!—

О Постум, господин мой! Лишь теперь

Убили вы ее.— Скорей на помощь!—

О госпожа...

Цимбелин

Иль свет перевернулся?

Постум

В уме ли я?

Пизанио

О госпожа, очнитесь!

Цимбелин

Коль так, то боги радостью хотят

Убить меня.

Пизанио

Принцесса, лучше вам?

И м о г е н а

Прочь с глаз моих!
Ты дал мне яд. Не смей дышать преступник,
Близ королей.

Ц и м б е л и н

То голос Имогены.

П и з а н и о

Принцесса! Порази меня Юпитер,
Коль не считал я тот состав целебным.
Его мне подарила королева.

Ц и м б е л и н

Что? Что?

И м о г е н а

Он отравил меня.

К о р н е л и й

О небо!

Забыл я передать вам, государь,
Еще одно признание королевы.
Он им оправдан. “Если даст Пизанио,—
Она сказала,— мой состав принцессе,
Который я лекарством назвала,
Он так услужит этим ей, как крысе
Я услужила бы”.

Барельеф Джотто и Андреа Пизано

Ц и м б е л и н
Что это значит?

К о р н е л и й
Мой государь, нередко королева
Заказывала яды мне, твердя,
Что ей они для опытов нужны,
Что травит только псов она и кошек
И тварей бесполезных. Но, боясь,
Что преступленье совершит она,
Я сделал для нее такой состав,
Который вместо смерти вызывает
Подобье смерти — сон, а после сна
Приходит жизнь.

(Имогене.)
Вы приняли его?

И м о г е н а
Наверно, если я была мертва.

Б е л а р и й
Вот это нас и обмануло, дети.

Г в и д е р и й
Фиделе! Да, конечно, это он!

И м о г е н а
(Постуму)
Зачем ты оттолкнул свою жену?

Представь, что мы с тобою на скале,
И вновь толкни меня.

(Обнимает его.)

П о с т у м

Пока я жив —
Как плод на дереве, держись на мне.

Ц и м б е л и н

Дитя мое! Родная плоть моя!
А что же я, по-твоему, — лишь зритель?
Ты для меня и слова не найдешь?

И м о г е н а

Благословите нас, отец.

Б е л а р и й

(Гвидерию и Арвирагу)

Понятно,

Что мальчика вы сразу полюбили, —
Была причина.

Ц и м б е л и н

Для тебя, дитя,
Святой водой мой пусть будут слезы...
Скончалась мать твоя.

И м о г е н а

Мне жаль ее.

Ц и м б е л и н

Нет, нет, она жестокою была.
Из-за нее мы встретились так странно.
Но сын ее исчез.

П и з а н и о**Теперь и я**

Скажу без страха все. Явился принц
Ко мне, когда исчезла госпожа,
И с пеною у рта грозил меня
Убить мечом, коль скрою, где она.
При мне письмо случайно оказалось
От господина. Он прочел; узнал,
Что в Мильфорд, в гавань, госпожа помчалась,
И, в гневе приказав отдать ему
Одежду господина моего,
Он кинулся туда с нечистой целью —
Принцессу обесчестить. Что с ним случилось,
Мне неизвестно.

Г в и д е р и й**Я могу сказать:**

Его убил я.

Ц и м б е л и н**Смилуйтесь, о боги!**

Я не хотел бы за твои заслуги

Обречь тебя на смерть. Скажи скорее,
Что это ложь.

Г в и д е р и й
Я сделал, как сказал.

Ц и м б е л и н
Он принцем был!

Г в и д е р и й
И наглечом! Ругательства его
Отнюдь не царственно звучали! Если б
Ревело море так, я и ему
Отсек бы голову; и очень рад,
Что не стоит он, похваляясь тем же,
Пред нами здесь.

Ц и м б е л и н
Мне жаль тебя, но вынес
Ты смертный приговор себе. Умри же!

И м о г е н а
Я приняла за мужа этот труп
Без головы!

Ц и м б е л и н
Преступника связать
И увести!

Б е л а р и й

Нет, погоди, король;
Он выше принца родом и не ниже,
Чем ты. И ты ему обязан больше,
Чем сотне принцев.

(Страже.)

Рук его не троньте —
Они не для оков.

Ц и м б е л и н

Зачем ты, старец,
Еще не получив награды, губишь
Свои заслуги, гнев наш вызывая?
Нам равен он?

А р в и р а г

Перехватил отец!

Ц и м б е л и н

За это ты умрешь!

Б е л а р и й

Мы все умрем,
Но прежде докажу я, что они.
Так знатны, как сказал я. — Дети, должен
Открыть я тайну. В ней моя беда
И ваше счастье.

А р в и р а г
Но твоя беда —
И наша!

Г в и д е р и й
Счастье наше — и твое.

Б е л а р и й
Внимайте! У тебя, король великий,
Был подданный Беларий.

Ц и м б е л и н
Ну и что же?
Изменник, изгнан он.

Б е л а р и й
Моих он лет
И вправду изгнан, но за ним доселе
Не знаю я измены.

Ц и м б е л и н
Взять его!
Пощады нет ему.

Б е л а р и й
Не горячись!
За воспитанье сыновей твоих

Сначала уплати мне, а потом
Взыщи, что дал.

Ц и м б е л и н

За сыновей моих?

Б е л а р и й

Я слишком дерзок, но с колен не встану,
Пока высокий сан им не верну,
А там — казните старца. О король!
Меня считают юноши отцом,
Себя — моими сыновьями. Нет!
Они твое потомство, повелитель,
В них кровь твоя.

Ц и м б е л и н

Они — мое потомство?

Б е л а р и й

Да, это так же верно, как и то,
Что ты, король, сын своего отца.
Я, старый Морган, — изгнанный Беларий,
И твой каприз — вот вся моя вина
И вся моя измена. Мой проступок —
В моих страданиях. Принцев — это принцы! —
Растил я двадцать лет, их обучил
Всему, что знал, — тебе, король, известна

Моя ученость. Няньке Эврифиле
Велел я их украсть, когда был изгнан,
И в благодарность я на ней женился.
Ты наказал меня несправедливо
За грех, который позже я свершил.
За верность был я изгнан, и тогда
Я стал изменником. Ты горевал,
А я был рад, своей достигнув цели.
Но дети вновь с тобой, а я, несчастный,
Двух лучших в мире потерял друзей.
Благословенье неба да падет
На их главу росой. Они достойны
Сиять средь звезд.

Ц и м б е л и н

Ты говоришь и плачешь.
Но помощь ваша мне еще чудесней,
Чем твой рассказ. Я потерял детей,
Но, если это сыновья мои,
Я лучших не желаю.

Б е л а р и й

Погоди.
Вот этот юноша, который прозван
Мной Полидором, — старший твой, Гвидерий;
А Кадвал — Арвираг, твой младший сын.
Он был тогда завернут в одеяло,

Рукой царицы вытканное дивно.
Его, как доказательство, отдам.

Ц и м б е л и н

Постой! Был у Гвидерия на шее
Знак наподобье звездочки кровавой —
Чудесная примета.

Б е л а р и й

Сохранилась
Она доныне. Мудрою природой
Отмечен он, чтоб легче можно было
Признать его.

Ц и м б е л и н

Итак, я словно мать,
Родившая троих. Но никогда
Не радовалась детям больше мать!
Благословенны будьте и, вернувшись,
Навек останьтесь с нами. — Имогена,
Но ты престол теряешь.

И м о г е н а

Ах, отец,
Зато два мира мне возвращены. —
О дорогие братья, как пришлось
Нам свидеться! Но я правдивей вас;

Меня, сестру свою, вы звали братом,
А я вас, братьев, братьями звала.
И вправду мы родные!

Ц и м б е л и н

Вы встречались?

А р в и р а г

Да, государь.

Г в и д е р и й

Мы с первых встреч любили
Ее, пока умершей не сочли...

К о р н е л и й

От яда королевы.

Ц и м б е л и н

Перст судьбы!

Когда ж узнаю все? Событий столько
Сплелось чудесных, что рассказ короткий
Не объяснит их. Где и как вы жили?
Как пленник наш тебя на службу взял?
Как братьев ты нашла, как потеряла?
Зачем бежала из дворца? Куда?
И многое еще спросить мне нужно.
Событий поразительную связь
Хочу скорей постичь я. Но сейчас

Не время и не место для расспросов.
Смотрите: Постум подле Имогены
Вновь бросил якорь. Как зарница, взор
У ней сверкает, озаряя мужа,
Меня и братьев радостью. И каждый
Ей взгляд ответный шлет. Пойдемте в храм,
И дым от жертв пусть вознесется к небу!

(Беларию.)

Отныне ты навек мне будешь братом.

И м о г е н а

А мне — отцом: ты мне помог дожить
До счастья такого.

Ц и м б е л и н

Кроме пленных,
Все счастливы. Пусть и они ликуют:
Их милость ждет!

И м о г е н а

(Луцию)

Мой господин! Теперь
Хочу я услужить вам.

Л у ц и й

Будь счастливой!

Ц и м б е л и н

Когда бы тот исчезнувший герой

Барельеф Джотто и Андреа Пизано

Был с нами, отблагодарить его
От полноты души я смог бы.

П о с т у м

Этот воин —

Я, государь. Я вместе с ними бился
В простой одежде. — Якимо, скажи,
Кто воин тот. Тебя я победил
И мог убить.

Я к и м о

(опускаясь на колени)

Я вновь у ног твоих.

Теперь меня повергла наземь совесть,
Как прежде мощь твоя. Тебе обязан
Я жизнью — так возьми ее; но раньше
Возьми свой перстень и браслет принцессы,
Вернейшей в мире.

П о с т у м

Не склоняй колен.

Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя — прощение. Живи
И стань честней!

Ц и м б е л и н

Достойные слова!

Великодушию нас учит зять.
Прощенье всем!

Арвират
(Постуму)

Ты нам помог как брат,
И счастлив я, что мы и в самом деле
С тобою братья.

Постум

Готов служить вам, принцы.— Римский воин,
Здесь прорицатель твой. Во сне сегодня
Ко мне слетел Юпитер на орле
И призраки родных моих. Проснувшись,
Я на груди нашел пергамент этот,
Но был не в силах разгадать писанье.
Пусть он свое искусство нам покажет,
Его растолковав.

Луций

Где Филармон?

Прорицатель
(выходя вперед)

Я здесь.

Луций

Прочти и растолкуй нам смысл.

Прорицатель. “Когда львенок, сам не ведая, кто он
такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного

воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие”.

Ты львенок, Леонат. Ведь по-латыни
Ты *Leonatus*, то есть львом рожденный;
А ласковая воздуха струя —
То дочь твоя, король; ведь *mollis aer* —
Нежнейший воздух; это схоже с *mulier*,
А по-латыни *mulier* — супруга
Вернейшая. Не лживы письмамена.

(Постуму.)

Нежданно ты оваян ею был,
Как воздуха нежнейшею струею.

Ц и м б е л и н

Здесь есть глубокий смысл.

П р о р и ц а т е л ь

Могучий кедр —

Ты, Цимбелин, а ветви — сыновья,
Которых у тебя украл Беларий.
Они считались мертвыми, но ныне
Вновь приросли к могучему стволу,
Суля стране и миру процветанье.

Ц и м б е л и н

Прекрасно! С мира и начнем.— Кай Луций,
Хоть победили мы, но добровольно
Власть Цезаря и Рима признаем
И обещаем дань платить, как прежде,
От коей отказались мы по воле
Супруги злобной нашей. Но ее
И сына справедливо покарало
Судилище богов.

П р и ц а т е л ь

Персты небесных сил коснулись струн
Гармонии и мира. То виденье,
Которое перед кровавой битвой
Я Луцию поведал, стало явью.
Орел наш римский, с юга воспарив,
На запад полетел и, уменьшаясь,
Исчез там в свете солнца. Это значит,
Что царственный орел, могучий Цезарь,
Свою любовь с великим Цимбелином,
Сияющим на западе, сольет.

Ц и м б е л и н

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу!— Возвестить о мире
Всем подданным!— Идем! Пусть реют вместе
Британские и римские знамена!

Так мы пройдем по городу во храм
Великого Юпитера, где с Римом
Скрепим союз и празднество устроим.
Хотя еще с мечей не стерта кровь,
Но мир царит; войне не вспыхнуть вновь!

Уходят.

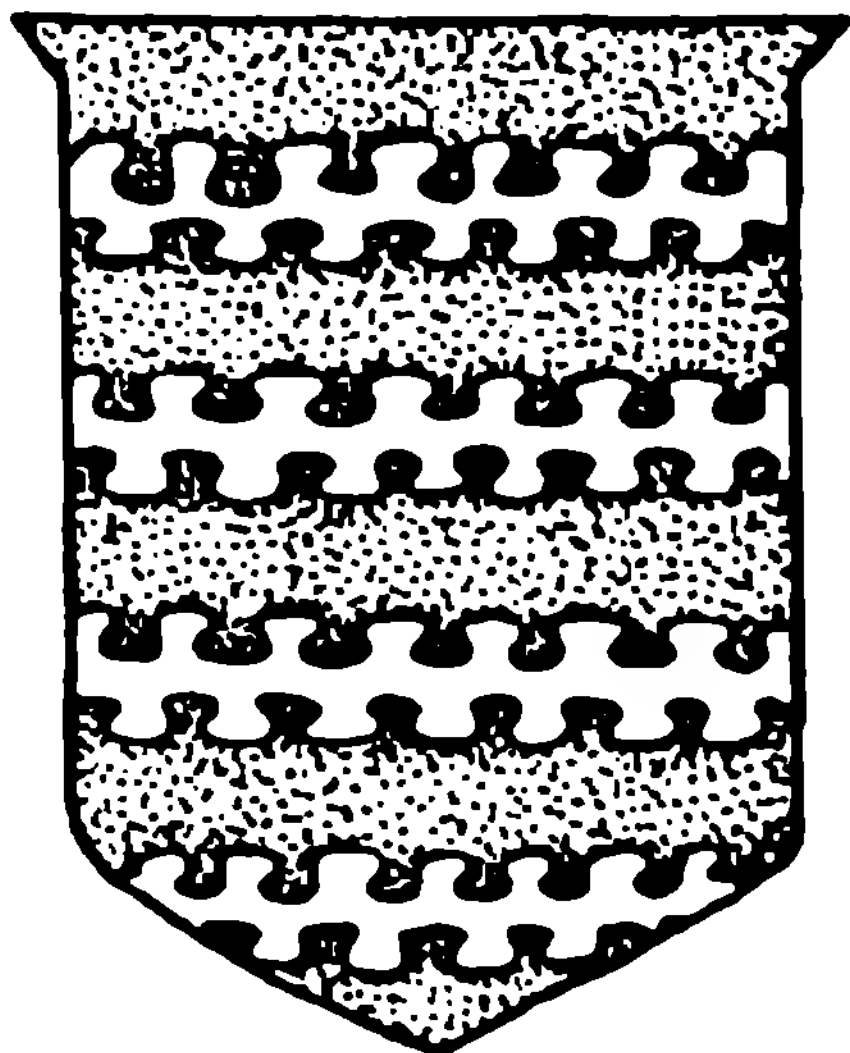
Вильям Шекспир

Зимняя сказка

трагедия в V актах

Перевод В.Левика

Действующие лица

Л е о н т, король Сицилии.

М а м и л л и й, юный принц Сицилийский.

К а м и л л о

А н т и г о н

К л е о м е н

Д и о н

сицилийские

вельможи.

П о л и к с е н, король Богемии.

Ф л о р и з е л ь, сын его, принц Богемии.

А р х и д а м, богемский вельможа.

С т а р ы й п а с т у х, названный отец Утраты.

К р е с т ь я н и н, его сын.

Р а б о т н и к п а с т у х а.

А в т о л и к, бродяга.

М а т р о с.

Т ю р е м щ и к.

Г е р м и о н а, королева, жена Леонта.

У т р а т а, дочь Леонта и Гермiony.

П а у л и н а, жена Антигона.

Э м и л и я, придворная дама Гермiony.

М о п с а

пастушки.

Д о р к а с

Придворные, слуги, свита,
судьи, сатиры, пастухи, пастушки.
В р е м я, заменяющее хор.

*Место действия — частью в Сицилии,
частью в Богемии.*

АКТ I

Сцена 1

Сицилия. Парадный зал во дворце короля Леонта.

Входят Камилло и Архидам.

Архидам. Если вам случится, Камилло, по долгу государственной службы приехать в Богемию, как я приехал к вам, вы убедитесь, насколько я прав, говоря, что между нашей Богемией и вашей Сицилией огромная разница.

Камилло. Я полагаю, этим летом король Сицилии нанесет богемскому королю ответный визит.

Архидам. Мы не сможем оказать вам достойный прием, но искупим это своей сердечностью, так как поистине...

Камилло. Умоляю вас...

Архидам. Поверьте мне, я знаю, что говорю: мы не сумеем принять вас так пышно, с таким великолепием, с таким поразительным... я просто не нахожу слов... Придется одурманить снотворными напитками ваш рассудок, чтобы он не мог судить, насколько мы посрамлены, — и пусть вы не будете нас хвалить, зато не сможете и хулить.

К а м и л л о. К чему платить дорого за то, что вам дарят от чистого сердца.

А р х и д а м. Клянусь, я говорю то, что мне подсказывают честь и разум.

К а м и л л о. Любовь короля Сицилии к богемскому королю безгранична. Они вместе воспитывались в детстве, и тогда возникли корни их дружбы, которая с тех пор пускает все новые ветви. Едва их королевские величества возмужали, их разлучили державные заботы. Но, лишённые возможности встречаться, они поддерживали свою дружбу дарами, письмами и дружескими посольствами. Они и в разлуке оставались неразлучны, и на огромном расстоянии продолжали обмениваться горячими рукопожатиями. Разделённые землей и морем, они братски обнимали друг друга, и небо да продлит их любовь.

А р х и д а м. Я полагаю, нет такой причины, нет такой беды, которая могла бы ее разрушить. В лице молодого принца Мамиллия господь послал вам несказанное утешение. Он подает самые большие надежды, такого ребенка я в жизни не видал.

К а м и л л о. Полностью разделяю ваши мысли. Это чудесный мальчик. Все подданные не нарадуются на него, а старым сердцам он приносит молодость. Даже те, кто ходил до его рождения на костылях, теперь хотят жить подольше, чтоб увидеть его взрослым мужчиной.

А р х и д а м. А если б не принц, они предпочли бы умереть?

К а м и л л о. Конечно, если бы ничто другое не привязывало их к жизни.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Заглавная виньетка к "Зимней сказке" художника Дж. Джильберта

А р х и д а м. Не имей ваш король сына, они, вероятно, согласились бы ходить на костылях и жить, пока он не появится.

Уходят.

Сцена 2

Зал во дворце.

Входят Леонт, Гермiona,
Мамиллий, Поликсен, Камилло
и свита.

П о л и к с е н

Итак, неутомимый земледел
Уж девять раз отметил новолунье
С тех пор, как мы пустились в дальний путь,
Покинув королевство без боязни.
И, если бы от полноты сердечной
Мы столь же долго, дорогой наш брат,
За честь и дружбу вас благодарили,
То все ж навек остались бы в долгу.
Но как один стоящий справа нуль
Десятикратно числа умножает,
Пускай одно “благодарим еще раз”
Умножит все, что говорили мы.

Л е о н т

Приберегите речь свою к отъезду.

Поликсен

Мы едем на заре. Благоразумье
Уже тревогу бьет по временам:
Спокойно ли без нас в державе нашей?
Что, если буря встретит наш возврат?
Придется пожалеть, что загостились.
Да и притом уж, верно, стали в тягость
Мы вашему величеству.

Леонт

О нет!

Я крепче, брат, чем вам угодно думать.

Поликсен

Я должен торопиться.

Леонт

Хоть неделю!

Поликсен

Мы уезжаем завтра.

Леонт

Кончим спор,
Помирился, мой брат, на середине.

Поликсен

Нет, право, не задерживай меня.

Никто, никто на свете не умеет
Так быстро убеждать меня, как ты,
И я бы согласился, если б видел
В желании твоём необходимость.
Нет, государь, не надо нас просить!
Ведь если б мы пренебрегли делами,
Для нас бичом бы стала ваша дружба
И наше пребывание у вас
Доставило б вам только беспокойство.
Вот почему — прощайте, милый брат!

Л е о н т

А вы лишились речи, королева?
Просите!

Г е р м и о н а

Я ждала, мой государь,
Чтоб дал он клятву в том, что едет завтра.
Но ваши просьбы слишком холодны.
Сказали бы, что утром были вести,
Что все в его Богемии спокойно, —
Тогда ему пришлось бы замолчать.

Л е о н т

Вот это справедливо, Гермiona!

Г е р м и о н а

Хоть бы сказал, что хочет сына видеть,

Никто ему перечить бы не стал.
Пусть это скажет — выпроводим сами,
Еще погоним прятками домой.
Нет, коль просить, так уж просить иначе:
Неделю в долг нам дайте, государь!
Когда мой муж в Богемию поедет,
Ему сверх срока дам я целый месяц.
А между тем на свете нет жены,
Которая сильнее любила б мужа,
Чем я Леонта. Ну, вы остаетесь?

П о л и к с е н

Нет, королева.

Г е р м и о н а

Нет, вы остаетесь.

П о л и к с е н

Я, право, не могу.

Г е р м и о н а

Ах, право, право!

Ну, это слабый довод. Но пускай бы
Вы даже звезды клятвами сдвигали,
Я вам сказала б: “Оставайтесь! Право,
Вы остаетесь”. А ведь право дамы
Не уступает праву кавалера.

Как, вы хотите ехать? Но тогда
Считать вас будут пленником, не гостем
И за отъезд возьмут немалый выкуп:
Три сотни благодарностей. Ну что же?
Мой пленник или гость? Даю вам право
Избрать одно.

П о л и к с е н

Сударыня, ваш гость.
Мне оскорбить вас предпочтеньем плена
Трудней, чем вам послать меня на казнь.

Г е р м и о н а

Тогда для вас я больше не тюремщик,
А добрая хозяйка. Расскажите
О вашей дружбе с мужем. Верно, в детстве
Немало вы проказили?

П о л и к с е н

Случалось.
Да, королева, мы росли с Леонтом,
Не помня промелькнувшего вчера,
Не отличая завтра от сегодня,
Считая детство вечным.

Г е р м и о н а

Мой супруг —
Убеждена! — в проказах верховодил.

П о л и к с е н

Мы были как ягнята-близнецы,
Что на лугу и прыгают, и блеют,
И веселят невинностью невинность,
Не зная зла в сердечной чистоте.
И если б так могли мы жить всегда,
Чтоб слабый дух не ведал буйства крови,
Мы богу бы ответили: "Безгрешны!
На нас лежит лишь первородный грех".

Г е р м и о н а

О, значит, после вы споткнулись оба?

П о л и к с е н

Соблазн пришел, но это было позже,
Светлейшая владычица моя!
А в те незабываемые годы
Моя жена была еще ребенком.
И вашей юной прелести не видел
Товарищ игр моих.

Г е р м и о н а

Остановитесь!

Не то меня и вашу королеву
Вы в дьяволы сейчас произведете.
А впрочем, продолжайте! Если так,
Мы обе за вину свою ответим.

Что делать! Мы ввели вас в этот грех,
Вы из-за нас невинность потеряли,
Ни с кем вы не грешили, кроме нас!..

Л е о н т

Ну, наконец противник твой сдастся?

Г е р м и о н а

Он не поедет.

Л е о н т

Мне он отказал.

Ты никогда еще не говорила
Так хорошо.

Г е р м и о н а

Да что ты!

Л е о н т

Никогда.

Иль только раз.

Г е р м и о н а

Ах, так — ну, значит, дважды.
Открой же мне, когда был первый раз?
Я жду похвал, я стану от похвал
Спесивее раскормленной гусыни.

Не забывай: ты должен непременно
Хвалить меня за добрые дела!—
Я всем мужьям советую запомнить:
Нас тридцать миль прогонишь поцелуем,
А шпорой — еле сдвинешь.— Ну открой же:
Второй мой подвиг — то, что он остался,
А первый — что? Когда он совершен?
Скорей, иль я сгорю от любопытства!

Л е о н т

Ты совершила первый раз добро,
Когда меня, три месяца промучив,
Любимым назвала и протянула
Мне руку белоснежную, воскликнув:
“Твоя навеки!”

Г е р м и о н а

Лучше не сказать!
Итак, два славных подвига — и первый
Мне дал навеки мужа-короля,
Второй, на время, друга.

(Протягивает руку Поликсену.)

Л е о н т
(в сторону)

Слишком пылко!
От пылкой дружбы — шаг до пылкой страсти.

Как бьется сердце... Сердце так и пляшет...
Но не от счастья, не от счастья, нет...
Иль то игра, возникшая случайно
От доброты, сердечности, радушья?
Опасная, однако же, игра!
Иль я воображением обманут?
Нет, эти взгляды, и касанья рук,
И эти пальцы, вложенные в пальцы,
Ответные улыбки, этот вздох,
Подобный стону раненого зверя, —
Такой игры мое не терпит сердце,
Не скроют брови ярости моей. —
Мамиллий, ты мне сын?

М а м и л л и й

Да, государь.

Л е о н т

Ты — мой, пострел. Но чем ты нос испачкал?
Все говорят, твой нос похож на мой.
Фу, капитан, не надо быть грязнулей,
Старайтесь чистым быть, мой капитан.
Рогатый скот — быки, телята — чисты!
Ну, мой теленок! Что ж, ты м о й теленок?

М а м и л л и й

Да, если вам угодно, государь.

Декор потолка герцогского дворца

Л е о н т

Чтоб видно было сходство между нами,
Ты должен стать рогатым. А болтают,
Что мы с тобою, мой теленок, схожи,
Как два яйца. Так бабы говорят.
Им врать легко, но, будь они фальшивей
Воды и ветра, крашенных волос,
Костей игральных под руками плута,
Который хочет загрести чужое, —
Все ж это правда: мальчик схож со мной.
Ну, подойди, мой паж, и посмотри
В мои глаза глазами голубыми.
Мой милый мальчик! Сын мой! Кровь моя! —
Могла ль она? Могла ли эта самка?..
О ревность, как вливаешься ты в сердце!
Немыслимое делаешь возможным
И явью — сон. Откуда власть твоя?
Мелькнувший призрак одеваешь плотью —
И человек погублен. И ничто,
Преобразившись в нечто, существует,
И мозг отравлен, ум ожесточен.

П о л и к с е н

О чем король задумался?

Г е р м и о н а

Что с ним?

Он озабочен.

П о л и к с е н

Государь, в чем дело?
Что с вами, брат мой?

Г е р м и о н а

Вы глядите хмуро,
Как будто рассердились, мой супруг.

Л е о н т

Нет, нет, ну что вы. Иногда природа,
Пресытась видом нежности сердечной,
Себе забаву новую находит
В жестокосердьё. Я глядел на сына
И мысленно переносился в детство,
Тому назад на года двадцать три,
В те дни, когда ходил я без штанов,
В темно-зеленом бархатном камзоле,
За поясом серебряный кинжальчик
В наморднике, чтоб укусить не мог,—
Игрушка также может стать опасной!
И думалось: я, верно, был в ту пору
Похож на это зернышко, жучка,
На этого пострела.—

(Мамиллю.)

Честный друг мой!
Когда ты станешь сильным и большим,
Как отвечать ты будешь на обиду?

М а м и л л и й

Я буду драться, государь.

Л е о н т

Вот как!

Счастлив твой жребий! — Мой бесценный брат,
Вам также дорог юный ваш наследник,
Как нам — наш сын?

П о л и к с е н

Когда я дома, брат мой,
Он для меня все в мире: и забота,
И радость, и печаль, и утешенье,
Мой друг, мой враг, солдат мой и вельможа,
С ним летний день короче зимних дней.
Он все, чем нас обворожает детство,
Мой избавитель от тяжелых дум.

Л е о н т

Таков и мой высокочтимый рыцарь.
Мы, понимая важность ваших дел,
С ним удалимся, чтоб не стать помехой. —
Ты, Гермiona, из любви ко мне,
Всем удовольствуй дорогого гостя.
Пусть лучшее — чего дороже нет —
В Сицилии мой брат получит даром.
Ведь после вас двоих — тебя да сына —
Он мне дороже всех.

Гермиона

Мы в сад пойдем. Вы к нам придете? Ждать вас?

Леонт

Вы можете идти куда угодно,
Я вас найду везде, хоть под землей.

(В сторону.)

Ловец хитер, и пташкам невдомек,
Что он для них уже раскинул сети.
Добро, добро!

(Наблюдая за Поликсемом и Гермионой.)

Ишь как она к нему
Свой птичий нос и губы протянула,
Чтоб дерзкой откровенностью кокетства
Сбить мужа с толку.

Поликсен, Гермиона и свита уходят.

Наконец ушли...

Рога, рога! громадные рога!
Играй, мой сын, — и мать твоя играет,
И я играю, но такую роль,
Которая сведет меня в могилу.
Свистки мне будут звоном погребальным.
Играй, играй! Иль твой отец рогат,
Иль дьявол сам его толкает в пропасть.
О, разве я один? Да в этот миг
На белом свете не один счастливец

Дражайшую супругу обнимает,
Не помышляя, что она недавно
Другому отдавалась, что сосед
Шмыгнул к жене, как только муж за двери,
И досыта удил в чужом пруду.
Хоть в этом утешение: у многих
Ворота настежь, как ни запирай,
И если б всех распутство жен смущало,
Так каждый третий в петлю бы полез.
Лекарства нет! Какая-то звезда
Все развращает, сводничает всюду
И отравляет воздух — ей подвластны
И юг и север, запад и восток.
Один лишь вывод: чрево не закроешь:
И впустит в дверь и выпустит врага
Со всем добром. И тысячи мужей
Больны, как я, но этого не знают.—
Так что ж, мой сын?

М а м и л л и й

Мне часто говорили,
Что я похож на вас.

Л е о н т

Какое счастье!—
Ты здесь, Камилло?

К а м и л л о

Здесь, мой государь.

Л е о н т

Играй, мой сын, играй, ты честный малый. —

Мамиллий уходит.

Камилло, знатный гость решил остаться.

К а м и л л о

С трудом вы этот якорь укрепили:

Вы — вниз его, он — кверху.

Л е о н т

Ты заметил?

К а м и л л о

Да, он считал отъезд необходимым

И глух был к вашим просьбам.

Л е о н т

Верно, верно.

(В сторону.)

Почуяли... уже все видят, шепчут:

“А наш король-то...” Далеко зайдет,

Пока я твердый разгрызу орешек! —

Камилло, почему же он остался?

К а м и л л о

Чтоб не обидеть доброй королевы.

Л е о н т

Зачем же — доброй? Просто — королевы.
Название “доброй” надо заслужить.
А есть еще сметливая башка,
Заметившая то, что ты заметил?
Ведь ты умен, ты подмечаешь больше,
Чем эти остолопы. Кто попроще,
Я думаю, глядел, да не видал.
Из бывших здесь еще один, ну двое
Все поняли — не правда ли, Камилло?

К а м и л л о

Еще один иль двое, государь?
Все поняли, что гость ваш остается.

Л е о н т

Да?

К а м и л л о

Остается.

Л е о н т

Да, но почему?

К а м и л л о

Чтоб удовольствие доставить вам и вашей
Достойнейшей супруге.

Л е о н т

А, так вот что!

Чтобы моей достойнейшей супруге
Доставить удовольствие! Довольно!
Камилло, я вверял тебе и сердце
И тайны государства моего.
Как духовник, ты облегчал мне душу,
И, кающийся грешник, обращенным
С тобой я расставался. Но ужасно
Обманут был я честностью твоей,
Обманут тем, что честностью казалось.

К а м и л л о

Спаси господь, мой добрый государь!

Л е о н т

Да, если разобраться, — ты бесчестен.
Ты честности удар наносишь в спину,
Сбивая с толку тех, кто видит правду.
Скажи мне сам: ты нерадивый раб,
Доверьем господина развращенный,
Или глупец, который милой шуткой
Готов назвать преступную игру?

К а м и л л о

Мой государь, не знаю, что ответить.
Быть может, я труслив иль нерадив,
Быть может, глуп — нет совершенства в мире,
И часто трусость, глупость, нерадивость
Одерживают верх над человеком.
Но если, государь, когда-нибудь
В том, что вы мне изволили доверить,
По доброй воле был я нерадив,
То это глупость. Если был я глуп —
Моя оплошность иль недальновидность.
А если трусость проявлял в делах,
Исход которых вызывал сомненья,
То это страх, не чуждый и мудрейшим.
Мой добрый господин, ведь это все
Такие недостатки, от которых
Нельзя и честность полностью избавить.
Но я хочу понять мою ошибку.
Позвольте мне узнать мой тяжкий грех,
И если от стыда я не ослепну,
То я не грешен.

Л е о н т

Замолчи, Камилло!
Да разве ты не видел, что случилось,
Не догадался, чем я оскорблен?
Ты, может быть, очки напялил на нос

Леонт и Камилло. Рисунок Дж. Джильберта

И стекла закоптил, чтобы не видеть?
Иль ты не слышал — но могла ль молва
Не разгласить того, что всем известно?
Иль не подумал — ибо, если думал,
Не мог же, наконец, ты не понять,
Что я женой обманут. Низкий плут,
Иль поклянись трусливо господину,
Что у тебя нет мозга, глаз, ушей,
Иль сукой назови мою жену,

Распутницей, разнузданною девкой,
Которая до свадьбы отдается.
Ну, говори, я прав?

К а м и л л о

Даю вам клятву,
Когда посмел бы кто-нибудь другой
При мне чернить супругу государя,
Он жизнью заплатился бы. О боже!
Я никогда, я никогда не слышал
От вас речей, которые настолько
Вам не к лицу. Тому, кто повторит их, —
Великий грех.

Л е о н т

А что, не грех — шептаться,
Щекою льнуть к щеке, губами — в губы,
Смех похотливый вздохом прерывать?
Не может быть измена очевидней!
Друг к другу прижиматься потесней,
Чтоб ногу через ногу перекинуть,
Молить нетерпеливо небеса,
Чтоб утро ночью стало, час — мгновеньем,
При всех глазами предаваться блуду, —
И это — ничего? Тогда весь мир,
Весь мир — ничто, ничто — создатель мира,
Моя жена, Богемия — ничто!
Я сам — ничто, со всем, что есть под солнцем!

К а м и л л о

Мой государь, покуда время есть,
Гоните прочь болезненные мысли,
Таящие великую опасность.

Л е о н т

Скажи, я прав?

К а м и л л о

Нет, нет, мой государь.

Л е о н т

Нет, прав, ты лжешь, ты подло лжешь, Камилло!
Трусливый лжец, предатель двоедушный,
Чему служить ты хочешь — выбирай!—
Добру иль злу? Да если б кровь жены,
Как жизнь ее, была насквозь гнилою,
Она и часу жить бы не могла.

К а м и л л о

Но кто же заразил ее?

Л е о н т

Король

Богемии. Да! Тот, кому на шею
Она, как шлюха, вешается нагло.

Имей я верных слуг, они бы сразу
Конец прелюбодейству положили.
Ты сам, мой кравчий, ты, моей рукой
Из нищего в вельможу превращенный,
Ты, видевший всю горечь мук моих,
Как только небо может видеть землю, —
Ты яду мог ему насыпать в чашу,
Убить его, но исцелить меня!

К а м и л л о

Мой государь, чтобы себя не выдать,
Я предпочел бы медленной отравой
Его сгубить. Но не могу поверить
В позор моей прекрасной госпожи,
Чья добродетель служит всем примером.
Я вас люблю...

Л е о н т

На том умри, Камилло!
Ты думаешь, я так безумен, низок,
Что сам оклеветал свою супругу?
Что чистоту и белизну постели,
Хранившей сон мой, обратил я в грязь,
Покрыв крапивой, иглами, шипами,
Что сына кровь без смысла, без причины
Позорным обвиненьем обесчестил!
Настолько ль безрассуден я и слеп?

К а м и л л о

Не смею вам не верить, государь.
Я устраню богемца. Но надеюсь,
Когда его не станет, вы супруге
Свою любовь вернете? Ради сына!
Вы этим сразу пресечете сплетни
И клевету.

Л е о н т

Такой совет, Камилло,
Мне по душе, я сам бы не хотел
Предать позор огласке.

К а м и л л о

Государь,
Пройдите в сад, явитесь к ним с приветом,
С улыбкой, как на пиршестве веселом,
И, видит бог: когда своей рукой
В его стакан я не насыплю яду,
Я недостойн вашего доверья!

Л е о н т

Вот все, чего хотел я, — сделай это,
И я тебе полсердца отдаю,
Не сделаешь — твое я вырву сердце.

К а м и л л о

Клянусь вам, государь.

Л е о н т

А я пойду

И притворюсь по твоему совету
Веселым и любезным.

(Уходит.)

К а м и л л о

Горе, горе!

Бедняжка королева! Что ж, Камилло,
Преступной воле кесаря покорствуй,
Преступником, убийцей подлым стань!
Меня за низость хочет он возвысить!
Да если б знал я тысячи имен,
Обретших славы блеск в цареубийстве,
Я и тогда бы этого не сделал.
Но нам не говорит о них ни мрамор,
Ни бронза, ни пергамент, их удел —
Бесславное забвенье. Нет, бежать!
Свершу злодейство — отомстит мне совесть,
Не совершу — мне отомстит король.
Благословенна будь моя звезда:
Идет король Богемии.

Входит Поликсен.

П о л и к с е н

Как странно!

Сам убеждал и сам же обозлился.
Со мной — ни слова. — Добрый день, Камилло!

К а м и л л о

День добрый, государь.

П о л и к с е н

Какие вести?

Что при дворе?

К а м и л л о

Покуда все — как было.

П о л и к с е н

Король угрюм, как будто он лишился
Иль города, иль области любимой.
Мы встретились у выхода — я тотчас
Приветствовал его, но он безмолвно
Прошел вперед, не глядя на меня,
И, рот скривив презрительной усмешкой,
Как будто непосильную загадку
Мне предлагал.

К а м и л л о

Не смею знать причины.

П о л и к с е н

Не смею? Знаю, но не смею знать?!
О, я прошу вас, будьте откровенны.

Иль то, что вам известно, не должны вы,
Не можете, не смеее сказать
И самому себе? Но в чем же дело?
Камилло! Вы меняетесь в лице,
И в нем, как в верном зеркале, я вижу
Ту перемену, что меня коснулась.

К а м и л л о

Да, есть недуг, который омрачает
Всех нас; его назвать я не могу;
И тот недуг от вас, король исходит,
Хоть вы здоровы.

П о л и к с е н

От меня? Недуг?

Иль наделен я взглядом василиска?
Но взгляд мой горя людям не приносит,
А счастье приносил. Непостижимо!
Камилло, вы, я знаю, благородны.
Пусть благородство дали вам не предки,
Но знанья, опыт — это все равно.
И я прошу вас, если вам известно
Хоть что-нибудь, что связано со мной,
Не замыкайтесь в тайну и в молчанье!

К а м и л л о

Я не могу!

Поликсен

Во мне очаг заразы,
Хоть я здоров! Ты должен мне ответить,
Камилло, слышишь? Я прошу тебя,
Я заклинаю уваженьем к сану,
Которым облечен, твоею честью —
Скажи, какая мне грозит беда?
И где она? Далеко или близко?
Возможно ли ее предотвратить?
А если нет — возможно ль с ней бороться?

Камилло

Так. Если тем, кто безусловно честен,
Во имя чести спрошен я — отвечу.
Исполните совет мой, государь,
Немедленно! Иль мы погибнем оба!

Поликсен

Я жду, Камилло.

Камилло

Он мне поручил
Вас отравить.

Поликсен

Кто — он?

К а м и л л о.

Король.

П о л и к с е н

За что?

К а м и л л о

Он думает, нет, он клянется небом,
Что видел вас и вам помог невольно
В прелюбодействе с нашей королевой.

П о л и к с е н

В прелюбодействе! Мне помог! Так пусть
В гниющий студень кровь моя сгустится,
Пусть назовут меня вторым Иудой,
И пусть не слава — трупное зловонье
Предшествует мне всюду, чтобы люди,
Как от чумы, в смятенье разбегались.

К а м и л л о

Хотя б клялись вы каждою звездой,
Планетой каждой — клятвы не помогут.
Как море в сушу вам не обратить,
Так вам не совладать с его безумьем.
Оно умрет лишь вместе с королем.

П о л и к с е н

Как эта мысль могла в нем зародиться?

К а м и л л о

Не знаю, но умней и безопасней
От этого чудовища бежать,
Чем предаваться тщетным размышленьям.
Прошу вас, если честности моей
Вы верите, — меня с собой возьмите,
И вам залогом будет жизнь моя.
Бежим сегодня ночью. Вашим людям
Шепну, что нужно, выведу их сам,
И по два, по три мы покинем город.
Мне места нет в Сицилии, я ваш.
Что не солгал, клянусь вам честью предков.
Но если захотите вы свидетельств,
Не стану ждать, не то погибну с вами —
Вы королем на смерть осуждены.

П о л и к с е н

Тебе я верю. По его лицу
Я понял все. Отныне ты мой кормчий,
И жизнь пройдешь ты об руку со мной.
Уже два дня к отплытью мы готовы,
Суда под парусами, люди ждут.
Слепой безумец! Лучшему созданию
Не верит он. И тем сильнее ревность,
Что сам ревнивец так силен и горд,
Так несравненна прелесть королевы.
В безумной слепоте вообразив,

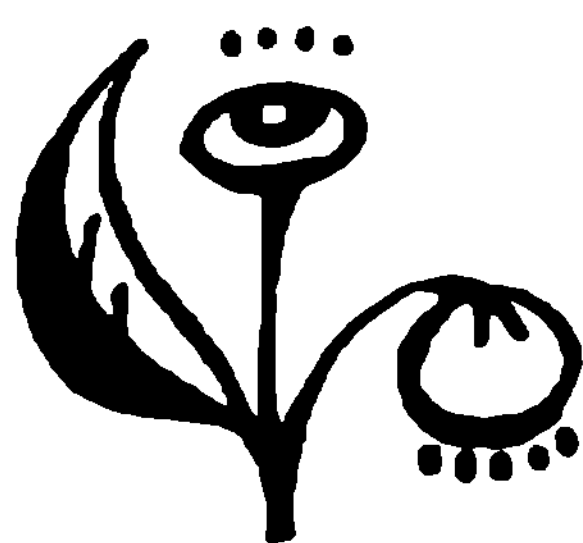

Бегство Поликсена и Камилло. Рисунок Дж. Джильберта

Что лучший друг нанес ему бесчестье,
Он ярости исполнился. Ужасно!
Да принесет нам счастье мой отъезд,
Невинной да поможет королеве.
Бежим, Камилло! Выведи меня,
И как отца тебя любить я буду.
Бежим!

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Сицилия. Комната во дворце.

Входят Гермiona, Мамиллий и придворные дамы.

Гермiona

Ах, заберите шалуна!— Мамиллий,
Довольно прыгать, голова болит!

Первая дама

Пойдемте, принц, хотите, будем с вами
Во что-нибудь играть.

Мамиллий

Я не хочу.

Первая дама

Да неужели? Почему, мой принц?

Мамиллий

Так. Вы меня начнете целовать

И говорить со мною, как с ребенком.

(Второй даме.)

Вот вы мне больше нравитесь.

Вторая дама

Да? Чем же?

Мамиллий

Не думайте: не тем, что ваши брови
Черны как смоль, — хоть говорят, что брови,
Когда они изогнуты и тонки,
Как лунный серп, начерченный пером,
Должны быть черными.

Вторая дама

Кто вам сказал?

Мамиллий

Не помню кто. Я, сравнивая женщин,
Сам это понял. Ну, а ваши брови
Какого цвета?

Первая дама

Синие, мой принц.

Мамиллий

Вы шутите, у женщин только нос
Бывает синий, а совсем не брови.

П е р в а я д а м а

Взгляните! Королева-мать полнеет,
Настанет время, новый принц придет,
И мы к нему поступим в услуженье.
А уж тогда придется в а м просить,
Чтоб мы играли с вами.

В т о р а я д а м а

Пожелаем

Благополучных родов королеве.
По талии судя, подходит срок.

Г е р м и о н а

О чём это вы шепчетесь? — Мой мальчик,
Поди ко мне. Садись. Мне стало лучше.
Побудь со мной и расскажи мне сказку.

М а м и л л и й

Веселую иль грустную?

Г е р м и о н а

Любую.

Нет, самую веселую!

М а м и л л и й

Зачем?

Зиме подходит грустная. Я знаю
Одну, про ведьм и духов.

Гермiona

Хорошо.

Садись и расскажи как можно лучше,
Чтоб маму небылицей напугать.
Ведь ты умеешь.

Мамиллий

Жил да был на свете...

Гермiona

Нет, сядь сначала. Вот. Ну, начинай.

Мамиллий

Жил бедный человек вблизи кладбища.
Я буду шепотом, совсем тихонько,
Чтобы сверчка не напугать — он спит.

Гермiona

Да, да, ты на ушко мне говори.

Входят Леонт, Антигон и придворные.

Леонт

Он в гавань шел? Со свитой? И с Камилло?

Первый придворный

Я встретил их за рощей и глазами
До кораблей за ними проследил.
Могу сказать, спешили наши гости!

Л е о н т

Как я был прав! Я видел их насквозь!
О, лучше бы не понимать, не видеть,
Я проклиная правоту мою!
Когда паук утонет в винной чаше,
Ее любой осушит, не поморщась,
Но лишь увидит гадину на дне —
Вмиг тошнота, и судорога в горле,
И вырвет все, что с наслажденьем пил, —
Вот так лежал паук в моем бокале.
Им нужен трон мой, жизнь моя нужна,
И подлый раб Камилло помогал им.
Я прав во всем, во всех догадках прав!
Меня прислужник собственный им предал,
Предупредил ее и Поликсена,
И вот Леонт остался в дураках.
Для них я шут. Кто им открыл ворота?

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Камилло, — он и раньше это делал.
Его приказ был все равно что ваш.

Л е о н т

Мне это слишком хорошо известно.

(Гермионе.)

Ты сына мне отдашь. Я очень рад,
Что не твоею грудью был он вскормлен.

Хоть, спора нет, он на меня похож,
В нем слишком много материнской крови.

Гермиона

Что это? Шутка?

Леонт

Уведите сына!

Мамиллия уводят.

Он рядом с ней не должен находиться.
Ее утешит тот, который в ней, —
Ведь это Поликсен набил ей брюхо.

Гермиона

Ложь! Это ложь! Убей меня, но верь!
Нет, ты мне веришь!

Леонт

Приглашаю всех:
Всмотритесь в королеву. Рассмотрите
Ее получше — и воскликнет каждый:
“Красавица!” — но справедливым сердцем
Добавит молча: “Жаль, что не чиста!”
И как же в ней греха не заподозрить:
Едва начнешь дивиться красоте —
Что говорить! достойной восхищенья, —

Как вдруг услышишь: этот скажет: “Ах”,
Другой: “Да, да”, “Гм, гм”, — прибавит третий.
Пусть это все любимые словечки
Пятнающей невинность клеветы
Иль жалости, которая горюет,
Когда при ней клеветают на невинность, —
Но, право, после этих восклицаний
“Она чиста” уже никто не скажет,
А я, хотя и больно мне признать,
Я прямо говорю: “Прелюбодейка!”

Г е р м и о н а

Скажи мне так последний негодяй,
Он дважды оказался б негодяем,
Но вы, мой муж, вы попросту ошиблись.

Л е о н т

Нет, в ы ошиблись, в ы, моя жена!
Вы Поликсена спутали с Леонтом.
Ты, тварь! Да я бы именем другим
Назвал тебя, когда б не опасался,
Что чернь сошлется на пример монарха
И, разнуздавшись, станет выражаться
Одним и тем же грубым языком
О короле и нищем. — Я сказал вам:
Она прелюбодейка. Я назвал
Предателя, который с ней в союзе.

Я более скажу: моя жена
И лицемер Камилло, этот сводник,
Виновны в государственной измене.
Он знал все то, в чем ей признаться стыдно,
Он совершил побег с ее согласия.

Улица в Сицилии. Рисунок Дж.Джилльберта

Гермиона

Нет, нет и нет! Я жизнью вам клянусь!
Поймите же, ведь это клевета.

Вам, государь, самим же будет стыдно.
О, никаким признанием ошибки
Вам честь мою теперь не обелить!

Л е о н т

Признанием ошибки! Я — ошибся!
Я строил на непрочном основанье!
Скорей поверю, что устои мира
Не выдержат под тяжестью волчка!
В тюрьму ее! Кто слово молвит против,
Того я за изменника сочту.

Г е р м и о н а

Какое-то враждебное созвездье
Царит над нами. Призовем терпенье,
Покуда не смягчатся небеса.
Я женских слез чужда, мои синьоры.
Увы, без их живительной росы,
Боюсь, увянет ваше милосердие,
А горе будет жечь меня сильнее.
Но я готова. Суд ваш непреклонный
Да будет справедлив, как ваша совесть.
Смиренно жду приказов короля.

Л е о н т
(страже)

Я приказал вам.

Г е р м и о н а

Кто пойдет со мной?

У вашего величества прошу,
Как милости великой, разрешенья
Впускать ко мне моих придворных дам,
Мое здоровье требует ухода.—
Ах, глупые, расплакались! О чем вы?
Вот если б я преступницей была,
Но наслаждалась полною свободой,
Тогда прилично было б слезы лить.
Как благодать приму я заточенье.—
Прощайте, государь, я никогда
Вас не хотела видеть огорченным,
Теперь — хочу.— Пойдемте, мои дамы,
Вам разрешают.

Л е о н т

Вон! Ступайте с ней!

Королева под стражей уходит, за нею — дамы.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Верните королеву, государь,
Мы умоляем.

А н т и г о н

Государь, смягчитесь.

Не то ваш гнев великим станет злом
Для нас, для королевы и для принца.

Первый придворный

О государь, возьмите жизнь мою,
Но верьте: пред супругом и богами
Безгрешна королева.

Антигон

Я жену

Запру в конюшню, если это правда.
Я буду сам впрягаться с нею в дышло,
Чтоб всюду видеть, осязать ее,
И то вовеки не решусь ей верить.
Нет, если лжива наша королева, —
Не только речь, но каждый женский взгляд,
Движенья все, дыханье женщин лживо!

Леонт

Прошу не горячиться!

Первый придворный

Государь!

Антигон

Ведь мы для вас, не для себя хлопочем.
Вас обманул какой-то клеветник,

Будь проклят он, — о, попадись он мне,
Я шею бы свернул ему! Бесчестна!
Она бесчестна! У меня три дочки:
Двенадцать старшей, средней скоро девять,
А младшей — пять. Но если это правда,
Я отплачу им: я их изувечу,
Чтоб не плодили незаконных внуков.
Они мои наследницы, и лучше
Своей рукой себя же оскопить,
Чем видеть столь приятное потомство.

Л е о н т

Довольно, замолчите! Вы ослепли!
А для меня тут ясно все как день.

А н т и г о н

Ну, если так, не надо рыть могилу
Для честности — ее на свете нет!

Л е о н т

Как! Мне не верят!

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Я предпочитаю,
Чтобы не вам поверили, а мне.
Сердитесь на меня, но мне приятней,
Чтоб королева честной оказалась.

Л е о н т

Что вам приятней — это дело ваше.
Не возражать, когда я говорю!
Ведь если я в советники избрал вас,
Так только от излишней доброты.
И я не знаю, глупость иль притворство
Вас принуждает истины не видеть, —
Но мне таких советников не нужно.
Расследованье, суд и все решенья
Беру я на себя.

А н т и г о н

А я б хотел,
Мой государь, чтоб вы решали тайно
И без огласки.

Л е о н т

Мыслимо ли это?
Рехнулся ты иль от рожденья глуп?
Я понял все по одному их виду,
Для полноты улик лишь оставалось
Застигнуть их на месте преступленья.
Вот почему я действовать решил.
Но если хочешь избежать сомнений,
Не доверяй глазам. Неосторожность
В таких делах презрения достойна,
Вот почему я только что послал

В святыне Дельфы, к храму Аполлона,
Гонцами Клеомена и Диона,
Людей весьма надежных. Пусть оракул
Решит за нас. Его совет священный
Меня иль остановит, иль заставит
Все кончить. Хорошо я поступил?

Первый придворный

Да, государь.

Леонт

Я знаю то, что знаю,
И в подтвержденьях правды не нуждаюсь.
Но пусть оракул просветит глупцов,
Которым скудоумие мешает
Постигнуть то, что ясно. Мы решили
Подвергнуть королеву заточенью,
Дабы пример преступных беглецов
Ее не соблазнил. Теперь идемте.
Мы гласный суд назначим. Это дело
Взволнует всех.

Антигон
(в сторону)

И все от смеха лопнут,
Как только правда выплывет на свет.

Уходят.

Сцена 2

Сицилия. Приемная тюрьмы.

Входят П а у л и н а, слуги.

П а у л и н а

Позвать сюда начальника тюрьмы,
Сказать ему, кто я.

Слуга уходит.

О королева!

Во всей Европе нет дворца иль замка,
Достойного тебя, — а ты в тюрьме!

С л у г а возвращается вместе с т ю р е м щ и к о м.

Так что же, сударь, вам известно, кто я?

Т ю р е м щ и к

Достойная и знатная синьора.

П а у л и н а

Мне нужно повидаться с королевой.

Т ю р е м щ и к

Велели никого не пропускать.

П а у л и н а

Все ясно! Разве честность и невинность
Имеют право видеться с друзьями!

Но я прошу вас — может быть, возможно
Одну из дам придворных повидать?
Любую, ну Эмилию хотя бы.

Т ю р е м щ и к

Я приведу Эмилию, синьора,
Но ваши слуги пусть уйдут.

П а у л и н а

Прошу вас.—

А вы уйдите.

Слуги уходят.

Т ю р е м щ и к

Добрая синьора,
Я вынужден присутствовать при встрече.

П а у л и н а

Да как хотите, только поскорее.

Тюремщик уходит.

Вот так красильня! Белый цвет хотят
Представить черным, а невинность — ложью.

Т ю р е м щ и к возвращается вместе с Э м и л и е й.

Ах, дорогая, здравствуйте! Ну что?
Как переносит горе королева?

Э м и л и я

С той твердостью великой, на какую
Способны лишь великие сердца.
Измученная горем, королева
От бремени до срока разрешилась.

П а у л и н а

Что, сын?

Э м и л и я

Нет, дочь. Чудесная малютка!
Красивый, крепкий и живой ребенок.
В ней госпожа находит утешенье
И говорит ей: “Бедная моя!
Мы пленницы, и мы безвинны обе”.

П а у л и н а

Чума возьми безумство короля!
Он должен, должен истину услышать!
Но это дело женщины — и если
Язык мой оробеет перед ним,
Пускай отсохнет! Даже в лютой злобе
Пускай не сможет правду говорить!—
Прошу вас, передайте королеве,
Что, как всегда, я повинуюсь ей.
И если мне дитя она доверит,
Отцу я дочь родную покажу
И буду защищать пред ним супругу.

Общий вид на Сицилию. Гравюра с рисунка Сарджента

Король, быть может, увидав ребенка,
Смягчится. Ведь невинности молчанье
Порой сильнее красноречивых слов.

Э м и л и я

Сударыня, вы так добры и смелы,
Что ваше благородное желанье
Не может к неудаче привести.
Кто, кроме вас, среди придворных дам
С такой задачей справится? Пройдите
В ту комнату. О вашем предложенье
Уведомлю я тотчас королеву.
Она сама уж думала, кому бы
Шепнуть об этом, но, боясь отказа,
К мужчинам не решилась обратиться.

П а у л и н а

Эмилия, скажите королеве,
Что все-таки я верю в свой язык.
Когда он будет мудр, как сердце храбро,
Сомненья нет, мы сломим короля.

Э м и л и я

Храни вас бог. Пойду спросить ее
И тотчас ворочусь, не уходите.

Т ю р е м щ и к

Сударыня, с меня, боюсь я, взыщут,

Когда я пропущу без разрешенья
Младенца королевы.

П а у л и н а

Что за глупость!
Ребенок, бывший пленником во чреве,
Освобожден законами природы
И не подвластен гневу короля.
Хотя бы мать его и согрешила,
Не мог он соучаствовать в грехе.

Т ю р е м щ и к

Вы правы.

П а у л и н а

Вас не тронут, я ручаюсь.
А если что — я заступлюсь за вас.

Уходят.

Сцена 3

Зал во дворце Леонта.

Входят Леонт, Антигон, придворные и слуги.

Л е о н т

Ни днем, ни ночью мне покоя нет!
Но эти муки — слабость, только слабость.
И я, пожалуй, мог бы исцелиться,

Ее источник главный уничтожив:
Мою жену. Пускай король-развратник
Недосягаем, вне пределов мщенья,
Но ведь ее-то я держу в руках!
Я чувствую: умри она, сгори —
И мой покой, быть может, возвратится. —
Эй, вы!

Первый слуга
Да, государь?

Леонт
Что сын мой?

Первый слуга
Он ночью спал спокойно. Есть надежда,
Что скоро выздоравливать начнет.

Леонт
Как чист и благороден этот мальчик!
Едва открылся матери позор,
Он стал хиреть, ослабевать и чахнуть,
Утратил сон, на пищу не глядел
И занемог. — Оставь меня покуда.
Ступай взгляни, как поживает сын.

Слуга уходит.

О короле пока не нужно думать.

Ему не отомстишь — он сильный враг,
И мощные державы с ним в союзе.
Нет, королю мы мстить повременим,
Сполна отплатим только королеве.
Пускай ликуют Поликсен с Камилло,
Глумясь над горем рогача. Пускай!
В моих руках они бы смех забыли.
Зато о н а теперь забудет смех.

Входит Паулина с младенцем на руках.

Первый придворный

Сюда нельзя.

Паулина

Да вы бы уж не гнали,
А лучше помогли бы мне войти.
Что вам страшнее, добрые синьоры, —
Гнев короля иль королевы смерть?
Что больше стоит: злоба короля
Иль чистота прекрасной королевы?

Антигон

Ну, будет, будет!

Второй слуга

Он всю ночь не спал
И вас не примет.

П а у л и н а

Сударь, успокойтесь!

Я государю сон хочу вернуть.
Вы бродите вокруг него как тени,
Чуть он вздохнет, вздыхаете и вы —
Так может ли он спать? А я пришла
Его печаль бессоннную развеять
Целебным словом разума и правды.

Л е о н т

Что там за шум?

П а у л и н а

Нет никакого шума.
Мы просто обсуждаем, государь,
Кто в ваши кумовья годится.

Л е о н т

Что?

Вон, шельма! Вон! Ты все-таки явилась! —
Где Антигон? — Ведь я тебе велел
Ее не пропускать.

А н т и г о н

Мой господин!

Я передал ей все, что вы сказали,
Грозил ей гневом и моим и вашим.

Л е о н т

Где власть твоя?

П а у л и н а

Он властен запретить
Мне только то, что низко и бесчестно.
Но в деле чести — если он не будет
Примеру господина подражать,
Не заключит жену свою в темницу —
Мне власть его препятствовать не может.

А н т и г о н

Вы слышите? Как удила закусит
Да понесет — куда твой борзый конь!

П а у л и н а

Мой повелитель, выслушайте ту,
Что к вам явилась верною рабыней,
Правдивою советчицей, врачом, —
Не буду льстить вам, как другие слуги,
Без раболепства возвещаю правду:
Достойная супруга государя
Шлет государю радостную весть.

Л е о н т

Достойная супруга государя?!

П а у л и н а

Да, государь! Сто раз вам повторю:
Достойная супруга государя!
Будь я мужчиной, меч мой доказал бы,
Что это непреложно.

Л е о н т

Вон отсюда!

П а у л и н а

(слугам)

Ну, сунься, кто не дорожит глазами!
Да я сама уйду, когда скажу.
Достойная супруга — повторяю:
Достойная! — вам дочку родила.
Благословите, государь, малютку.

(Кладет младенца.)

Л е о н т

Прочь, ведьма, прочь, пронырливая сводня!

П а у л и н а

Я в ведьмовстве не лучше разбираюсь,
Чем вы в моих поступках, государь.
Насколько вы ослеплены неправдой,
Настолько я правдива: не довольно ль,
Чтоб в этом мире честно прослыть?

Л е о н т

Изменники! Гоните прочь ее!
Пусть уберет паршивого ублюдка!

(*Антигону.*)

Ты, хвост овечий, тряпка, рот разинул!
Бери ублюдка, я сказал, бери!
Отдай его своей карге.

П а у л и н а

(*мужу.*)

Не трогай!

Будь проклят каждый, чья рука посмеет
Притронуться к принцессе оскорбленной!

Л е о н т

(*показывая на Антигона*)

Жены боится!

П а у л и н а

Если бы и вы

Своей жены боялись! Нет сомненья,
Ее детей тогда вы признавали б.

Л е о н т

Изменники!

А н т и г о н

Клянусь, я не изменник.

П а у л и н а

Я также не изменница, клянусь!
Меж нас король — единственный изменник:
Он честью короля, и королевы,
И лучшего из принцев, и принцессы
Пожертвовал презренной клевете.
И он не хочет — да, теперь я вижу,
Что корень зла в его слепом упрямстве, —
Не хочет правде посмотреть в глаза!

Л е о н т

Ах ты, трещотка! В спальне мужа бьешь,
А на людях кусаешь господина!
На что мне Поликсеново отродье, —
Прочь вместе с ним и с матерью его!
Обеих сжечь!

П а у л и н а

Но это ваша дочь!
Как говорит пословица: “На вас
Похожа так, что и смотреть противно!”
Ведь это вы, лишь в уменьшенном виде:
Глаза, и нос, и то, как хмурит бровки,
И этот лоб высокий, и улыбка,
И даже ручки, пальчики — ну все! —
Природа-мать, великая богиня,
Ей сходство даровавшая с отцом!

Когда ты будешь создавать ей душу,
Возьми все краски мира, кроме желтой, —
Да не внушит ей желчное безумье,
Что не от мужа дети у нее.

Л е о н т

Вот подлая! — Ты, старый дуралей,
Ты стоишь петли, если не умеешь
Ей рот зажать.

А н т и г о н

Но если всех повесить,
Кто не умеет рот зажать жене,
Мир опустеет.

Л е о н т

Выгнать вон ее!

П а у л и н а

Нет, худший из мужей не поступил бы
Так низко.

Л е о н т

Что? Я сжечь тебя велю.

П а у л и н а

Я не боюсь. Не тот, кого сжигают,
Тот, кто сжигает, — лютый еретик.

Тираном вас я называть не смею,
Но ваши обвиненья без улик,
Жестокость в обращенье с королевой
Позорят вас и делают тираном
В глазах людей.

Л е о н т

Гоните прочь ее!
Кто верен мне, гоните эту ведьму!
Будь я тираном, ты была б мертва
И языком бы не молола. Вон!

П а у л и н а
(слугам)

Не трогайте! Сама уйду отсюда!—
Взгляните на малютку, государь:
Ведь это ваша дочь.— Пошли, Юпитер,
Ей лучшую защиту.— Руки прочь!
Вы только льстить умеете! Мужчины!
Никто из вас ему добра не хочет.
Да, да, никто. Прощайте. Я ушла.

(Уходит.)

Л е о н т

Ты эту тварь подговорил, изменник.
Дочь принесла мне! Вышвырнуть! А если
Ты возымел такую нежность к ней,
Так сам возьми и брось в огонь ублюдка.

Да, на тебя, ни на кого другого,
Я возлагаю этот долг почетный.
Ступай, и доложи мне через час,
Что мой приказ исполнен. Да смотри мне,
Чтоб были доказательства, не то
С твоей каргой тебя на казнь отправлю.
Ступай! А если вывернуться хочешь,
Заранее скажи. Тогда я сам
Своей рукой девчонку уничтожу.
Нет, это вздор! Ты сжечь ее обязан
За то, что натравил свою жену.

А н т и г о н

Я в этом не повинен.

(Придворным.)

Подтвердите,
Достойные синьоры.

П р и д в о р н ы е

Это правда.

Он даже не хотел ее впустить.

Л е о н т

Вы все лжецы.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Мы просим, государь,

Доверия. Мы все вам честно служим
И на коленях умоляем вас
За нашу верность и усердие в службе,
В награду нам, приказ ваш отменить.
Он так свиреп и так бесчеловечен,
Что принесет ужасные плоды.
Мы умоляем!

Л е о н т

Что ж я вам — пушинка,
Летящая куда подует ветер!
Дожить до тех времен, когда девчонка
Поклонится и скажет мне: отец!
О нет, уж лучше сжечь ее сейчас,
Чем проклинять потом. Но я согласен,
Пускай живет. Ей все равно не выжить.

(Антигону.)

Пожалуйте сюда, вы так усердно
Старались вместе с вашей повитухой
Ее спасти — ну! что ж для этой цели
Готов ты сделать?

А н т и г о н

Все, что буду в силах!
Все, что позволит честь, мой государь!
Я кровь отдам, чтоб не губить невинность, —
Но что ж ее спасло бы?

Л е о н т

Я скажу!

Клянись мечом мою исполнить волю!

А н т и г о н

Клянусь, мой государь!

Л е о н т

Запоминай!

**И точен будь, иль казнь тебя постигнет
Своею злоязычною женой,
Которую на этот раз прощаю.
Тебе велим, как нашему слуге,
Без промедлений отвезти ублюдка
В пустынный край, далекий от пределов
Державы нашей. Там свой груз ты бросишь
На произвол природы и судьбы.
Пусть ей, по воле случая рожденной,
Предпишет случай: умереть иль жить.
Бери ее.**

А н т и г о н

Немедленная смерть

**Была бы милосердней, но клянусь вам
Исполнить все.— Пойдем, мое дитя.
Быть может, некий благосклонный дух
Стервятникам и коршунам прикажет**

Тебя вскормить. Я слышал, даже волки,
Забыв природу, жалость проявляли.—
Я вам желаю счастья, государь,
Хотя вы поступили недостойно.—
Бедняжка, обреченная на смерть,
Да ниспошлет судьба тебе защиту.

(Уходит.)

Л е о н т

На что чужая дочь мне!

С л у г а

Государь,
Вам сообщают: час тому назад
Из Дельф вернулись и сошли на берег
Дион и Клеомен. Они в столицу
С ответом от оракула спешат.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й
Невероятно быстро.

Л е о н т

С их отъезда —
Лишь двадцать третий день. Но это значит,
Что всемогущий Аполлон желает
Скорей открыть нам истину. Готовьтесь!
Созвать весь двор, и пусть на общий суд

Антигон клянется бросить ребенка Гермiony. С картины художника Опи

**Жена прелюбодейная предстанет.
Я обвинил изменницу открыто,
Открытым и правдивым будет суд.
Мне жизни нет, пока она жива.
Ступайте все! Исполнить повеленье!**

Уходят.

АКТ III

Сцена I

Улица в Сицилийском порту.

Входят Клеомен и Дион.

Клеомен

Я не забуду этот край цветущий,
Душистый воздух, величавый храм,
Красой превосходящий все святыни.

Дион

Как хороши среди этой белизны
Жрецов одежды, желтые с лазурным!
А шествие во славу Аполлона
И жертвоприношенья торжество —
Поистине великолепный праздник!

Клеомен

А трубный глас оракула, подобный
Раскату грома! Я таким ничтожным
Почувствовал себя!

Д и о н

Молю богов,

**Да принесет паломничество наше
Счастливые плоды для королевы,
Как нам оно отраду принесло.
Тогда скажу: мы ездили не даром.**

К л е о м е н

**Благослови, великий Аполлон!
Не по душе мне суд над Гермией.**

Д и о н

**События бегут, и скоро время
Рассеет мрак и злу конец положит.
Когда прочтут оракула ответ,
Который сам верховный жрец вручил нам,
Скрепив решение храмовой печатью,
На темное прольется яркий свет.
Но нам пора. Глашатаи трубят.
Все лучшее да ниспошлют нам боги!**

Уходят.

Сцена 2

Сицилия. Зал суда.

Входят Леонт, придворные и судьи.

Леонт

К великой нашей скорби открываем

Мы этот суд. Обвинена в злодействе
Дочь короля и короля супруга,
Возлюбленная нами. Но тираном
Никто не назовет нас, ибо мы
Передаем решение правосудью,
Чтоб осудить иль оправдать открыто.
Введите подсудимую.

С у д ь я

Согласно

Высокому веленью короля
Перед судом предстанет королева.
Молчание!

Входит Г е р м и о н а в сопровождении П а у л и н ы
и приближенных дам.

Л е о н т

Читайте обвиненье!

С у д ь я (читает). “Гермиона, супруга достославного Леонта, короля Сицилии, ты привлечена к суду по обвинению в государственной измене, в преступной связи с Поликсеном, королем Богемии, и в заговоре с Камилло против жизни нашего великого государя, твоего царственного супруга, а также обвиняешься в том, что, когда злой умысел был частично обнаружен, ты, Гермиона, вопреки верности и долгу супруги и подданной, помогла преступникам советом и делом спастись бегством в ночное время”.

Суд над Гермией. Рисунок Дж. Джильберта

Суд над Гермионой. Рисунок Дж.Джильберта

Г е р м и о н а

Что мне сказать? Я эти обвиненья
Могу лишь отвергать с негодованьем.
Но в подтвержденье правоты моей
Ни на кого сослаться не могу я.
Что пользы говорить: "Я не виновна!"
Кто мне поверит? Вы хотите видеть
В моем чистосердечии обман.
Но если боги правят справедливо
(А в этом нет сомненья!), то невинность
Восторжествует здесь над клеветой
И правда победит несправедливость.
Вам, государь, как никому, известно
(Да и какое дело всем другим?),
Что жизнь моя чиста и непорочна
И в прошлом незапятнанна настолько ж,
Насколько ныне в грязь обращена.
В каких преданьях, летописях, былях
Найдешь пример, подобный моему:
Дочь короля и короля супруга,
Мать принца, я стою перед судом
И защищаю жизнь и честь мою
От ложных и постыдных обвинений.
Не жаль мне жизни. Жизнь моя — страданье,
И с ней расстаться было бы легко.
Отстаивать я буду только честь,
Чтоб детям передать ее в наследье.

Я спросить хотела б вашу совесть,
Мой государь: покуда Поликсен
Не прибыл в дом ваш гостем долгожданным,
Вы мне благоволение дарили,
Но разве встречей и приемом гостя
Дала я повод обвинить меня?
Когда я в чем-нибудь переступила
Дозволенное честью и приличием,
Пускай сердца у вас окаменеют
И на мою могилу плюнет сын.

Л е о н т

Я так и знал: порок всегда бесстыден
И отрицает все грехи.

Г е р м и о н а

Вы правы, государь, но разве это
Относится ко мне?

Л е о н т

Не признаешься?

Г е р м и о н а

Могу лишь в том сознаться, что была
Радужною, любезною хозяйкой,
Что мной любим был царственный наш гость
Лишь в меру дружбы и гостеприимства,
Как мне, супруге вашей, подобало.

Да, государь, я так его любила,
Как вы мне приказали, но не больше.
Когда б я отнеслась к нему иначе,
Вы были б вправе называть меня
И непослушной и неблагодарной
По отношению к вам и к Поликсену,
Который другом стал вам с детских лет,
С тех пор как говорить вы научились.
А то, что заговорщицей я стала,
Ну, это, право, уж такая глупость —
Не знаю, что об этом и сказать.
Мне лишь одно известно: что Камилло
Был честный и достойный человек,
А почему бежал он, только боги
Нам объяснить могли бы, государь.

Л е о н т

Не лги! Ты помогала им в побеге,
И ты осталась продолжать их дело.

Г е р м и о н а

Я вас не понимаю, государь,
Но вашего безумья не сломяю я
И вам готова жизнь мою отдать.

Л е о н т

Твои поступки — вот мое безумье!
Ужель мое безумье — дочь твоя,

Ублюдок, прижитой от Поликсена?
Ты, как и все, подобные тебе,
Не только стыд забыла, но и правду.
Не будет в заперательстве добра!
Я вышвырнуть велел твоё отродье.
Его отец бежал, но ты преступней,
Чем он. Так подчинись же правосудью
И смерть легчайшей карою сочти.

Гермиона

Напрасно вы грозите, государь.
Вы смертью запугать меня хотите,
Но смерть — освобождение от жизни,
А жизнь мученьем стала для меня.
Ее венец и радость — ваше чувство —
Я потеряла, а за что — не знаю.
Вторая радость — сын мой, от меня
Он вами огражден, как от проказы.
И третья радость — мой второй ребенок,
Рожденный под злосчастною звездой,
Оторван от груди и предан смерти.
Бесправная, покрытая позором,
Я после родов лишена покоя,
Доступного для женщин всех сословий.
Меня к вам привели: еще больную,
По холоду. Скажите, государь,
Могу ли я какой-нибудь отрады

От жизни ждать? И чем страшна мне смерть?
Но честь я защищаю. Если вы,
Лишь подозреньям смутным доверяясь,
Меня признали без улик виновной,
То это произвол, не правосудье,
А потому, мой государь, прошу вас:
Пусть огласят оракула ответ,
И Аполлон моим судьей будет.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

Я нахожу законной эту просьбу.
Во имя Аполлона, огласите
Ответ оракула.

Некоторые из членов суда уходят.

Г е р м и о н а

Моим отцом
Был русский царь. Когда б он жил еще
И видел суд над дочерью любимой,
Он взором состраданья, но не мести
Измерил бы всю горечь мук моих.

Ч л е н ы с у д а возвращаются с Дионом и Клеоменом.

С у д ь я

Клянитесь над секирой правосудья,
Дион и Клеомен, что были в Дельфах,
Что привезли оракула ответ,

Что был он по уставу запечатан,
Что отдал вам его собственноручно
Верховный жрец и что святых печатей
Вы не сломали и великой тайны
Нарушить не посмели.

Д и о н и К л е о м е н
(вместе)

Мы клянемся.

Л е о н т

Сорвать печати и прочесть ответ.

С у д ь я (читает). “Гермиона — целомудренна. Поликсен — безвинен. Камилло — верный слуга. Леонт — ревнивый тиран. Его невинное дитя — законно. У короля не будет наследника, покуда не найдется утраченное”.

П р и д в о р н ы е

Хвала тебе, великий Аполлон!

Г е р м и о н а

Хвала, хвала!

Л е о н т

А верно ли прочел ты?

С у д ь я

Да, государь, все точно, слово в слово.

Л е о н т

От слова и до слова — это ложь.
Суд не окончен!

Входит слуга.

С л у г а

Государь, простите!
Мой государь!

Л е о н т

В чем дело?

С л у г а

Государь,
Не гневайтесь на вестника печали!
Встревоженный судьбою королевы,
От горести и страха принц, ваш сын...
Принц...

Л е о н т

Говори же!

С л у г а

В вечность отошел.

Л е о н т

О силы неба! Мне за богохульство
Мстит Аполлон.

Гермиона падает без чувств.

Что там случилось?

П а у л и н а

Дурная весть сразила королеву,
Я чувствую, над нею кружит смерть.

Л е о н т

Велик удар! Пусть унесут ее.
Она очнется. О, зачем я верил
Слепому подозренью! Умоляю,
Все сделайте, чтобы ее спасти.

Паулина и дамы уносят Гермиону.

Прости, прости, великий Аполлон!
Прости мне богохульство! Поликсену
Я возвращаю дружбу. Королеву
Вновь назову возлюбленной женой.
У доблестного, честного Камилло
Я на коленях вымолю прощенье.
Ревнивец лютой, в злобе кровожадной
Ему велел я друга отравить,
Но ясный ум Камилло не смутился
Пред выбором награды или смерти.
В порыве доброты и благородства
Мой умысел открыл он Поликсену,
Не пожалев своих богатств, бежал
И вверил жизнь изменчивой фортуне.

Каким алмазом честь его сияет
Сквозь ржавчину моих деяний темных!
В сравненье с ним я черен!

Входит П а у л и н а.

П а у л и н а

Горе, горе!

Разрежьте мне одежду, или сердце,
Стесненное шнуровкой, разорвется.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й
Сударыня, что с вами?

П а у л и н а

Ты, тиран!

Какие пытки ты мне уготовишь,
Колесованье, дыбу иль костер?
Или велишь сварить в кипящем масле?
Что ты измыслишь, если каждым словом
Я самых страшных пыток заслужу?
Твоей ревнивой злобы тирания,
По глупости достойная мальчишки,
Какие принесла она плоды!
Подумай — и казни себя, проклятый!
Пред этим злодеянием кровавым
Померкло все, что прежде ты свершил.
Ты сделался глупцом неблагодарным,
Когда в измене друга заподозрил;

Как верности и чести отравитель,
К убийству ты Камилло подстрекал,
Все это — вздор, ничтожные проступки
В сравненье с новым подвигом твоим.
И даже то, что воронам в добычу
Дочь бросил ты, — не самый тяжкий грех,
Хоть этого и дьявол бы не сделал!
И то, что принц убит твоею злобой,
Наследник твой, чей благородный дух
Заставил сердце юное разбиться,
Когда отец бесчестьем предал мать, —
Не в этом величайшее злодейство!
Нет, ты стократно худшее свершил,
Гнуснейшее — о небо! — Плачьте, плачьте
Кровавыми слезами: королева,
Чудесное и чистое создание,
Скончалась — и убийца не наказан!

Первый придворный
Помилуй, Аполлон!

Паулина

Она мертва!
Клянусь, она мертва! Кто мне не верит,
Ступай и убедись. О! Если б ты
Ее щекам вернул румянец нежный,
Губам дыханье, телу теплоту,

Тебе как богу вновь бы я служила.
Но ты напрасно каешься, палач!
Нет скорби, равной твоему злодейству.
Отчаянью бессильному предайся.
Коленопреклоненный и нагой,
Бессонницей и голодом терзаясь,
Под бурями, на ледяном утесе
Стой десять лет, нет, десять тысяч лет —
Ты у богов не вымолишь прощенья.

Л е о н т

Так! Продолжай! Язви! Все будет мало.
Мне мало слов, хотя бы все вы, все
Горчайшее в лицо мне говорили.

П е р в ы й п р и д в о р н ы й

На государе нет лица, довольно!
Пускай великий совершил он грех,
Вы речью дерзкой перешли границы.

П а у л и н а

Вы правы, сударь... Верно... Перешла...
Язык-то бабий, как его удержишь!
Смотрите, весь дрожит и побледнел.
Что горевать, когда уж не воротишь,
Какой в том прок!— Утешься, государь!
Стыд мне за то, что прошлым вас корила!

Простите дуру! Только потому,
Что всей душой любила королеву...
Опять! Ах, дура! Больше я не буду.
Ни бедную покойницу, ни принца,
Ни вашу дочь, ни моего супруга
Погибшего... Молчу, молчу, не надо!
Ни слова больше, добрый государь!

Л е о н т

Ты хорошо и честно говорила.
Мне правда легче жалости твоей.
Пройди со мной к телам жены и сына.
Я их в одной могиле схороню
И надпись дам с правдивым изложением
Причин их смерти — вечный мой позор!
И каждый день к ним приходить я буду,
И слезы лить, и каяться в грехах.
Пойдем взглянуть на это ложе скорби.

Уходят.

Сцена 3

Богемия. Дикая пустыня на морском берегу.

Входят Антигон с младенцем на руках и матрос.

А н т и г о н

Так мы пустынь Богемии холодной,
По-твоему, достигли? Ты уверен?

М а т р о с

Да, господин, но мы в недобрый час
Пришли сюда. Глядите, небо в тучах
И молнии сверкают. Будет буря.
Мне сердце говорит, что небеса
Накажут нас за этого младенца.

А н т и г о н

Да совершится их святая воля!
Ступай на борт и подавай мне голос.
А я недолго.

М а т р о с

Сударь, торопитесь.
И вглубь не заходите. Будет буря.
А здесь в трюцобах рыщет дикий зверь.

А н т и г о н

Иди, я крикну.

М а т р о с

Слава небесам,
Что я избавлен от такого дела.

(Уходит.)

А н т и г о н

Несчастливая малютка! Я слышал,
Что мертвецы порой встают из гроба.

Костюм знатного вельможи эпохи Ренессанса

Я думал, это вздор, но прошлой ночью,
Сомненья нет, я видел королеву.
Она явилась в белом одеянье
И головой качала сокрушенно.
Такой печальной и такой прекрасной
Я госпожу мою еще не видел.
Она склонилась трижды и хотела
Мне что-то молвить, но внезапно скорбь
Стеснила ей дыханье, а глаза,
Казалось, в два потока обратились,
Но все же наконец она сказала:
“Мой добрый Антигон, ты клятву дал.
Жестокая судьба тебе велела
Стать палачом моей малютки бедной.
В Богемии немало диких мест,
Где слез ее никто и не услышит.
Прошу, навек утраченное нами
Дитя мое Утратой назови.
Ты невиновен, знаю, но злодейству
Покорно ты служил, и в наказанье
Ты не увидишь больше Паулины”.
И, зарыдав, растаяла она.
Я от испуга памяти лишился,
Когда же с глаз упала пелена,
Я понял ясно, что не сон я видел.
Сны дгут всегда, но этот сон не лжив.
Я понял: Гермiona умерла,

И справедливый Аполлон желает,
Чтобы младенец, отпрыск Поликсена,
Жил или умер на земле отца.
Живи, цветок, родным хранимый небом!
Лежи здесь рядом с именем твоим
И с тем, что может обернуться счастьем,
Когда иначе не рассудят боги.
Ну, буря поднимается! Бедняжка,
За прегрешенья матери ты гибнешь.
В моих глазах нет больше слез, но сердце
Исходит кровью. Будь я трижды проклят
За то, что против разума поклялся.
Прощай, дитя, прощай! Какие тучи!
День будто ночь. А море и гроза
Хотят мою сиротку убаюкать.
Где ж барка? Тьфу ты, ветер валит с ног.
И эта темень! Что там? Рев какой-то.
Медведь, медведь! О боги, я погиб!

(Убегает, преследуемый медведем.)

Входит п а с т у х.

П а с т у х. Лучше бы люди, когда им уже исполнилось десять, но еще не стукнуло двадцать три, вовсе не имели возраста. Лучше бы юность проспала свои годы, потому что нет у нее другой забавы, как делать бабам брюхо, оскорблять стариков, драться и красть.

За сценой охотничьи рога.

Слышите? Кто, кроме этих двадцатилетних балбесов, станет

охотиться в такую погоду? Они спугнули двух моих лучших баранов, и волк, чего доброго, разыщет их скорей, чем хозяин. Вернее всего искать их на берегу, где плющ. Они его любят. Пошлите мне, боги, счастья, да будет ваша воля.— Что это? Милосердное небо, ребенок! Да какой красавчик! Мальчик это или девочка? Ох ты, наверно, чей-нибудь грешок. Хоть я и не обучен грамоте, а вижу, вижу: дело не обошлось без служанки. Была работа где-нибудь под лестницей или в чулане. А им, греховодникам, было теплей, чем бедной малютке. Надо взять ее, пожалуй бедняжку. А где же сын? Ведь он только что кричал оттуда. Эй! Ау!

Входит крестьянин.

Крестьянин. Ау!

Пастух. Ты так близко! Если хочешь увидеть что-то, о чем будут говорить, когда ты уже истлешь в могиле, так ступай сюда. Что случилось?

Крестьянин. Я такое видел на земле и на море! Да где там на море — теперь это небо. Между морем и небом не просунешь и тонкого шила.

Пастух. Ну и что же?

Крестьянин. Если бы ты видел, как оно ревет, беснуется и кидается на берег! Но дело не в этом. Если бы ты слышал вопли несчастных! То их выносит наверх, то захлестывает. А корабль то упрется мачтой в луну, то закружится в пене, словно пробка в пивном бочонке. А на земле, на земле! Медведь рвет ему плечо, а он барахтается и зовет меня на помощь. Кричал, что он Антигон, дворянин. Потом корабль так и про-

глотило — видно, морю надоело потешаться над несчастными. А дворянин бедный воет, и медведь тоже воет — забавляется. Этот вой не могли заглушить даже море и буря.

П а с т у х. Ради всех богов, когда это было?

К р е с т ь я н и н. Вот только сейчас, только что! Я с тех пор и моргнуть не успел. Люди еще не остыли под водой, а медведь еще не дообедал дворянином. Вон там он сидит на нем.

П а с т у х. Жаль, меня не было. Я-то уж помог бы старику.

К р е с т ь я н и н. Жаль, тебя не было кораблю помочь, с твоим милосердием. Посмотрел бы я, что ты сумел бы сделать.

П а с т у х. Печальные дела, печальные! Но ты, малый, погляди. Тебе подвернулись умирающие, а мне новорожденный. Полюбуйся: пеленки-то господские! Видишь? Тащи, тащи! Ну-ка раскрой, что там? Феи мне предсказывали, что я буду богат. Э, да они подкинули мне младенца. Ну, чего же ты! Раскрывай!

К р е с т ь я н и н. Повезло тебе, старина! Если твои грехи прощены, на старости лет можешь веселиться. Золото! Все — золото!

П а с т у х. А ведь это, малый, волшебное золото — увидишь! Бери его и прячь! Домой, домой, ближайшей дорогой! Нам повезло, только никому ни слова! Дьявол с ними, с овцами. Домой, малый, домой!

К р е с т ь я н и н. Ты ступай домой со своим кладом, а я пойду взглянуть, сидит ли еще медведь на дворянине и сколько он его съел. Медведь только с голоду страшен. Если еще остался хоть кусочек дворянина, я его похороню.

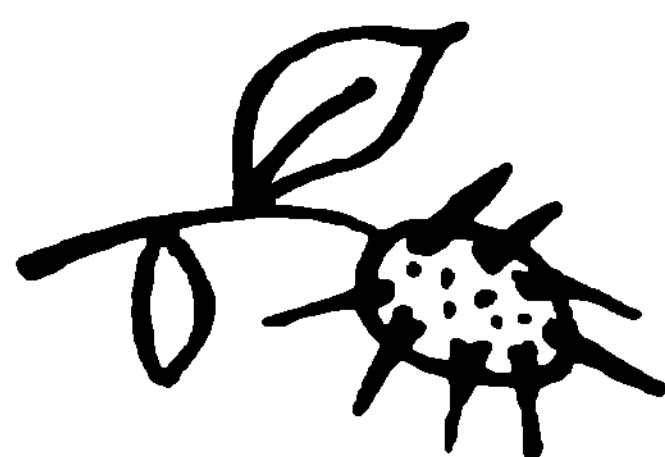

П а с т у х. Доброе дело! Коли распознаешь по останкам, кто такой, кликни меня!

К р е с т ь я н и н. Ладно, ты мне и поможешь его зарыть.

П а с т у х. Нам выдался счастливый день, малый, надо его отпраздновать добрым делом.

Уходят.

АКТ IV

Входит Время — хор.

Время

Не всем я по душе, но я над каждым властно.
Борьбу добра и зла приемлю безучастно.
Я — радость и печаль, я — истина и ложь.
Какое дело мне, кто плох, а кто хорош.
Я — Время. Я хочу вас наделить крылами.
Мы сказочный полет свершаем ныне с вами
И вмиг перенеслись через шестнадцать лет,
Они ушли во тьму, но не исчез их след.
Игра и произвол — закон моей природы.
Я разрушаю вмиг, что создавалось годы,
И созидаю вновь. С начала бытия
От прихотей своих не отступало я.
Свидетель прошлого, всего, что стало былью,
Я настоящее покрою темной пылью,
И лучезарный круг свершающихся дней
Потомки назовут легендой моей.
Итак, терпение! Шестнадцать лет вы спали.

Вращаю зеркало. В магическом кристалле
Читайте прошлое. О сделанном скорбя,
Уединению Леонт обрек себя.
И нас в Богемию влечет событий смена.
Уже вели мы речь о сыне Поликсена,
Мой добрый слушатель. Он прозван — Флоризель.
Утрата расцвела, как солнечный апрель.
Она красавица. О том, что будет с нею,
Пророчествовать я пока еще не смею,
Но срок придет всему. Мы дочке пастуха,
Конечно, посвятим не два, не три стиха.
И те, кому не жаль убить часы без дела,
Пускай останутся и ждут развязки смело.
А кто спешит к делам и ценит свой досуг,
Покиньте этот зал — советую как друг.

(Уходит.)

Сцена 1

Богемия. Дворец Поликсена.

Входят Поликсен и Камилло.

П о л и к с е н. Прошу тебя, мой добрый Камилло, не настаивай. Когда я тебе отказываю, мне так тяжело, словно я болен. Но остаться без тебя — равносильно смерти.

К а м и л л о. Пятнадцать лет я не был на родине. Хоть большую часть своей жизни я провел на чужбине, мне хотелось бы сложить свои кости в родной земле. Кроме того, король, мой

господин, раскаявшись, прислал за мною. Смею думать, я бы мог облегчить его горе, и это также заставляет меня уехать.

П о л и к с е н. Если ты любишь меня, Камилло, не уничтожай внезапным отъездом всего, что сделал для меня. Ведь если я не могу без тебя обойтись — тому виной твои же достоинства. Лучше бы мне не знать тебя вовсе, чем теперь остаться без тебя. Того, что сделал ты для меня, не мог бы сделать никто другой. И ты должен кончить то, что начал. Если я недостаточно ценил твои услуги, то они ведь неоценимы. Но моя благодарность и дружеское чувство к тебе возрастают с каждым днем. Прошу тебя, не вспоминай больше о Сицилии, этой роковой стране. Уже одно ее название вызывает во мне тягостные мысли о кающемся, как ты сказал, короле. моем брате. Гибель его достойной супруги и детей еще и доныне острой болью отзывается в моем сердце. Скажи, когда ты видел в последний раз принца Флоризеля, моего сына? Дурные дети — большое горе для королей, не меньшее, чем смерть хороших детей.

К а м и л л о. Государь, вот уже три дня, как я не видел принца. Не знаю, каким он предается развлеченьям, но, несомненно, он реже показывается при дворе и стал менее прилежен в занятиях, достойных его сана.

П о л и к с е н. Я сам это заметил, Камилло, и немало встревожился. На первых порах я ограничусь тайным надзором: доверенные люди осторожно следят за принцем. От них я знаю, что принц постоянно бывает в доме какого-то пастуха, который много лет назад непонятным для соседей образом из нищего превратился в богача.

К а м и л л о. Об этом человеке я слышал, государь. У него есть дочь — девушка необычайной красоты. Слава о ней превосходит все, о чем могли бы мечтать обитатели такой лачуги.

П о л и к с е н. Я слышал то же самое. Боюсь, это и есть та удочка, на которую попался мой сын. Мы пойдем туда вместе и, не открывая, кто мы, расспросим пастуха. Простак не утаит, почему мой сын привязался к его дому. Прошу тебя, помоги мне в этом деле и перестань думать о Сицилии.

К а м и л л о. Готов повиноваться вашему приказанию.

П о л и к с е н. Мой дорогой Камилло! Ну, пойдем переоденемся.

Уходят.

Сцена 2

Дорога близ хижины пастуха.

Входит А в т о л и к, одетый оборванцем.

А в т о л и к
(поет)

Поля расцветают — юххей, юххей!—
Красотки, спешите ко мне!
И воздух теплей, и душа веселей —
Мы рады зеленой весне.
Хозяев не видно — юххей, юххей!—
Холстами увешан забор.

Автолик. Рисунок Дж. Джильберта

Тащи, не робей, полквартой запей,
И будешь король, а не вор.

Малиновка свищет — юххей, юххей! —
Кричат “тира-лира” дрозды.
Мне любо их слушать с подружкой моей,
Забравшись подальше в кусты.

Было время, служил я у принца Флоризеля, ходил в шелку и
в бархате, а теперь я без места.

Моя голубка, не грусти,
Я знаю, ночь темна,
Но, чтоб не сбился вор с пути,
Из туч глядит луна.

Твой медник сорок миль пройдет,
И ни гроша в суме.
А мне в любом дворе доход,
Пока я не в тюрьме.

Я промышляю простынями, а в пору, когда ястреб начинает
вить гнездо, не брезгаю и мелким бельем. Отец называл меня
Автоликом; ведь этот парень, так же как и я, родился под
знаком Меркурия и был воришкой, прикарманивал мелкую
дребедень. Игральные кости да веселые девки довели меня до
этих лохмотьев, и вот приходится жить воровством. За гра-
беж на большой дороге платят виселицей и плетью. Мне и
то и другое не по вкусу. А мысли о будущей жизни мне сна не
портят. — Добыча, добыча!

Входит крестьянин.

К р е с т ь я н и н. Раскинем мозгами. Каждые одиннадцать овец дают 28 фунтов шерсти; каждые 28 фунтов шерсти приносят фунт золота. Острижено полторы тысячи. На сколько же всего шерсти?

А в т о л и к (*в сторону*). Лишь бы силок выдержал, тогда тетеря — моя.

К р е с т ь я н и н. Нет, на память не сочтешь. Лучше проверим, чего купить к празднику стрижки овец. “Три фунта сахара, пять фунтов коринки, рису”. — Зачем это рис моей сестренке? Но это уж ее дело, если отец назначил ее хозяйкой праздника. Она приготовила для стригачей двадцать четыре букета; все стригачи — певцы как на подбор. Очень недурно поют на три голоса. Большинство из них — басы. Один там — пуританин, и он поет псалмы под волынку. Надо еще купить шафрану — заправить яблочный пирог, мускатных орехов, фиников — нет, этого в списке нету. Орехов — семь штук. Один или два имбирных корешка — это я попрошу в придачу, без денег. Четыре фунта чернослива и столько же изюма.

А в т о л и к (*корчась на земле*). О, зачем я родился на белый свет!

К р е с т ь я н и н. Во имя...

А в т о л и к. О, помогите, помогите! Только бы снять эти лохмотья, а потом хоть умереть, все равно, хоть умереть!

К р е с т ь я н и н. Несчастливая твоя душа! Не снимать бы тебе эти лохмотья, а побольше их напялить на себя!

А в т о л и к. О господи, эта мерзость позорнее тех ударов, которые мне достались, а было их тысячи и миллионы.

К р е с т ь я н и н. Вот бедняга! Миллион ударов — этак можно человека искалечить.

А в т о л и к. Меня ограбили, господин, и избили. Отобрали у меня деньги и платье, а взамен нарядили в это мерзкое тряпье.

К р е с т ь я н и н. Кто же тебя так отделал: конный или пеший?

А в т о л и к. Пеший, мой добрый господин, пеший.

К р е с т ь я н и н. Правда, что пеший, коли судить по наряду, который он тебе оставил. Если в этой куртке ездили когда-нибудь верхом, то немало с тех пор она послужила. Давай же руку, я помогу тебе. Дай руку!

А в т о л и к. Осторожней, добрый господин! Ой-ой!

К р е с т ь я н и н. Бедняга!

А в т о л и к. Ах, дорогой господин! Я боюсь, у меня вывихнута лопатка!

К р е с т ь я н и н. Этого еще не хватало! Не можешь встать?

А в т о л и к. Осторожно, драгоценный господин! (*Вытаскивает у него кошелек.*) Осторожно, драгоценный господин! Вы меня просто благодетельствовали!

К р е с т ь я н и н. Дать тебе немного денег? У меня, кажется, есть мелочь.

А в т о л и к. Нет, мой несравненный господин, не надо. Прошу вас, не надо. За полмили отсюда живет мой родственник, как раз к нему я шел. У него добуду денег, сколько понадобится. Прошу вас, не предлагайте мне денег — вы меня этим оскорбляете.

К р е с т ь я н и н. Что за человек вас ограбил?

А в т о л и к. Я его знаю, мой господин, когда-то мне довелось играть с ним в фортунку. Он был слугой у принца Флоризеля. Не знаю, за какую добродетель, господин, но его прогнали со службы плетьюми.

Крестьянин помогает встать Автолику. Рисунок Дж.Джилберта

К р е с т ь я н и н. Вы, верно, хотите сказать: не знаю, за какой порок. Плетей за добродетель при дворе не полагается. За ней, напротив, там ухаживают, но она все-таки не держится при дворе.

А в т о л и к. Да, господин, я хотел сказать — порок. Я хо-

рошо знаю этого человека. Когда-то он ходил с обезьянкой, потом служил рассыльным в суде, потом носил кукольный театр и показывал историю блудного сына, и, наконец, женился на вдове лудильщика, живущего за милю от моего поместья. Перепробовал разные жульнические промыслы и стал наконец бродягой. Зовут его Автоликом.

К р е с т ь я н и н. Чтоб его черт побрал! Вор, первейший вор! Он шатается по всем приходским праздникам, по ярмаркам и медвежьим травлям.

А в т о л и к. Чистейшая правда, господин. Это он, хороший мой господин, он самый. Он, проклятый, вырядил меня в эти лохмотья.

К р е с т ь я н и н. Во всей Богемии нет более трусливого бродяги. Если б вы были побольше ростом, вам стоило только поглядеть сердито и плюнуть ему в рожу — он тотчас дал бы тягу.

А в т о л и к. Должен вам сказать, мой господин, я терпеть не могу драться. У меня плохое сердце — и он это знал, уверяю вас.

К р е с т ь я н и н. А как вы теперь себя чувствуете?

А в т о л и к. Хорошо, мой ласковый господин, гораздо лучше. Я могу и стоять и ходить. Я даже скажу вам: прощайте! — и потихонечку поплетусь к моему родственнику.

К р е с т ь я н и н. Не вывести ли вас на дорогу?

А в т о л и к. Нет, благодетель, нет, милейший господин.

К р е с т ь я н и н. Ну, так прощайте — мне еще нужно накупить съестного для праздника стрижки овец.

А в т о л и к. Желаю вам счастья, добрейший господин.

Крестьянин уходит.

А в т о л и к. Хватит ли в твоём кошельке на эти покупки? Я тоже буду на твоей овечьей стрижке, и, если не остригу тебя опять со всеми стригачами, пусть мое имя будет первым в списке честных людей.

(Поет.)

Эй, пешеход, шагай вперед,
Не бойся ни дождя, ни пыли.
Кто весел — тридцать миль пройдет.
Кто грустен — не пройдет и мили.

(Уходит.)

Сцена 3

Луг перед хижинкой пастуха.

Входят **Ф л о р и з е л ь** и **У т р а т а**.

Ф л о р и з е л ь

В таком наряде ты еще прелестней.
Ты не пастушка, ты богиня Флора,
Предвестница апреля. Праздник стрижки
Вокруг тебя барашков соберет,
Как божества вокруг земной богини.

У т р а т а

Достойный принц, прошу простить мне дерзость,
Не мне проказы ваши осуждать,
Но, если вы, надежда королевства,
В пастушеское рубище оделись,

А мне, пастушке, дали сан богини, —
Я вам дивлюсь. И если бы не праздник
И не обычай ряженья, наряд ваш
Меня бы только унижал, всечасно
Напоминая о моей одежде
И о ничтожном звании моем.

Ф л о р и з е л ь

Благословен тот сокол, что спустился
В твоих владеньях и привел меня
На эту землю.

У т р а т а

Да пошлют мне боги
Благословенье ваше. Сан высокий
От страхов ограждает ваше сердце.
Но я дрожу, меня приводит в ужас
Различие между нами. Ведь случайно
Сюда заехать может сам король.
О боги! Что сказал бы ваш отец,
Когда бы он наследника престола
Увидел здесь в обличье пастуха.
И как в таком нелепом одеянье
Я вынесла бы взгляд его суровый?

Ф л о р и з е л ь

Поверь, все будет к лучшему, Утрата.
Теснимые любовью, сами боги

Животных облик часто принимали.
Юпитер стал быком. Нептун — бараном.
А лучезарный Аполлон являлся,
Подобно мне, убогим пастухом.
Но все их превращения совершались
Не ради столь высокой красоты,
И не были так чисты их желанья,
Как помыслы мои. Ведь я над сердцем
Поставил долг, а над желаньем — честь.

У т р а т а

Но ваш отец, мой благородный принц,
Когда узнает — распалится гневом.
Одно из двух должно тогда погибнуть:
Иль ваше чувство, или жизнь моя.

Ф л о р и з е л ь

Молю тебя, прелестная Утрата,
Не омрачай веселый этот праздник
Печалью преждевременных сомнений.
Иль буду я принадлежать тебе,
Или отцу не буду больше сыном.
Да, я самой судьбе наперекор
Не откажусь от своего решения!
Так посмотри в глаза мне веселее,
Не думай о грядущем, наслаждайся
Днем настоящим. Соберутся гости,

И ты должна сегодня быть счастливой,
Как будто свадьбы день уже настал.
А он настанет, раз мы дали клятву.

У т р а т а

Да охранят нас боги!

Ф л о р и з е л ь

Вот и гости.

Ну, милая, развесели же всех,
Чтоб и глаза и щеки разгорелись.

Входят Поликсен и Камилло, переодетые, за ними — п а с т у х,
Доркас, Мопса, крестьянин и другие.

П а с т у х

Ну, дочка, что ж ты? В этот день, бывало,
Для праздника покойница моя
Не только что хозяйкой — поварихой
И даже зазывалой становилась
И не гнушалась прислужить гостям.
Еще споет, а там, глядишь, и спляшет,
Подносит, приглашает, угощает
И с каждым перекинется словцом.
А как хлебнет стакан-другой хмельного,
Так вся и разрумянится, а ты
На празднике без дела, будто гостья.
Пойди встречай с поклоном незнакомцев,

Чужого приласкаешь — вот и свой.
Да не красней, ведь ты же здесь хозяйка,
Знай, чем радушной встретишь ты гостей,
Тем больше будет овцам благодати.

У т р а т а
(Поликсену)

Прошу покорно, сударь. Мой отец
Велит мне быть на празднике хозяйкой.

(К Камилло.)

И вас мы просим.— Доркас, дай цветы.—
Вот вам букет. Здесь розмарин и рута,
Они цветут и пахнут и зимой.
Возьмите их на память и на счастье
И будете желанными гостями.

П о л и к с е н

Благодарю, прекрасная пастушка.
Тем, кто подходит к зимнему порогу,
Приличествуют зимние цветы.

У т р а т а

Мой господин, еще дыханьем лета
Наполнен воздух осени прохладный,
Хотя недалеко и до снегов.
И лучшие цветы в такую пору —
Гвоздика и левкой. Их назвали

Природы незаконными дестьми.
Но ими сад мой я не украшала.

П о л и к с е н

За что ж ты им обиду нанесла?

У т р а т а

Я слышала, что их наряд махровый
Дала им не природа, но искусство.

П о л и к с е н

И что же? Ведь природу улучшают
Тем, что самой природою дано.
Искусство также детище природы.
Когда мы к ветви дикой прививаем
Початок нежный, чтобы род улучшить,
Над естеством наш разум торжествует,
Но с помощью того же естества.

У т р а т а

Да, спору нет.

П о л и к с е н

Так посади левкои
И незаконным цвет их не зови.

У т р а т а

Хотя румянец нравится мужчинам,

Я на лице румян не выношу
И точно так же не люблю левкоев,
Но и для вас найдутся здесь цветы.
Вот майоран, вот мята и лаванда,
Вот ноготки, что спать ложатся с солнцем
И с солнцем пробуждаются в слезах,
И это все — цветы середины лета,
Они подходят людям средних лет.
Прошу!

К а м и л л о

Когда б я был твоей овцой,
Я жил бы тем, что на тебя глядел бы
И о траве не думал.

У т р а т а

О Юпитер!

Вы отощали б так, что зимним ветром
Вас унесло бы.

(Флоризелю.)

Мой прекрасный друг!

Мне жаль, что нет теперь цветов весенних,
Которые по возрасту подходят
Тебе, а также вам, мои подруги,
Вам, девушки. Зачем, о Прозерпина,
Не можешь ты мне подарить цветы,
Которые в испуге обронила

Ты с колесницы Дия? Где нарциссы,
Предшественники ласточек, любимцы
Холодных ветров марта? Где фиалки,
Подобные мгновенной красотой
Глазам Юноны, темным и глубоким,
А запахом — дыханию Венеры?
Где скороспелки, что в безбрачье вянут,
Не испытав лобзаний жарких Феба,
Подобно многим девушкам? Где розы,
Где ландыши и лилии, шиповник?
Из них венки сплела бы я для вас,
Осыпала б возлюбленного ими.

Ф л о р и з е л ь

Как мертвеца?

У т р а т а

Как ложе наслаждений.
Иль, может быть, ты прав — как мертвеца,
Который погребен в моих объятьях.
Берите же цветы, мои друзья!
В таком наряде я себе кажусь
Актрисой из любовной пасторали.

Ф л о р и з е л ь

О, что бы ты ни делала, Утрата,
Ты с каждым мигом лучше для меня.

Мужская и женская одежда простолюдинов эпохи Ренессанса

Ты говоришь — готов я вечно слушать,
Ты запоешь — и вдруг, моя певунья,
Тебя хозяйкой я воображаю.
Как ты хлопчешь, вяжешь, иль прядешь,
Иль оделяешь бедных подаяньем.
Когда же начинаешь ты плясать,
Шепчу: танцуй! Еще, еще движение!
Как бег волны, пусть вечно длится танец.
Ты царственна, во всем прекрасна ты!

У т р а т а

О Дориклес, ты мне чрезмерно льстишь,
И, если бы не юный твой румянец,
Чистосердечья девственный свидетель,
Я думала б, мой милый Дориклес,
Что лестью злой ты мне готовишь гибель.

Ф л о р и з е л ь

Насколько чисты помыслы мои,
Настолько страх твой был бы неуместен.—
Ну, танцы, танцы!— Руку дай, Утрата!
Мы будем, точно пара голубков,
Вовеки неразлучны.

У т р а т а

О, за них-то,
За голубков, я клятву бы дала!

П о л и к с е н

Среди пастушек мир не знал подобной
Красавицы. Она скромна, проста,
Все дышит в ней высоким благородством,
В такой глуши невиданным.

К а м и л л о

Смотрите,

Она краснеет, слушая его.
Вот королева творога и сливок!

К р е с т ь я н и н

Эй, музыка!

Д о р к а с

Ты с Мопсой? Вон чеснок,
Заешь им поцелуй твоей красотки.

М о п с а

Додумалась! Да ты б еще сказала...

К р е с т ь я н и н

Молчи! У нас на празднике сегодня
Приличья соблюдают. Ну, вместе!

Музыка. Начинается танец пастухов и пастушек.

П о л и к с е н

Скажи, старик, вон тот пастух красивый
С твоею дочкой в паре — кто такой?

П а с т у х

А! Дориклес, он женишок богатый.
Я это слышал только от него,
Но все же верю. Парень, видно, честный!
Клянется мне, что любит дочь! Я верю.
Так ласково не смотрит месяц в воду,
Как он глядит в глаза моей Утраты,
Читая в них свою же думу. Да!
Взвесь их любовь — ей-ей, они друг дружку
На поцелуй один не перетянут.
Я в том клянусь.

П о л и к с е н

Она чудесно пляшет.

П а с т у х

Да у нее что ни начнет — чудесно.
И хоть не мне об этом говорить,
Но, если Дориклес ее получит,
Он завладел сокровищем. Вот что!

Входит работник.

Р а б о т н и к. Ну, хозяин, кабы вы послушали разносчика у ворот, никогда бы вы больше не плясали под бубен и дудку. А на волынку и смотреть бы не захотели. Этот малый дует одну песню за другой скорее, чем вы деньги считаете. Он словно набит старыми песнями. Там уж все прямо уши развесили.

К р е с т ь я н и н. Он явился как раз вовремя. Зови его сюда. Я люблю старые песни, особенно если веселую поют печально, а печальную — весело.

Р а б о т н и к. Он знает песни любой длины, и для мужчин и для женщин. Никакой торговец так не угодит покупателю перчатками. Для молодых девиц у него есть песенки про любовь, и притом без всяких пакостей, а ведь это, знаете, такая редкость. Припевы самые деликатные: “Хватай ее! валяй ее!” — а если какой-нибудь бесстыдник захочет ей гадостей надевать, так девица только и ответит: “Гоп, не обижай меня, добрый человек!” Так ему и отрежет, так его и отбреет: “Гоп, не обижай меня, добрый человек!”

П о л и к с е н. Вот это славный малый!

К р е с т ь я н и н. Да уж это видно, парень отличный! А есть у него хорошие товары?

Р а б о т н и к. У него ленты всех цветов радуги, такие хитрые кружева, что ни одному судейскому крючку их не расплести, тесемки, галуны, полотно, батисты — он их так воспевает, словно это боги или богини. Можно подумать, что он поет не о рубашке, а об ангеле небесном, так он восхваляет вышивку на рукавах и вырезе.

К р е с т ь я н и н. Тащи его сюда скорее; пускай поет здесь.

У т р а т а. Но предупреди, чтобы никаких гадостей не пел.

Работник уходит.

К р е с т ь я н и н. У этих разносчиков имеется такое, сестрица, такое, чего ты и вообразить не можешь.

У т р а т а. Да и не хочу вообразать, мой добрый братец.

А в т о л и к
(*входит и поет*)

Полотно — как снег бело,
Креп — как ворона крыло,
Шаль, перчатки мягче роз,
Маски на лицо и нос.
Гребешки, духи, стеклярус,
Для вязанья шерсть и гарус,
Пудру, щипчики для дам
Верным рыцарям отдам.
Ленты, шпильки, банты, бусы
На все платья, на все вкусы.
Эй, давай, давай, давай,
Приценяйся, не зевай,
Чтоб была девица рада,
Денег, денег, денег надо.
Не торгуйся, не глупи,
Эй, купи, купи, купи!

К р е с т ь я н и н. Не будь я влюблен в Мопсу, не видать бы тебе от меня ни гроша. Но я попал к ней в рабство, и моей данью будут ленты и перчатки.

М о п с а. Ты мне обещал их еще к празднику. Но лучше поздно...

Д о р к а с. То ли еще он тебе обещал, если люди не лгут.

М о п с а. Затос тобой он уже расквитался, и даже с надбавкой. Будешь отдавать излишки — не красней.

К р е с т ь я н и н. Неужели девки в наше время всякий стыд

Автолик предлагает свои товары. С картины художника Лесли

потеряли? Скоро они начнут носить юбки на голове. Обо всем этом можно шушукаться в коровнике, в спальне или на кухне, а зачем тары-бары при гостях разводить? Хорошо бы еще говорили шепотом. Да будет вам трещать!

М о п с а. Идем, ты обещал мне ожерелье и душистые перчатки. Я кончила.

К р е с т ь я н и н. Разве я тебе не рассказывал, как меня облапошили на дороге, — у меня не осталось ни гроша.

А в т о л и к. Это точно, сударь, на здешних дорогах много мошенников. Ох как надо быть осторожным!

К р е с т ь я н и н. Здесь тебя не обчистят, старина, можешь быть спокоен.

А в т о л и к. Да уж только на это, сударь, я и рассчитываю: товар у меня дорогой.

К р е с т ь я н и н. А это что у тебя? Песни?

М о п с а. Умоляю, купи мне несколько. Страх как люблю печатные песни. Уж если напечатано — значит, правда.

А в т о л и к. Вот одна, очень хорошая, — на самый жалостный голос: о том, как жена ростовщика родила двадцать мешков золота, а потом захотела поест гадючьих голов и жареных лягушек.

М о п с а. А это прадва?

А в т о л и к. Истинная правда, и случилось месяц тому назад.

Д о р к а с. Вот ни за что не пошла бы за ростовщика.

А в т о л и к. Тут названа и повивальная бабка, которая принимала мешки, — госпожа Сплетня, и пять или шесть свидетельниц, самые порядочные женщины. Уж вы поверьте, я вздором не торгую.

М о п с а. Пожалуйста, купи мне эту песню.

К р е с т ь я н и н. Хорошо, отложи ее. Сначала посмотрим еще какие-нибудь песни, а потом другие товары разберем.

А в т о л и к. Вот тоже хорошая песня: о рыбе, которая в среду восьмидесятого апреля поднялась на сорок тысяч футов над водой и спела балладу о жестокосердных девушках. Говорят, это была женщина, обращенная в холодную рыбу за то, что не пожалела человека, который ее любил. Песня очень жалостная, а главное, достоверная.

Д о р к а с. Ты думаешь, это правда?

А в т о л и к. За нее ручаются пять судейских подписей, а остальных свидетельств не вместит мой короб.

К р е с т ь я н и н. Эту тоже отложи. Дай еще какую-нибудь.

А в т о л и к. Вот веселая песня, и притом отличная.

М о п с а. Купи веселую.

А в т о л и к. Веселее не найти, а поется на голос: "Две влюбились в одного". Во всей округе нет девицы, которая ее не распевала бы. Нарасхват берут, честное слово!

М о п с а. Мы с Доркас можем ее спеть, если ты присоединишься. Ведь она на три голоса.

Д о р к а с. Мы ее еще месяц назад слышали.

А в т о л и к. Споем, споем, еще бы не спеть! Ведь это мое ремесло. Валяйте! (*Запевает.*)

Прочь вы, девки, надоело!

Д е в у ш к и

Ты куда?

Автолик предлагает свои товары. Рисунок Дж.Джилберта

А В Т О Л И К

Не ваше дело.

Д е в у ш к и

Ах, нахал, нахал, нахал!

(Наперебой.)

Кто теперь твоя зазноба?

Ты клялся в любви до гроба

И налгал, налгал, налгал.

Ты на хутор или в поле?

А В Т О Л И К

Что ж, иль я у вас в неволе?

Д е в у ш к и

Он удрал, удрал, удрал.

(Наперебой.)

Звал меня своей женою,

Но смеялся надо мною,

Только даром честь украл.

К р е с т ь я н и н. Довольно, мы потом будем песни распевать. Отец толкует с этим господином о каких-то важных делах, не надо мешать. Идем, тащи свой короб. Девушки, я куплю подарки вам обеим. Разносчик, первый выбор мне! Пойдем, красотки! *(Уходит с Мопсой и Доркас.)*

А В Т О Л И К

Ну, теперь я с него сдеру.

(Поет.)

Подари мне, мой дружок,
Ленты, пудру, гребешок,
Или кружев на подушку,
Или юбку, или шаль;
Если денег очень жаль,
Подари хоть безделушку,
В деньгах толку ни на грош,
Если в ларчик их запрешь,
Не порадовав подружку.

Возвращается работник.

Работник. Хозяин, там пришли три козлопаса, три свинопаса, три волопаса и три овчара — нарядились козлищами и называют себя как-то чудно: сатиры, что-ли, или сартиры. Какой-то у них особый танец. Девки говорят, что это окрошка из прыжков и скачков, — ну, да это они злы оттого, что без девушек танцуется. А свинопасы клянутся, что пляска их понравится, хоть она и диковата для тех, кто в танце только кружиться да кланяться привык.

Пастух. Не надо, гони их прочь! Тут и без них довольно всяких мужицких забав. Господа, верно, обижаются на нас.

Поликсен. Ты обижаешь тех, кто хочет нас повеселить. Мы просим, дайте нам взглянуть на этих плясунов.

Работник. Они говорят, что тройка свинопасов плясала

перед самым королем и даже худший из этих сатиров прыгает вверх на двенадцать с половиной футов.

П а с т у х. Если почтенные господа согласны, зови плясунов, живее!

Р а б о т н и к. Да они тут за воротами.

Работник уходит и возвращается с плясунами.

Пляска двенадцати сатиров.

П о л и к с е н
(*пастуху*)

Ты кой-чего не знаешь, друг!

(*К Камилло.*)

Не слишком ли мы тянем? Надо кончить.
Старик болтлив и глуп.

(*Флоризелю.*)

Ну что, красавец?

Ты так влюблен, что праздник позабыл.
Когда б я был, как ты, влюблен и молод,
Я милую осыпал бы дарами,
Я перерыл бы все тюки торговца,
Чтоб для нее сокровище найти,
А ты и безделушки не купил ей.
О, если бы желанная твоя
Подумала об этом, то сказала б,
Что ты ее не любишь, и, пожалуй,
Ты не нашел бы, что ответить ей.

Ф л о р и з е л ь

Достойный гость, мою любовь Утрата
Не станет пустяками измерять.
Мой лучший дар ношу я скрытым в сердце,
И он обещан ей уже давно.—
О жизнь моя, тебе пред этим старцем,
Который знал в былые дни любовь,
Излить хочу я душу. Дай коснуться
Руки твоей, она нежнее пуха
Голубки молодой, она белее,
Чем зубы мавра, чем полярный снег,
Провеянный жестоким зимним ветром.

П о л и к с е н

И что же дальше? Как белишь ты руку,
Которая и без того бела!
Я перебил? О, продолжай, мы просим,—
Ты будешь клясться?

Ф л о р и з е л ь

Вас просить я буду
В свидетели.

П о л и к с е н
И друга моего?

Ф л о р и з е л ь

Да, и его! И небеса, и землю!—

Когда б я был красавцем первым в мире,
Когда б я был сильнейшим из царей,
Когда б я был умнее самых мудрых,
Я б это отдал за твою любовь.—
Лишь ей служить, все принести ей в жертву,
Или погибнуть!

П о л и к с е н

Что за щедрый дар!

К а м и л л о

Он страстно любит!

П а с т у х

Что ты скажешь, дочка?

У т р а т а

Так хорошо сказать я не сумею,
А лучше и придумать не смогу.
Лишь по своей любви судить могу я,
Как любит он.

П а с т у х

Ну вот и по рукам.
В свидетели друзей мы просим новых,
Я дочь свою отдам ему с приданым,
Которое не посрамит невесты.

Ф л о р и з е л ь

Пусть будут лишь достоинства Утраты
Ее приданым. А когда умрет
Один вам неизвестный человек,
Я стану так богат, как вам не снилось, —
Старик, благослови нас при друзьях.

П а с т у х

Давайте руки!

П о л и к с е н

Подожди, любезный!
Не торопись. — Есть у тебя отец?

Ф л о р и з е л ь

Да, есть, а что?

П о л и к с е н

Об этом знает он?

Ф л о р и з е л ь

Не знает и не должен.

П о л и к с е н

Мне казалось,
Что лучший гость на брачном пире сына —
Его отец. Прошу тебя, скажи мне —
Отец твой, верно, выжил из ума,

Так одряхлел, что потерял рассудок?
Еще он может говорить и слушать,
Вести свой дом? Распознавать людей?
Иль в детство впал и не встает с постели?

Ф л о р и з е л ь

О нет, мой господин, отец не стар,
Он крепче многих сверстников здоровьем.

П о л и к с е н

Клянусь моей седою бородой,
Плохой ты сын, отца ты оскорбляешь.
Сын вправе выбирать себе жену,
Но для отца все счастье — в счастье сына,
В хороших внуках. Он имеет право
В подобном деле сыну дать совет.

Ф л о р и з е л ь

Мой добрый друг, не буду спорить с вами,
Но есть причины — все равно какие, —
Чтоб от отца мою женитьбу скрыть.

П о л и к с е н

Скажи отцу!

Ф л о р и з е л ь

Нет, нет!

Поликсен

Скажи отцу!

Флоризель

Я не могу.

Поликсен

Открой отцу свой выбор,
Ты не рассердишь этим старика.

Флоризель

Но я клянусь вам, это невозможно.
Довольно будет, если вы скрепите
Наш договор.

Поликсен

Я твой разрыв скреплю.

(Является в своем настоящем виде.)

Ах ты, мальчишка! Это ли мой сын!
Ты слишком низко пал для принца крови.
На посох ты державу променял!—
А ты, предатель старый! Жаль, что петля
Уж ненадолго век твой сократит.—
А ты, колдунья, наглая девчонка!
Так моего наследника решила
Ты соблазнить!

П а с т у х

О боги, мое сердце!

П о л и к с е н

Я выбью дурь из красоты твоей,
Ее поставят розгами на место!

(Флоризелю.)

Вперед попробуй к ней ходить, повеса,
Посмей вздохнуть, когда тебя навеки
С ней разлучат, — тогда прощайся с троном!
Запомни это! И ступай за нами! —
А ты, старик, ты мог бы только смертью
Свою вину пред нами искупить. —
Ты, чародейка, ты была б достойна
Любого, даже этого безумца,
Когда б себя он не унизил так,
Что стал девчонки нищей недостойным.
Но если ты открыть ему посмеешь
Свою лачугу иль обнять его, —
О, я клянусь, насколько ты прекрасна,
Настолько будет казнь твоя страшна.

(Уходит.)

У т р а т а

Я все равно погибла — и без казни.
Но, право, он не испугал меня.
Я раз иль два хотела вставить слово,

Сказать, что над лачугой и дворцом
Одно и то же солнце светит в небе.
Прошу вас, принц, оставьте нас, я знала,
Что так случится. Будьте осторожны.
А я спала и вот теперь проснулась.
Пойду опять пасти мои стада
И горько плакать...

К а м и л л о

Говори, отец,
Пока ты жив, хоть пораскинь мозгами.

П а с т у х

Я не могу ни говорить, ни думать.
А ты-то, принц! Из-за твоей причуды
Погиб старик восьмидесяти лет,
Мечтавший умереть в своей постели,
В том домике, где умер дед, отец,
Лежать в могиле рядом с их костями.
Что сделал ты со мной! Теперь палач
Оденет в саван труп мой неомытый
И выбросит его без погребенья.
Проклятая! Уж ты, наверно, знала,
Что это принц. Куда ж ты занеслась?
О горе! Если б умереть до казни!

(Уходит.)

Ф л о р и з е л ь

Зачем так странно на меня ты смотришь?
Мне тяжело, но я не испугался.
Преграды закаляют, и решенья
Не изменю я ни за что на свете.
Отцу не покорюсь и только буду
Упорнее стремиться к той же цели.

К а м и л л о

Любезный принц, вам нрав отца известен.
Он споряча и слушать не захочет.
Да вы к нему пока и не пойдете,
Боюсь, он вас не пустит на глаза.
Дождитесь, принц, покуда он остынет.

Ф л о р и з е л ь

И я дождусь. Камилло, это вы?

К а м и л л о

Да, принц.

У т р а т а

Ведь сколько раз я говорила,
Что кончится бедой и счастье рухнет,
Едва о нем узнает кто-нибудь.

Ф л о р и з е л ь

Нет, милая, твое не рухнет счастье,

Пока я верен, — если ж изменю,
Иссякнет жизнь и рухнет свод вселенной.
О, посмотри в глаза мне! Пусть отец
Отнимет трон! Что в нем? Моя держава —
Твоя любовь.

К а м и л л о

Благоразумье, принц!

Ф л о р и з е л ь

Моя любовь — мое благоразумье.
А если разум не в ладу с любовью,
Отраду я в безумии найду.

К а м и л л о

В вас говорит отчаянье, мой принц.

Ф л о р и з е л ь

Мне все равно — отчаянье иль доблесть
То, что поможет клятву мне сдержать.
Ни честь, ни слава, верьте мне, Камилло,
Ни древний трон Богемии великой,
Ни все богатства гор, земли, морей
Меня нарушить клятву не заставят,
Любимой изменить не соблазнят.
А потому, Камилло, вас прошу я,
Прошу как друга моего отца,

Пастух. Барельеф работы Джотто и Андреа Пизано

С которым ныне расстаюсь надолго:
Когда начнет о сыне он грустить,
Его утешьте дружбой и советом,
Смягчайте мудро гнев его неправый.
Я твердо верю, что дорогу в жизни
Мы для себя сумеем проложить.
Мои слова отцу вы передайте,
Скажите, что с возлюбленной моей
Уплыл я в море, потеряв надежду
С ней быть счастливым на родной земле.
Корабль мой близко, он предназначался
Для дел иных, но так велит судьба.
Куда плыву я — знать вам бесполезно.

К а м и л л о

Желаю, принц, вам стойкости в нужде,
Но не гнушайтесь дружеским советом...

Ф л о р и з е л ь

Утрата, слушай...— Я сейчас, Камилло.—
(Отходит с Утратой в глубину сцены.)

К а м и л л о

Бесповоротно он решил бежать.
Я был бы счастлив ехать вместе с ними,
Служить им верно, охранять в пути
И, воротясь в Сицилию родную,

Увидеть вновь несчастного Леонта,
Владыку моего и господина,
Которого люблю я всей душой.

Ф л о р и з е л ь

Прошу простить, мой дорогой Камилло:
Так много дел, что я невежлив с вами.

К а м и л л о

Мой милый принц, надеюсь, вы слышали,
Что мне случилось вашему отцу
Оказывать различные услуги.

Ф л о р и з е л ь

Да, вы служили преданно и честно.
Отец мой любит говорить об этом,
И он не знает, как вас наградить.

К а м и л л о

Отлично, принц, тогда нет нужды клясться,
Что я люблю и короля и все,
Что королем любимо; это значит:
Люблю и вас, и вам хочу служить.
Примите ж мой совет, я укажу вам
Страну, где встретят дружбой и любовью
И вас и вашу милую, с которой —
Храни вас небо! — только смерть, я вижу,
Вас разлучит. Так поскорей женитесь,

А я стараться буду, чтоб король
Забыл свой гнев и с вами примирился.

Ф л о р и з е л ь

Со мной... король... но это будет чудо!
Камилло, друг мой, сотвори его —
И жизнь тебе отдам я.

К а м и л л о

Вы решили,
Куда вам плыть?

Ф л о р и з е л ь

Пока еще не знаю.
Игра судьбы нас вынудила к бегству,
И потому мы вверимся судьбе
И будем плыть по ветру.

К а м и л л о

Если так —
Внимание! Немедля отправляйтесь
В Сицилию и со своей принцессой
(Что быть ей вашей, видно и слепцу)
Идите прямо к королю Леонту.
Конечно, нужен ей наряд, достойный
Подруги принца. Я уж представляю,
Как вас Леонт в объятия заключит
И со слезами радости у сына

Просить прощенья будет за отца,
Как будет руки целовать принцессе,
Как он любовь сравнит с прошедшим гневом
И гнев отправит в тартар, а любовь
Оставит в сердце расцветать и крепнуть.

Ф л о р и з е л ь

Но под каким предлогом, мой Камилло,
Явиться к королю?

К а м и л л о

А вы скажите,
Что вас король послал к нему с приветом
И утешеньем. Как держаться дальше,
Как сообщить от имени отца
То, что пока лишь нам троим известно,
Я напишу вам, принц; необходимо,
Чтобы с Леонтом вы при каждой встрече
Об этом говорили, чтобы в вас
Почувствовал он душу Поликсена
И, как ему, во всем поверил вам.

Ф л о р и з е л ь

Благодарю. Придумано чудесно.

К а м и л л о

И, право, это больше вам сулит,
Чем бегство в неизведанные воды

К далеким и враждебным берегам,
Где за бедой идет беда другая,
Где мореход, надеясь лишь на якорь,
Стоит подолгу в нежеланном месте.
Да и притом, запомните, мой принц,
Основа для любви — благополучье,
А горе разрушает красоту
И убивает чувства.

У т р а т а

Вы неправы.
Румянец гаснет в горестях нужды,
Но чувства неизменны.

К а м и л л о

Что я слышу!
Раз в сорок лет рождаются такие,
Как вы, пастушка.

Ф л о р и з е л ь

Дорогой Камилло!
Насколько низок род ее и званье,
Настолько ж высока она душой.

К а м и л л о

О да, хоть ей не дали воспитанья,
Она могла б учить учителей.

У т р а т а

Оставьте, я и так уж покраснела.

Ф л о р и з е л ь

Любимая, прекрасная Утрата!
За что нам дан такой тернистый путь!—
Вы моего отца спасли, Камилло.
Вы друг наш и целитель. Что мне делать?
Где средства взять, чтобы прийти к Леонту
В достойном принца пышном одеянье?

К а м и л л о

Об этом, милый принц, не беспокойтесь.
В Сицилии ведь все мои богатства.
Я напишу, и вам дадут одежду.
А чтобы вы не удивлялись больше,
Пойдемте, я скажу вам кое-что.

Отходят в сторону.

Возвращается А в т о л и к.

А в т о л и к. Ха-ха! Ну какая же дура эта честность! А доверчивость, ее родная сестрица,— тоже балда! Я спустил им весь мой хлам. В моем коробе не осталось ни фальшивых бриллиантов, ни ленточки, ни зеркальца, ни брошки, ни песенника, ни тесемки, ни перчаток, ни шнурка, ни браслетки, ни колечка — пусто! Каждый лез первым, точно я продавал амулеты, которые приносят счастье. Тут-то я и заметил, чей

кошелек потолще, и хорошо это запомнил. Этот шут, который хвалился своим умом, так очаровался песнями девок, что не отходил от меня, пока не вызубрил и слова и голос. А глядя на него, и остальное стадо так заслушалось, что весь ум ушел у них в уши. Можно было в любой карман под юбку залезть — никто бы и не заметил, — отрезать кошелек, отпилить ключи от цепочки. Каждый только и слышал, что песни моей милости, и наслаждался этим враньем. И пока они этак спали наяву, я прикарманил все кошельки, туго набитые для праздника. Не явись этот старый хрен со своими воплями о дочке и о королевском сыне, не спугни он этих галок с мякины, я бы уж ни одного кошелька в живых не оставил.

К а м и л л о, Ф л о р и з е л ь и У т р а т а возвращаются на авансцену.

К а м и л л о

Мое письмо прибудет вместе с вами
И все его сомненья разрешит.

Ф л о р и з е л ь

А то письмо, что вам Леонт напишет...

К а м и л л о

Подарком будет вашему отцу.

У т р а т а

Храни вас небо! Вы нам каждым словом
Сулите радость.

К а м и л л о
(видит Автолика)

Это кто такой?

Он будет нам помощником прекрасным,
Мы не должны ничем пренебрегать.

А в т о л и к (в сторону). Если они слышали — горе, я повешен!

К а м и л л о. Эй, молодец! Чего тебя лихорадка трясет? Не бойся, мы тебе зла не сделаем.

А в т о л и к. Я, сударь, человек бедный.

К а м и л л о. Ну и оставайся таким. Никто у тебя твоей бедности не украдет. Мы только хотим присвоить твой нищенский вид. Поэтому разоблачайся — пойми, брат, это необходимо — и обменяйся платьем вот с этим господином. Хоть в проигрыше останется он, мы тебе еще дадим прибавку.

А в т о л и к. Я, сударь, человек бедный. (В сторону.) Отлично вижу, кто вы такие.

К а м и л л о. Ну, живей, живей! Видишь, господин уже раздевается.

А в т о л и к. Так вы взаправду? (В сторону.) Я, кажется, раскусил эти шутки.

Ф л о р и з е л ь. Поторопись, любезный.

А в т о л и к. Конечно, я вам благодарен за щедрость. Но, по совести, мне неудобно...

К а м и л л о
Отстегивай, отстегивай крючки.

Флоризель и Автолик меняются одеждой.

Прекрасная счастливица, пусть небо
Исполнит то, что вам я предсказал.
Подите за кусты, переоденьтесь.
Лицо закройте шарфом, на глаза
Надвиньте шляпу принца, чтобы в гавань
Неузнанной пробраться, — я уверен,
За вами кое-кто уже следит.

У т р а т а

Играть, я вижу, надо как на сцене.

К а м и л л о

Нельзя иначе. Вы готовы, принц?

Ф л о р и з е л ь

Да если б я отца родного встретил,
Он, кажется, меня бы не узнал.

К а м и л л о

Нет, вам придется обойтись без шляпы.

(Отдает шляпу Утрате.)

Идите же, принцесса.

(Автолику.)

Друг, прощай!

А в т о л и к

Adieu, синьор!

Ф л о р и з е л ь

Утрата, мы забыли!..

Два слова...

(Шепчет ей на ухо.)

К а м и л л о

(в сторону)

Я тотчас же королю
Скажу об их побеге и открою,
Куда они отплыли. Может быть,
За ними он отправится в погоню,
А я, сопровождая короля,
Сицилию увижу, по которой
Как женщина вздыхаю.

Ф л о р и з е л ь

Да помогут

Нам небеса. Камилло, мы идем.

К а м и л л о

Да, да, идите. Чем быстрее, тем лучше.

Флоризель, Утрата и Камилло уходят.

А в т о л и к. Хо-хо, я понял все, я слышал все! Недаром
главное для вора: острый слух, зоркий глаз и проворные руки.
Хороший нюх тоже не мешает — чтобы вынюхивать работу
для других частей тела. Однако в наши дни мошеннику — рай.

Такой обмен хорош и без приплаты, а с приплатой это сущий клад. Боги нам помогают, что ни делаешь, все удается. Сам принц плутует: удирает от отца, да еще с камнем на шее. Считаю я честным предупредить короля — я бы к нему не побежал. Но скрыть от него — много бесчестней. Поэтому останусь верен своим убеждениям.

Входят крестьянин и пастух.

В сторонку, в сторонку. Есть еще одно дельце для хорошей головы. Умный человек везде найдет работу: на каждом перекрестке, в каждой лавке, в церкви, на суде, даже возле виселицы.

Крестьянин. Будет, будет, ну что ты за человек! Надо сказать королю, что она подкидыш, а не твоя дочь.

Пастух. Нет, ты послушай...

Крестьянин. Нет, дай мне сказать...

Пастух. Ну, выкладывай.

Крестьянин. Если она не твоя плоть и кровь, значит, твоя плоть и кровь ничем короля не оскорбила. Значит, твою плоть и кровь не за что наказывать. Покажи те вещи, которые были при ней. Все, что было на ней и с ней, кроме того, что она сама хранит в секрете. Пускай тогда закон свистит. Плевать тебе.

Пастух. Я все расскажу королю, каждое слово и все проделки его сына. Он и с отцом поступил нечестно и со мной — хотел меня свояком самому королю сделать.

Крестьянин. Именно свояком, никак не меньше. Вот вздорожала бы наша кровь, уж я не знаю, почем стала бы за унцию!

Автолик (*в сторону*). И умны же, сукины дети!

Крестьянин. Ну, пошли к королю. Как увидит, что в этом узелке, дернет он себя за бороду!

Автолик (*в сторону*). Не помешал бы их донос побегу моего благодетеля!

Крестьянин. Только бы застать его во дворце.

Автолик (*в сторону*). Хоть по природе я вор, а иногда бываю честным. Спрячем в карман приметку разносчика. (*Снимает фальшивую бороду.*) Эй, вы, мужичье! Куда ковыляете?

Пастух. Во дворец, почтенный господин.

Автолик. У вас там дела, что ли? Какие, с кем? Чо в этом узле? Ваше имя, ваше звание, состояние, воспитание, сколько вам лет — все выкладывайте, живее!

Крестьянин. Мы люди простые, сударь!

Автолик. Ложь! Вы люди грубые, лохматые, подавайте мне правду. Лгать полагается только купцам. Лгут они нам, солдатам, а мы им платим за это звонкой монетой, а не острым клинком, так что лгут они не даром.

Крестьянин. Ваша милость хотели, видно, и нам заплатить, да вовремя спохватились.

Пастух. Ведь вы придворный, сударь, с вашего позволения.

Автолик. С позволения или без позволения, но я придворный. Разве ты не видишь по моей одежде, что я придворный? Разве ты не видишь по моей осанке, что я придворный? Разве не чувствуешь по моему запаху, что я придворный? Разве не понимаешь по моему презрению к тебе, что я при-

дворный? Ты думаешь, если я расспрашиваю о твоих делишках, значит, я не придворный? Я придворный с головы до ног, и я могу тебя при дворе и водворить и выдворить, так что докладывай по порядку!

П а с т у х. У меня, сударь, дело к королю.

А в т о л и к. А адвокат у тебя есть?

П а с т у х. А что это такое, с вашего позволения?

К р е с т ь я н и н. Адвокатами при дворе называют индюков. Скажи, что у тебя их нет.

П а с т у х. Нет у меня, сударь, ни индюка, ни петуха, ни курицы.

А в т о л и к

Какое счастье, что рожден я знатным!

Но я ведь мог родиться мужиком,

Вот почему к ним снизойти хочу я.

К р е с т ь я н и н. Наверно, знатный вельможа.

П а с т у х. Платье на нем хорошее, да носит он его плохо.

К р е с т ь я н и н. Это самый вельможа и есть, когда дураком покажется. Важная особа, я это вижу по его зубочистке.

А в т о л и к. Вон тот узел — что в этом узле? Коробка? Что в ней такое?

П а с т у х. Сударь, в этой коробке такая тайна, которую может знать один лишь король, и он ее скоро узнает, если только я до него сразу доберусь.

А в т о л и к. Старик, ты напрасно трудишься.

П а с т у х. Почему, сударь?

Пастух, крестьянин и Автолик. Рисунок Дж. Джильберта

А в т о л и к. Короля нет во дворце. Он поехал на новом орабле освежиться и проветриться. Если ты способен чувствовать — я тебе скажу, что у короля большая печаль.

П а с т у х. Я слышал, сударь; толкуют, что виноват в этом го сын, который хотел жениться на дочери пастуха.

А в т о л и к. И если этот пастух еще не схвачен, пусть удирает. Ему грозят такие муки, такие пытки, от которых лопаются кишки у человека и разрывается сердце у чудовища.

К р е с т ь я н и н. Вы так думаете, сударь?

А в т о л и к. И это грозит не только ему, но и всем его родственникам до пятого колена — никто не минует палача. И так им и надо! Какой-то подлый, выживший из ума овчар задумал породниться с королевским сыном. Иные говорят, что его побьют камнями, но, по-моему, это слишком мягкая смерть. Переставить трон нашего монарха в овчарню! Да самой страшной казни мало за это!

К р е с т ь я н и н. С вашего позволения, сударь, вы не слышали, есть у этого старика сын?

А в т о л и к. Есть, и с него заживо сдерут кожу. Потом вымажут медом и поставят возле осинового гнезда. Там он будет стоять, пока на три четверти не умрет. Потом его оживят водкой или другим горячительным и в самый жаркий день приставят к кирпичной стене, которую палит южное солнце, и так он будет стоять, пока мухи не заедят его насмерть. Но к чему толковать об этих гнусных мошенниках? Скажите лучше, добрые люди, что у вас за дело до короля, — вы, мне кажется, люди простые и честные. Если вы меня хорошо поблагодарите, я вас провожу к королю и шепну ему словечко в вашу пользу. Если кто-нибудь может вам помочь, кроме короля, так это я.

К р е с т ь я н и н (*пастуху*). Он, кажется, очень сильный человек. Подмажь его, дай ему несколько золотых. Власти —

это упрямый медведь, но помани их золотом — и будешь водить за нос. Вывороти ему кошелек на ладонь — и дело с концом. Ты только вспомни: “побьют камнями, сдерут заживо кожу”.

П а с т у х. Если ваша милость хотите нам помочь — вот все мое золото. Но я могу сбежать домой и принести еще столько же, а этот молодец покуда останется у вас заложником.

А в т о л и к. Когда я сделаю, что обещал, тогда и отдашь.

П а с т у х. Слушаю, ваша милость.

А в т о л и к. Хорошо, пока давай половину. А ты тоже хлопчешь об этом деле?

К р е с т ь я н и н. Отчасти да, почтенный господин. Но хоть и плохо быть в моей шкуре, надеюсь, ее с меня не сдерут.

А в т о л и к. Это сделают только сыну пастуха. Или повесят его, тоже будет острастка для других.

К р е с т ь я н и н. Утешил, нечего сказать.— Нет, мы должны увидеть короля и показать ему наши диковины. Пускай узнает, что она тебе не дочь, а мне не сестра, иначе мы пропа-ли. (Автолику.) Я дам вам, сударь, столько же, сколько этот старик, когда дело будет сделано, и останусь вашим заложником, пока он не принесет золото.

А в т о л и к. Я верю вам. Идите направо, к берегу моря, я только отойду на минутку и — за вами.

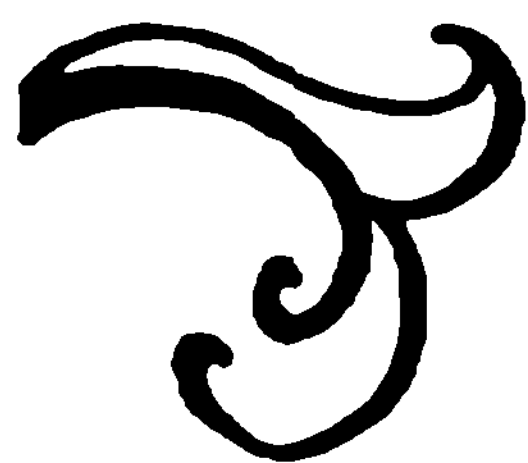
К р е с т ь я н и н. Благословенье, что нам попался этот человек, прямо благословенье.

П а с т у х. Пойдем, как он велел. Само небо его послало, чтоб нам помочь.

Пастух и крестьянин уходят.

А в то ли к. Если бы я решил стать честным человеком, сама Фортуна мне помешала бы. Она сует добычу мне прямо в рот. Теперь она послала мне двойную благодать. И золото получил и принцу послужил, моему господину. Может, еще за это и повышение дадут. Сведу этих кротов безголовых к принцу на корабль. Если он отправит их на берег и не обратит внимания на их донос — пусть назовет меня бродягой за мою услужливость. Этой кличкой меня не прошибешь, я уже к такому позору привык. Сведу их к принцу, может, из этого что-нибудь и выйдет. (*Уходит.*)

А К Т V

Сцена 1

Зал во дворце Леонта.

Входят Леонт, Клеомен, Дион, Паулина и другие.

К л е о м е н

**О государь, довольно предаваться
Бесплодной скорби! Грех уже искуплен.
Раскаянье превысило вину.
Пора вам поступить подобно небу,
Которое простило вас давно.
Забудьте то, что позабыли боги.**

Л е о н т

**Пока я жив и помню Гермionу,
Моя вина мне будет сердце жечь.
Могу ль простить себе я злодеянье,
Лишившее наследника престол мой,
Убившее нежнейшую подругу,
Которой нет подобных на земле?**

П а у л и н а

К несчастью, это слишком справедливо!
Мой государь, когда бы вы собрали
Всех в мире жен и взяли бы от каждой
Все лучшее, чтобы создать одну,
Она б с убитой вами не сравнилась.

Л е о н т

Да, ты права! С убитой... гм, с убитой...
Ты не упustiшь случая ужалить!
Какое право... Впрочем, мы не будем...
Но перестань мне это повторять!

К л е о м е н

Есть тысячи предметов для беседы,
Вполне достойных вашей доброты
И более полезных государю.

П а у л и н а

Я знаю, вы женить его хотите.

Д и о н

Чего ж другого можем мы хотеть?
Сударыня, иль вам не жаль отчизны,
Не жаль, что род высокий прекратится?
Подумайте, какая вспыхнет смута,
Когда король останется бездетным.

Пусть радует нас то, что в лучший мир
Вознесся дух покойной королевы.
Наш долг теперь — подумать о живых.
А что важней для блага всей державы,
Чем нового наследника рождение?

П а у л и н а

Но где найти для короля подругу,
Достойную усопшей? И возможно ль
Препятствовать велению богов?
Не прорицал ли Аполлон могучий,
Что будет без наследника Леонт
До той поры, покуда не найдется
Потерянная дочь? Такого чуда,
Равно как возвращенья Антигона,
Наш слабый ум вообразить не может.
Но что с того? Нет, сударь, ваш совет
Противен воле неба. — Не тревожьтесь!
Наследник вам найдется, государь!
Ведь завещал же Александр Великий
“Достойнейшему” трон — и отыскался
Ему наследник.

Л е о н т

Верно, Паулина,
Ты свято память Гермियोны чтишь.
Когда б я не отверг твоих советов,

Я и теперь, счастливый, бы глядел
В глубокие глаза моей подруги
И принимал дары желанных губ.

П а у л и н а

И сколько бы они вам не дарили,
Богатство их росло бы.

Л е о н т

Ты права!

Нет жен таких! И если б я женился
И отдал сердце менее достойной,
Передо мной бы встал, как судия,
Священный дух прекрасной Гермiony
И молвил бы: "За что?"

П а у л и н а

Да, государь,

И так спросить она была бы вправе.

Л е о н т

Конечно, вправе. Страшно и подумать,
Но я убил бы новую жену.

П а у л и н а

Я только бы того и добивалась!
Когда б могла я духом королевы

Явиться к вам, о, я бы вам велела
Смотреть в глаза своей второй жене
И перед ней мне объяснить свой выбор.
И вас ударом грома поразил бы
Мой крик прощальный: "Помни обо мне!"

Л е о н т

Ее глаза сияли мне как звезды,
А у других они — потухший уголь.
Не бойся, Паулина, у Леонта
Другой жены не будет.

П а у л и н а

Дайте клятву
Жениться только с моего согласия.

Л е о н т

Спасением души тебе клянусь.

П а у л и н а

Вы, господа, свидетелями будьте.

К л е о м е н

Как вы его связали!

П а у л и н а

Развяжу!
Когда найду подобье Гермионы.

К л е о м е н

Сударыня...

П а у л и н а

Молчите!— Государь,
Когда вы захотите вновь жениться,
Позвольте мне найти для вас подругу.
Одну я знаю — старше Гермiony,
Но на нее похожую настолько,
Что светлый дух погибшей королевы
Благословил бы вас на этот брак.

Л е о н т

Ты верный друг! Итак, распоряжайся
Моей судьбой.

П а у л и н а
(в сторону)

Вы женитесь не раньше,
Чем встанет из могилы Гермiona.

Входит придворный.

П р и д в о р н ы й

К вам, государь, какой-то чужеземец.
Себя он называет Флоризелем,
Богемским принцем, сыном Поликсена.
И с ним принцесса — дивной красоты.

Л е о н т

Что? Так внезапно! Быть того не может!
Несовместим с его державным саном
Такой приезд. У них большая свита?

П р и д в о р н ы й

Нет, только челядь, да и то немного.

Л е о н т

Ты говоришь, принцесса тоже здесь?

П р и д в о р н ы й

Красавица! Я не видал подобной!

П а у л и н а

О Гермiona! Новый век всегда
Глядит с пренебрежением на старый.
И, мертвая, ты новой красоте
Дорогу уступаешь. Вы же сами
Писали ей надгробные стихи:
“Не будет, нет и не было подобной!”
И так остыл недавний ваш восторг,
Что гостью вы находите прекрасной!

П р и д в о р н ы й

Сударыня, простите! Королеву
Почти забыл я — но, прошу прощенья,

Лишь только вы увидите принцессу,
Ей похвала сорвется с ваших губ.
Я слов не нахожу, ее достойных.
Здесь будут все у ног ее.

П а у л и н а

Да что вы!

И женщины?

П р и д в о р н ы й

О, женщины любят
Ее за то, что лучше всех она,
А мы — за то, что лучшая из женщин.

Л е о н т

Ты, Клеомен, с друзьями выйди к ним
И приведи гостей в мои объятья.

Клеомен и другие уходят.

Нет, это все мне кажется загадкой.

П а у л и н а

Вот если б жив был наш чудесный принц —
Как с этим гостем мог бы он сдружиться!
Они ведь однолетки.

Л е о н т

Паулина!

Оставь! Когда ты говоришь о принце,

Панорама середньовікового міста

Мне кажется, он снова умирает.
Зачем, зачем ты это мне сказала —
При виде гостя я с ума сойду.
Вот он идет.

Входят Клеомен, Флоризель, Утрата и другие.

— Я рад вас видеть, принц!
О, ваша мать была верна супругу!
Клянусь, вы так похожи на отца,
Что, если бы мне лет на двадцать меньше,
Я кинулся бы к вам, воскликнув: брат!
И забросал словами, доверяя
Вам чувства, мысли, шалости, надежды.
Привет вам, принц, привет! И вам, принцесса!
Какая вы красавица! Увы!
И у меня такие были дети,
И мог я быть счастливейшим отцом,
Но сам разрушил собственное счастье,
Отвергнул дружбу вашего отца,
Которого я так люблю доныне,
Так жажду вновь хотя бы раз увидеть.

Ф л о р и з е л ь

Я по его желанью прибыл к вам.
Отец мой шлет, как королю и брату,
Вам свой привет и просит передать,
Что, если б не томился он недугом,
Ослабившим и дух его и тело,

Он пересек бы земли и моря,
Чтоб вновь обнять любимого монарха.

Л е о н т

О брат мой! Он, как прежде, благороден!
Я узнаю его высокий дух.
И гложет стыд меня сильнее, чем прежде.
Я рад вам, дети, как земля весной
Теплу и солнцу рада. Но скажите,
Как ваш отец такую красоту
Доверить мог безумству океана
И ради недостойного собрата
Послать принцессу в этот тяжкий путь?

Ф л о р и з е л ь

Мой государь, мы к вам явились прямо
Из Ливии.

Л е о н т

Где правит храбрый Смал,
Которого и любят и боятся?

Ф л о р и з е л ь

Да, государь. Он слезы лил невольно,
На мой корабль сопровождая дочь.
А мы, простясь, поплыли с южным ветром,
Чтоб вашему величеству покорно
Привет отца сердечный передать.

От берегов Сицилии я свиту
Домой отправил — сообщить отцу,
Что сватовство успехом увенчалось
И я благополучно прибыл к вам.

Л е о н т

Пока вы здесь, пусть праведные боги
Благословляют счастьем эту землю.
Судьба послала вашему отцу
Достойное заслуг его потомство.
А я наказан за свои грехи.
О, если бы вернуть мне дочь и сына!

Входит п р и д в о р н ы й.

П р и д в о р н ы й

Великий государь, такая весть,
Что невозможно было б ей поверить,
Когда б ее не подтверждало все!
Вам шлет король Богемии привет
И просит вас, чтоб задержали принца,
Который, сан, и честь, и долг забыв,
Бежал с пастушкой.

Л е о н т

Где ж он? Где король?

П р и д в о р н ы й

Здесь, в городе, я прямо от него.

Я говорю бессвязно, но событие
Настолько неожиданно... Простите,
Я отклонился вновь... Когда король
Шел ко дворцу, ему упали в ноги
Два пастуха — как после оказалось,
Отец и брат поддельной королевы,
Бежавшей с юным принцем.

Ф л о р и з е л ь

Что я слышу!

Камилло, благороднейший, честнейший,
Нас выдал!

П р и д в о р н ы й

Вы спросите у него.
Он прибыл с государем.

Л е о н т

Кто? Камилло?

П р и д в о р н ы й

Да, государь, и я с ним говорил.
Он пастухов допрашивал. Вот случай!
Их ужас невозможно описать.
Валяются в ногах у короля,
Целуют землю, плачут и клянутся,
Но их король и слушать не желает
И казнью жесточайшей им грозит.

У т р а т а

О мой отец! Нам подослали боги
Предателя, чтоб наш союз расторгнуть.

Л е о н т

Вы не венчались?

Ф л о р и з е л ь

Нет, и я боюсь,
Что легче звездам обвенчаться с морем.

Л е о н т

Скажите, принц, возлюбленная ваша —
Дочь короля?

Ф л о р и з е л ь

Конечно, — с той минуты,
Когда она моей женою станет.

Л е о н т

Увы, поспешность вашего отца
Заставит долго ждать такой минуты.
Мне жаль, мой принц, мне очень жаль, что вы
Сыновний долг решаетесь нарушить,
И я скорблю, что избранная вами
Настолько ниже вас происхожденьем
И вам, увы, не может стать женой.

Ф л о р и з е л ь

О, посмотри в глаза мне, дорогая!
Пусть нам враждебны боги и отец,
Мою любовь они убить не в силах.—
Я умоляю, государь, когда-то
Вы были юны, вы, как я, любили,—
Вы можете спасти мою любовь.
Отец ни в чем, ни в чем вам не откажет —
Сокровище отдаст вам, как безделку!

Л е о н т

О, я не знал, тогда пускай вручит
Мне вашу драгоценную невесту.

П а у л и н а

Мой государь, у вас блещут глаза!
Но вспомните, за пять недель до смерти
Супруга ваша не была ль прекрасней?

Л е о н т

В ней... странно... мне почудилась... она!

(Флоризелю.)

Я вам еще на просьбу не ответил,
Но я согласен. Где же ваш отец?
Мы с ним поговорим, я обещаю.
И если брак ваш не противен чести,
Я вам обоим друг. Пойдемте, принц. •

Уходят.

Сцена 2

Сицилия. Перед дворцом Леонта.

Дворянин и Автолик.

Автолик. Простите, сударь, вы присутствовали при этом?

Дворянин. Я видел, как вскрывали ларчик. В это время пастух начал что-то рассказывать. И вдруг на их лицах выразилось неописуемое изумление, нам всем приказали удалиться, и я расслышал только, что пастух нашел ребенка.

Автолик. Хотелось бы знать, чем это кончилось.

Дворянин. Я только это и знаю. Король и Камилло прямо в лице переменились. Глаза у них чуть не вылезли на лоб. Они молчали, но удивление их было такое, как будто целый мир не то погиб, не то родился. И нельзя было догадаться, чем это вызвано: горем или радостью. Во всяком случае, они узнали нечто невероятное. Но вот идет человек, который, наверно, знает больше, чем я.

Входит второй дворянин.

Что нового, Роджеро?

Второй дворянин. Только то, что всюду готовятся к празднествам. Сбылось пророчество оракула: дочь короля отыскалась. В Сицилии не хватит поэтов, чтобы воспеть чудеса, случившиеся за какой-нибудь час.

Входит третий дворянин.

Вот управитель госпожи Паулины. Он, наверно, знает больше моего. Ну, что слышно, синьор? Вся эта правда так похо-

жа на сказку, что ей не веришь. Неужели король нашел наследную принцессу?

Третий дворянин. Совершенно точно. Доказательства такие, что кажется, будто сам все видел. Мантия королевы Гермiony, ее ожерелье на шее ребенка, лежавшая в ларчике записка Антигона, руку которого все узнают; наконец, царственный облик молодой девушки, ее сходство с матерью, врожденное благородство осанки и тысячи других признаков свидетельствуют, что она королевская дочь. А встречу королей вы видели?

Второй дворянин. Нет.

Третий дворянин. Вы пропустили зрелище, которого не опишешь. Если бы вы видели их радость! А потом слезы! Казалось, плачет само горе, вынужденное покинуть их сердца. Лица королей стали неузнаваемы, и только по одежде можно было догадаться, что это они. Наш король был вне себя от радости, что нашел пропавшую дочь. Но радость напомнила ему о другой потере, и он начал восклицать: “О Гермiona, Гермiona!” Потом он просил прощения у богемского короля, потом кинулся обнимать своего зятя, потом принялся опять душить в объятьях свою дочь. И кончил тем, что стал благодарить старого пастуха, стоявшего тут же, подобно памятнику, разрушенному временем и бурями, выдавшему многие царства и многих королей. Одним словом, я никогда не слышал и не видел ничего подобного.

Второй дворянин. А что стало с Антигоном, с тем, который увез ребенка?

Т р е т и й д в о р я н и н. А это как в старой сказке, где события продолжают наворачиваться, хотя никто уже не верит и не хочет слушать: Антигон был разорван медведем. Это рассказывает сын пастуха, и в том, что он не врет, убеждает не только его простодушие и искренность, но также перстень и платок погибшего, которые Паулина узнала.

П е р в ы й д в о р я н и н. А что случилось с кораблем и спутниками?

Т р е т и й д в о р я н и н. Корабль потерпел крушение на глазах пастуха в ту самую минуту, как был растерзан Антигон. Так что все, кто участвовал в этом преступном деле, погибли именно тогда, когда малютка была спасена. Пастух подробно рассказал об их смерти. Но какая благородная борьба между горем и радостью бушевала в сердце Паулины! Она оплакивала гибель супруга и в то же время благодарила оракула за исполнение пророчества. Она подняла принцессу и сжала в объятиях так, как будто хотела навеки приковать ее к сердцу, чтобы не потерять вторично.

П е р в ы й д в о р я н и н. Да, величие этой сцены было достойно царственных актеров.

Т р е т и й д в о р я н и н. Но самым трогательным было другое — то, что выудило из глаз моих если не рыбу, так целый поток слез. Вы не представляете, как потрясающе подействовал на дочь рассказ о смерти королевы — чистосердечное и горестное признание короля. Она сначала слушала безмолвно, но вдруг воскликнула: “Несчастный день!” — и залилась кровавыми слезами, я говорю — кровавыми, потому что серд-

це мое тоже плакало кровью. При этом зрелище даже люди твердые как мрамор изменились в лице, а иные лишились чувств. Это было всеобщее горе.

Первый дворянин. Они уже вернулись во дворец?

Третий дворянин. Нет, принцесса услышала, что Паулина хранит у себя статую покойной королевы — многолетний и недавно законченный труд знаменитого мастера Джулио Романо, который с таким совершенством подражает природе, что, кажется, превзошел бы ее, когда бы сам он был бессмертен и мог оживлять свои творения. Говорят, он придал статуе такое сходство с Гермией, что, забывшись, можно к ней обратиться и ждать ответа. Туда и направилась принцесса в великом нетерпении любви. И там они все останутся на вечернюю трапезу.

Второй дворянин. Я всегда подозревал, что у Паулины есть какая-то тайна. Со дня смерти Гермией она по два, по три раза в день посещала свою уединенную виллу. Не пойти ли и нам туда, чтоб разделить всеобщую радость?

Первый дворянин. Кто же, имея возможность туда пойти, откажется от этого? Там новая радость рождается каждое мгновение, а мы упускаем такое зрелище. Идемте.

Дворяне уходят.

Автолик. Вот когда я мог заработать повышение, если бы не темные пятна на моей прошлой жизни. Ведь это я привел пастуха и его сына на корабль принца, я рассказал ему все, что они болтали о каком-то ларчике и о всякой всячине. Только принц на ту пору занят был мнимой пастушкой и ее морской

болезнью, хотя и сам он был не в лучшем виде. А непогода не утихала, и поэтому тайна осталась тайной. Впрочем, не о чем тужить: если бы тайну раскрыл именно я, разве эта услуга сняла бы мои прежние грехи?

Входят пастух и крестьянин.

Вот шествуют те, кого я невольно облагодетельствовал. На глазах расцветают от счастья!

П а с т у х. Ну, сынок, у меня уже детей больше не будет. Но твои сыновья и дочери — все будут дворянами.

К р е с т ь я н и н (Автолику). Очень рад, сударь, что встретил вас. Намедни вы отказались драться со мной, потому что я не был тогда прирожденным дворянином. Видите этот камзол? Попробуйте сказать, что не видите и что я не прирожденный дворянин! Лучше уж скажите тогда, что этот камзол не прирожденный дворянин. Ну-ка, скажите, что я лгу, а тогда испытайте, прирожденный ли я дворянин.

А в т о л и к. Я вижу, сударь, что теперь вы прирожденный дворянин.

К р е с т ь я н и н. Да, и вот уже четыре часа пребываю в этом звании.

П а с т у х. И я, сынок.

К р е с т ь я н и н. И ты. Но я угодил в дворяне прежде, чем мой отец. Потому что королевский сын взял меня за руку и назвал братом, потом оба короля назвали моего отца братом. Потом принц, мой брат, и принцесса, моя сестра, назвали моего отца отцом. И тогда мы заплакали, и это были наши первые дворянские слезы.

Барельеф Джотто и Андреа Пизано

П а с т у х. Поживем, сынок, — будут не последние.

К р е с т ь я н и н. А иначе было бы обидно — раз уж мы попали в такое положение.

А в т о л и к. Сударь, я смиренно молю вас, простите мне все провинности перед вашей милостью и замолвите за меня словечко принцу, моему прежнему хозяину.

П а с т у х. Изволь, сынок, не отказывай ему. Уж будем благородны, коль попали в благородные.

К р е с т ь я н и н. Ты изменишь свою жизнь?

А в т о л и к. Непременно, если вашей милости угодно.

К р е с т ь я н и н. Давай руку. Я поклянусь принцу, что ты такой же верный и честный малый, как всякий человек в Богемии.

П а с т у х. Можешь это сказать, но зачем клясться?

К р е с т ь я н и н. Как же не клясться, когда я дворянин? Пусть мужичье говорит просто, а я буду клясться.

П а с т у х. А что, если это вранье, сынок?

К р е с т ь я н и н. Какое бы ни было вранье, истинный дворянин может ради своего друга поклясться. И я непременно поклянусь принцу, что ты честный малый и больше не будешь пьянствовать, хотя и знаю, что ты нечестный малый и пьянствовать будешь. Непременно поклянусь.

А в т о л и к. А я, сударь, изо всех сил буду это доказывать.

К р е с т ь я н и н. Главное, стань честным. И если я тогда не удивлюсь, почему ты пьянствуешь, назови меня лжецом.

Трубы.

Слышишь, короли и принцы, наши родственники, идут смо-

треть изображение королевы. Идем, ступай за нами; мы тебе будем добрыми господами.

Уходят.

Сцена 3

Капелла в доме Паулины.

Входят Леонт, Поликсен, Флоризель, Утрата, Камилло,
Паулина, придворные и слуги.

Леонт

Спасибо, дорогая Паулина,
Я так тебе обязан.

Паулина

Государь!

Я не по злобе вас порой сердила.
Я вам добра желала, и за это
Вы мне добром платили. Но сегодня,
В мой скромный дом придя желанным гостем
С державным братом, с юною четой —
Наследниками вашего престола, —
Вы оказали мне такую честь,
Что я мой долг не оплачу и жизнью.

Леонт

О Паулина! Только беспокойство
Тебе мы этой честью причинили.

Я с наслажденьем осмотрю твой дом.
Но где же то, чего принцесса жаждет,
Где изваянье матери ее?

П а у л и н а

Она была живая несравненна,
И потому ее изображение
Затмило все творенья рук людских.
Ему не место в общей галерее.
Она вон там. Холодный этот камень
С живою королевой больше схож,
Чем спящий с мертвецом. Вы посмотрите!

Распахивается занавес и открывает Г е р м и о н у, стоящую
на пьедестале в виде статуи.

Молчанье ваше — признак восхищенья,
Но все-таки скажите что-нибудь.
Вам слово, государь! Она похожа?

Л е о н т

Непостижимо! О прекрасный мрамор,
Когда б я мог услышать твой укор
И радостно воскликнуть: Гермiona!
Но ты молчишь, ты упрекать не можешь,
И тем вдвойне похож ты на нее.
Но все ж таких морщин у Гермiony
Я, Паулина, что-то не припомню.
Она здесь много старше.

П о л и к с е н

Это верно.

П а у л и н а

Тем прозорливей наш великий мастер.
Он на шестнадцать лет ее состарил,
Как если бы она не умерла.

Л е о н т

Такой она была бы мне на радость.
А ныне я, живое знавший тело,
Пред равнодушным мрамором стою
И не могу холодное величье
Склонить мольбой к любви, к ответной ласке.
Позор, позор! Она как будто молвит:
Не я из камня сделана, а ты.
Но это колдовство! В ней все живое!
Я вспоминаю... Дочь моя, смотри,
Ты веришь ли? Но что с тобой, Утрата,
И ты подобно статуе стоишь...

У т р а т а

Мой государь, позвольте мне — не знаю...
Позвольте стать пред нею на колени
И попросить ее благословенья.
О мать, о дорогая королева,
Дай руку мне твою поцеловать!

П а у л и н а

Не прикасайтесь! Краски еще влажны.

К а м и л л о

**О государь! Пора изгнать печаль!
Ужель шестнадцать лет ее не стерли!
Какое счастье может столько жить,
Какое горе вправе столько длиться!**

П о л и к с е н

**Мой милый брат, о, если бы я знал,
Как облегчить твоей печали бремя,
Взять хоть частицу горя твоего!**

П а у л и н а

**Когда б я знала, государь, что вас
Так опечалит это изваянье,
Нет, я бы вам его не показала!**

Л е о н т

Не закрывай!

П а у л и н а

**Нельзя смотреть так долго,
Не то воображение вас обманет
И вам она покажется живой.**

(Хочет задернуть занавес.)

Л е о н т

Оставь, оставь! Но, боги, что за чудо!
Кто создал эту статую? Смотри:
Она ведь дышит! Разве в этих жилах
Не бьется кровь?

П о л и к с е н

Прекрасное творенье!
Мне чудится улыбка на губах.

Л е о н т

Глаза блестят, какая мощь искусства!

П а у л и н а

Нет, я закрою! Право — государь
Подумать может, что она живая.

Л е о н т

О Паулина, если я обманут,
Пускай обман продлится двадцать лет!
Да есть ли счастье больше на земле,
Чем это счастье моего безумья!

П а у л и н а

Мне жаль вас, государь, так долго мучить,
Вам волноваться вредно.

Л е о н т

Ах, оставь!

Что сладостней подобного мученья!
А все-таки она, клянусь вам, дышит.
Вы надо мною можете смеяться,
Но я хочу ее поцеловать.

П а у л и н а

Да что вы, государь! Остановитесь!
Ведь краска на губах еще свежа.
Вы можете гармонию нарушить.
Уж лучше я задерну.

Л е о н т

Перестань!

Я двадцать лет могу смотреть.

У т р а т а

Я тоже!

Готова здесь не меньше простоять!

П а у л и н а

Иль уходите, или приготовьтесь
И не такие чудеса увидеть.
Да! Если хватит мужества у вас,
Я изваянье двигаться заставлю —

Барельеф Джотто и Андреа Пизано

Сойти и взять вас за руку. Но только
Прошу вас не подумать, государь,
Что я тут занимаюсь чернокнижьем.

Л е о н т

Все, что ты в силах, сделай, Паулина!
Сойти велишь ей — буду я смотреть.
Велишь ей говорить — я буду слушать.
О, ты ведь можешь! Пусть сойдет на землю,
Пусть говорит!

П а у л и н а

Согласна, государь.
Но вы должны всем сердцем верить чуду.
Не шевелитесь. Тот, кто хочет видеть
Здесь колдовство, пускай уйдет.

Л е о н т

— Мы верим

И жаждем чуда.

П а у л и н а

Музыка, играй!

Музыка.

Пора, проснись! Не будь отныне камнем!
Покинь свой склеп для радостного солнца!
Приди в объятия дружбы и любви!

Приди, мы ждем! Лишь мертвые недвижны,
Но движется и дышит тот, кто жив.

Гермиона сходит с пьедестала.

Она сошла. Подходит. Не пугайтесь.
Как темным чарам замысел мой чужд,
Так все с живой природой в ней согласно.
Теперь до гроба с ней не разлучайтесь,
Иль королеву вы убьете вновь.
Мой государь, прошу вас, дайте руку.
Когда-то вы ее руки просили,
Теперь супруга вашей ждет руки.

Л е о н т
(обнимает ее)

О, теплая! Пусть это волшебство.
Ему я верю, как самой природе.

П о л и к с е н

Она его целует!

К а м и л л о

Обнимает!

Она жива! Так что ж она молчит?

П о л и к с е н

Пусть нам расскажет, где она таилась
И как была похищена у смерти.

П а у л и н а

Ведь вы лжецом назвали бы любого,
Кто вам сказал бы, что она жива.
Но видите: жива, хотя молчит.
Так потерпите!— Милая принцесса,
Склонитесь перед матерью своей,
Просите у нее благословенья.—
Вот ваша дочь!

Утрата падает на колени перед Гермией.

Г е р м и о н а

О, посмотрите, боги!
Пролейте благодать на дочь мою!
Кто спас тебя, дитя мое, скажи мне!
Где ты жила? Как ты нашла отца?
От верной Паулины я узнала,
Что Аполлон предрек тебе спасенье,
И для тебя я сохранила жизнь.

П а у л и н а

Она вам все расскажет, будет время!
Не омрачайте этот светлый миг
Минувшим горем. Милые счастливы,
Идите во дворец. Пусть вашу радость
Разделит весь народ. А я останусь,
Чтоб, как голубка на засохшей ветке,

Английская актриса Уорнер в роли статуи Гермiony

Оплакивать покойного супруга,
С которым встречусь только в лучшем мире.

Л е о н т

Нет, Паулина, победи печаль!
Жену мне выбрать я тебе позволил,
Позволь мне выбрать мужа для тебя.
Где ты нашла жену мою — не знаю
И не могу понять, ведь каждый день,
Молясь, я плакал на ее могиле.
Но мужа мне искать недалеко,
Тебя он ждет.— Ну, подойди, Камилло.
Дай руку той, чей ум и добродетель
Прославила молва и подтверждают
Два короля. Идемте во дворец.—
Что? Гермiona! Ты на брата смотришь?
Простите же меня. Вы оба чисты,
А я безумец. Вот твой юный зять,
Сын короля. Он волею богов
Помолвлен с нашей дочерью.— Идемте.—
Веди нас, дорогая Паулина,
Туда, где мы за дружеским столом
Расспросим и расскажем по порядку,
Где каждый был, как жил он эти годы.—
Не правда ли, пора за пир, друзья!

Уходят.

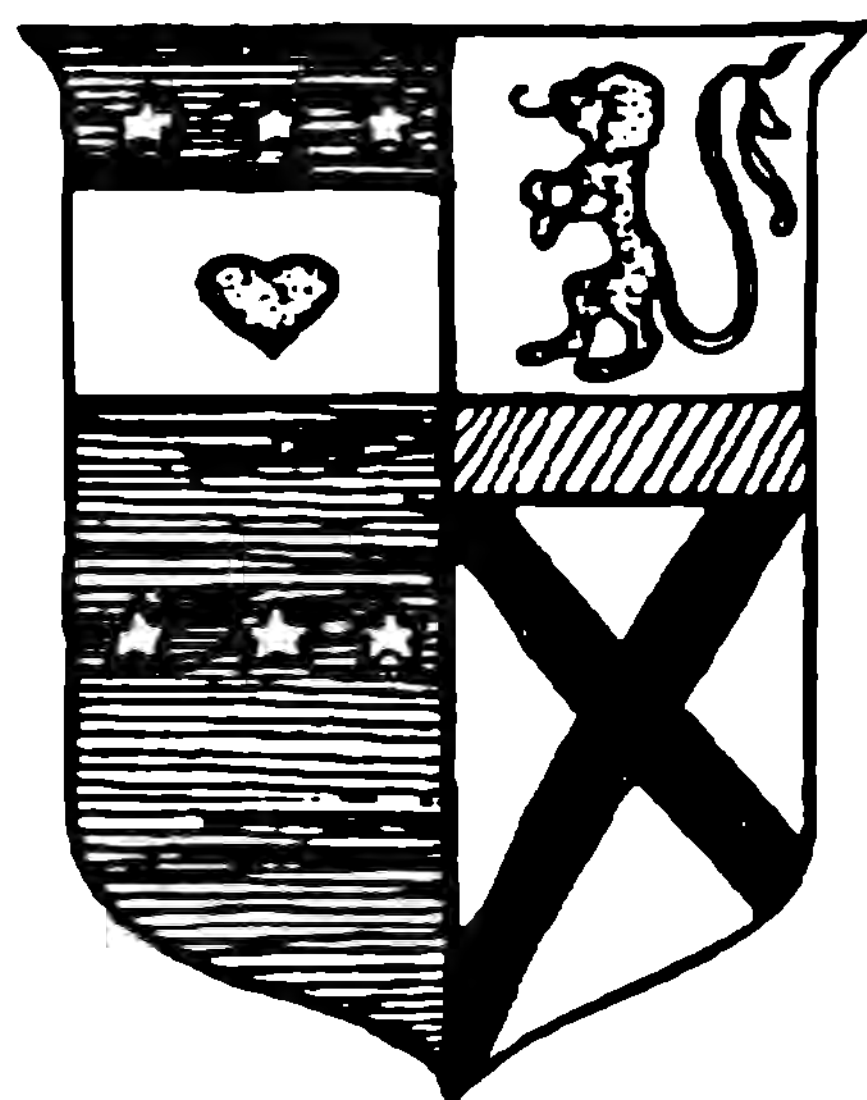

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Буря

трагедия в V актах

Перевод Мих. Донского

Действующие лица

А л о н з о, король Неаполитанский.

С е б а с т ь я н, его брат.

П р о с п е р о, законный герцог Миланский.

А н т о н и о, его брат, незаконно захвативший власть
в Миланском герцогстве.

Ф е р д и н а н д, сын короля Неаполитанского.

Г о н з а л о, старый честный советник
короля Неаполитанского.

А д р и а н

Ф р а н ц и с к о | придворные.

К а л и б а н, раб, уродливый дикарь.

Т р и н к у л о, шут.

С т е ф а н о, дворецкий, пьяница.

К а п и т а н корабля.

Б о ц м а н.

М а т р о с ы.

М и р а н д а, дочь Просперо.

А р и э л ь, дух воздуха.

И р и д а

Ц е р е р а

Ю н о н а

Н и м ф ы

Ж н е ц ы

| духи.

Д р у г и е д у х и, покорные Просперо.

Место действия — корабль в море, остров.

АКТ I

Сцена 1

Корабль в море. Буря. Гром и молния.

Входят капитан корабля и боцман.

Капитан. Боцман!

Боцман. Слушаю, капитан.

Капитан. Зови команду наверх! Живей за дело, не то мы
валетим на рифы. Скорей!.. Скорей!..

Капитан уходит; появляются матросы.

Боцман. Эй, молодцы!.. Веселей, ребята, веселей!.. Жи-
о! Убрать марсель!.. Слушай капитанский свисток!.. Ну, те-
ерь, ветер, тебе просторно — дуй, пока не лопнешь!

Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Фердинанд,
Гонзало и другие.

Алонзо. Добрый боцман, мы полагаемся на тебя. А где
капитан? Мужайтесь, друзья!

Боцман. А ну-ка, отправляйтесь вниз.

Антонио. Боцман, где капитан?

Боцман. А вам его не слышно, что ли? Вы нам мешаете!

Отправляйтесь в каюты! Видите, шторм разыгрался? А тут еще вы...

Гонзало. Полегче, любезный, усмирись!

Боцман. Когда усмирится море!.. Убирайтесь! Этим ревущим валам нет дела до королей! Марш по каютам!.. Молчать!.. Не мешайте!..

Гонзало. Все-таки помни, любезный, кто у тебя на борту.

Боцман. А я помню, что нет никого, чья шкура была бы мне дороже моей собственной! Вот вы, советник. Может, посоветуете стихиям утихомириться? Тогда мы и не дотронемся до снастей. Ну-ка, употребите вашу власть! А коли не беретесь, то скажите спасибо, что долго прожили на свете, проваливайте в каюту да приготовьтесь: неровен час, случится беда.— Эй, ребята, пошевеливайся!— Прочь с дороги, говорят вам!

Все, кроме Гонзало, уходят.

Гонзало. Однако этот малый меня утешил: он отъявленный висельник, а кому суждено быть повешенным, тот не утонет. О Фортуна, дай ему возможность дожить до виселицы! Сделай предназначенную для него веревку нашим якорным канатом: ведь от корабельного сейчас пользы мало. Если ему не суждено быть повешенным, мы пропали.

Гонзало уходит, боцман возвращается.

Боцман. Опустить стеньгу! Живо! Ниже! Ниже!.. Попробуем идти на одном гроте.

Слышен крик.

Заглавная виньетка к "Буре". Художник Дж.Джилберт

Чума задави этих горлодеров! Они заглушают и бурю, и капитанский свисток!

Возвращаются Себастьян, Антонио и Гонзало.

Опять вы тут? Чего вам надо? Что же, бросить все из-за вас и идти на дно? Вам охота утонуть, что ли?

Себастьян. Язва тебе в глотку, проклятый горлан! Нечестивый безжалостный пес — вот ты кто!

Боцман. Ах так? Ну и работайте тогда сами!

Антонио. Подлый трус! Мы меньше боимся утонуть, чем ты, грязный ублюдок, наглая ты скотина!

Гонзало. Он-то уж не потонет, если б даже наш корабль был не прочней ореховой скорлупы, а течь в нем было бы так же трудно заткнуть, как глотку болтливой бабы.

Боцман. Держи круче к ветру! Круче! Ставь грот и фок! Держи в открытое море! Прочь от берега!

Вбегают промокшие матросы.

Матросы. Мы погибли! Молитесь! Погибли! (Уходят.)

Боцман. Неужто нам придется рыб кормить?

Гонзало

Король и принц мольбы возносят к богу.
Наш долг быть рядом с ними.

Себастьян

Я взбешен.

Антонио

Нас погубила эта шайка пьяниц!..

Горластый пес! О, если б утонул
Ты десять раз подряд, избитый морем!

Г о н з а л о

Нет, поручусь, — он виселицей кончит,
Хотя бы все моря и океаны
Уговорились потопить его!

Г о л о с а (внутри корабля). Спасите!.. Тонем! Тонем!.. Прощайте, жена и дети! Брат, прощай!.. Тонем! Тонем! Тонем!..

А н т о н и о

Погибнем рядом с королем!

Все, кроме Гонзало, уходят.

Г о н з а л о. Я бы променял сейчас все моря и океаны на один акр бесплодной земли — самой негодной пустоши, заросшей вереском или дроком. Да свершится воля господня! Но все-таки я бы предпочел умереть сухой смертью! (Уходит.)

Сцена 2

Остров. Перед пещерой Просперо.

Входят Просперо и Миранда.

М и р а н д а

О, если это вы, отец мой милый,
Своею властью взбунтовали море,
То я молю вас усмирить его.

Казалось, что горящая смола
Потоками струится с небосвода;
Но волны, достигавшие небес,
Сбивали пламя. О, как я страдала,
Страданья погибавших разделяя!
Корабль отважный, где, конечно, были
И честные и праведные люди,
Разбился в щепы. В сердце у меня
Звучит их вопль. Увы, они погибли!
Была бы я всемогущим божеством,
Я море ввергла бы в земные недра
Скорей, чем поглотить ему дала бы
Корабль с несчастными людьми.

П р о с п е р о

Утешься!

Пусть доброе твое не стонет сердце:
Никто не пострадал.

М и р а н д а

Ужасный день!

П р о с п е р о

Никто не пострадал. Я все устроил,
Заботясь о тебе, мое дитя,—
О дочери единственной, любимой!
Ведь ты не знаешь — кто мы и откуда.

Что ведомо тебе? Что твой отец
Зовется Просперо и что ему
Принадлежит убогая пещера.

М и р а н д а

Расспрашивать мне в мысль не приходило.

П р о с п е р о

Настало время все тебе открыть.
Но помоги мне снять мой плащ волшебный!

(Снимает плащ.)

Лежи, могущество мое.

(Миранде.)

Утешься,

Отри, Миранда, слезы состраданья:
Столь бедственное кораблекрушенье,
Которое оплакиваешь ты,
Я силою искусства своего
Устроил так, что все остались живы.
Да, целы все, кто плыл на этом судне,
Кто погибал в волнах, зовя на помощь,
С их головы и волос не упал.
Садись и слушай: все сейчас узнаешь.

М и р а н д а

Вы часто собирались мне открыть,
Кто мы; и прерывали свой рассказ
Словами: “Нет, постой, еще не время...”

П р о с п е р о

Но пробил час — внимай моим речам.
Когда в пещере поселились мы,
Тебе едва исполнилось три года,
И ты, наверное, не можешь вспомнить
О том, что было прежде.

М и р а н д а

Нет, я помню.

П р о с п е р о

Ты помнишь? Что же? Дом или людей?
Поведай обо всем, что сохранила
Ты в памяти своей.

М и р а н д а

Так смутно-смутно,
Скорей на сон похоже, чем на явь,
Все то, что мне подсказывает память.
Мне кажется, что будто бы за мной
Ухаживали пять иль шесть прислужниц.

П р о с п е р о

И более. Но как в твоём сознание
Запечатлелось это? Что еще
В глубокой бездне времени ты видишь?

Миранда просит Просперо усмирить бурю. С картины Г.Гофмана

Быть может, помня, что происходило
До нашего прибытия на остров,
Ты вспомнишь, как мы очутились здесь?

М и р а н д а

Нет, не могу, отец!

П р о с п е р о

Двенадцать лет!
Тому назад двенадцать лет, дитя,
Родитель твой был герцогом миланским,
Могущественным князем.

М и р а н д а

Как? Так вы

Мне не отец?

П р о с п е р о

От матери твоей,
В которой воплотилась добродетель,
Я знаю, что ты дочь моя. И все же
Был герцогом миланским твой отец,
А ты — наследницей его владений.

М и р а н д а

О небеса! Какое же коварство
Нас привело сюда? Иль, может, счастье?

П р о с п е р о

То и другое вместе: нас изгнало
Коварство, счастье — привело сюда.

М и р а н д а

Ах! Сердце кровью облилось при мысли
О том, что я напостила невольню
Вам горести былые... Что же дальше?

П р о с п е р о

Мой младший брат Антонио, твой дядя...
Узнай, Миранда, что и брат родной
Порой врагом бывает вероломным!..
Его любил я больше всех на свете
После тебя; я поручил ему
Делами государства управлять.
В то время герцогство мое считалось
Первейшим из владений италийских,
А Просперо — первейшим из князей,
В науках и в искусствах умудренным.
Занятными своими поглощен,
Бразды правленья передал я брату
И вовсе перестал вникать в дела.
И тут, Миранда, твой коварный дядя...
Ты слушаешь меня?

М и р а н д а

Со всем вниманьем!

П р о с п е р о

Он изучил, когда на просьбы надо
Согласьем отвечать, когда — отказом;
Кого приблизить, а кого сослать.
Он слуг моих себе служить заставил,
Переманил к себе моих друзей;
Держа в руках колки от струн душевных,
Он все сердца на свой настроил лад.
Вкруг моего державного ствола
Обвился он, как цепкая лиана,
И высосал все соки...

М и р а н д а

Ах, отец!

П р о с п е р о

Но слушай дальше. Отойдя от дел,
Замкнувшись в сладостном уединенье,
Чтобы постичь все таинства науки,
Которую невежды презирают,
Я разбудил в своем коварном брате
То зло, которое дремало в нем.
Как, балуя, отец ребенка губит,
Так в нем мое безмерное доверье
Взрастило вероломство без границ.
Брат, опьяненный герцогскою властью,
Могуществом, богатством, и почетом,

И всеми атрибутами величья,
Которые ему я предоставил,
Как своему наместнику, решил,
Что он воистину миланский герцог:
Так лжец, который приучил себя
Кривить душой, быть с истиной в разладе,
Подчас в свою неправду верит сам.
Все возрастало честолюбие брата...
Ты слушаешь, Миранда?

М и р а н д а

Ваш рассказ

Заставит и глухого исцелиться!

П р о с п е р о

Он грань хотел стереть меж тем, чем был
И чем казался; он хотел Миланом
Владеть один, всецело, безраздельно.
Ведь Просперо — чудака! Уж где ему
С державой совладать? С него довольно
Его библиотеки!.. И настолько
Мой брат стал жаждой власти одержим,
Что с королем Неаполя стакнулся:
Дань обещал выплачивать ему,
Признать себя вассалом королевским
И подчинить свободный мой Милан —
Увы, неслыханное унижение —
Короне неаполитанской...

М и р а н д а

Боже!

П р о с п е р о

**За это выторговал он... Скажи-ка,
Не изверг ли? И это брат родной!**

М и р а н д а

**Я вашу матушку не осужу:
Злодеев носит и благое чрево.**

П р о с п е р о

**Итак, каков же был позорный торг?
Король Неаполя, мой враг заклятый,
С Антонио о том договорился,
Чтобы в обмен на денежную дань,
На подчиненье герцогства короне
Отдать изменнику мои права
И титул герцогский, изгнав меня
И весь мой род навеки из Милана.
Так и сбылось: в условленную ночь
Открыл мой брат ворота городские,
Своих пособников впустил в Милан,
И в ту же ночь нас увезли в изгнание
Его клеветы. Ты рыдала горько...**

М и р а н д а

Увы! Не помню, как тогда рыдала,

Но заново сейчас об этом плачу:
Для слез моих достаточно причин.

П р о с п е р о

Еще немного потерпи — и повесть
Я доведу до нынешнего дня;
Иначе мой рассказ без смысла будет.

М и р а н д а

Но почему же нас не умертвили?

П р о с п е р о

Законен твой вопрос. Они не смели!
Народ меня любил. Они боялись
Запачкаться в крови; сокрыть хотели
Под светлой краской черные дела.
Итак, поспешно вывезя на судне,
В открытом море нас пересадили
На полусгнивший остов корабля
Без мачты, без снастей, без парусов,
С которого давно бежали крысы,
И там покинули, чтоб нашим стонам
Печально вторя, рокотали волны,
А вздохи ветра нашим вздохам,
Нас отдаляли от земли...

М и р а н д а

О ужас!

И я была обузой вам!

П р о с п е р о

Напротив,
Ты ангелом-хранителем была!
Божественным неведеньем сияя,
Ты кротко улыбалась мне, в то время
Как я стонал и слезы проливал
Под бременем обрушившейся скорби.
Твоя улыбка придала мне силы
И укрепила мужество мое.

М и р а н д а

Но как спаслись мы?

П р о с п е р о

Волей провиденья.
Один вельможа неаполитанский,
По имени Гонзало, тот, кому
Отправить нас на гибель поручили,
Из состраданья наделил нас пищей
И пресною водой, дал нам одежду
И все необходимые припасы.
К тому же, зная, как я дорожу
Своими книгами, он мне позволил
С собою захватить те фолианты,
Что я превыше герцогства ценю.

М и р а н д а

Ах, если б я могла его увидеть!

П р о с п е р о

Теперь я встану!

(Надевает свой плащ.)

Ты же, дочь моя,
Сиди и слушай о конце скитаний.
На этот остров выбросило нас.
И тут я стал учителем твоим —
И ты в науках преуспела так,
Как ни одна из молодых принцесс,
У коих много суетных занятий
И нет столь ревностных учителей.

М и р а н д а

Вам воздадут за это небеса!
Но я, отец, еще не понимаю,
Зачем вы бурю вызвали?

П р о с п е р о

Узнай!

Случилось так, что щедрая Фортуна,
Теперь благоволящая ко мне,
Врагов моих направила сюда.
Исчислил я, что для меня сегодня
Созвездия стоят благоприятно;
И если упущу я этот случай,
То счастье вновь меня не посетит.
Но больше мне не задавай вопросов.

Ты хочешь спать. То будет сон благой.
Ему сопротивляться ты не в силах.

Миранда засыпает.

Сюда, ко мне, слуга мой и помощник!
Я жду тебя! Приблизься, Ариэль!

Появляется Ариэль.

Ариэль

Приветствую тебя, мой повелитель!
Готов я сделать все, что ты прикажешь:
Плыть по волнам, иль ринуться в огонь,
Иль на кудрявом облаке помчаться.
Вели — и все исполнит Ариэль!

Просперо

Ты выполнил ли все мои приказы
О буре?

Ариэль

Сделал так, как ты велел.
На королевский я напал корабль;
Повсюду там — от носа до кормы,
На палубе, и в трюме, и в каютах —
Я сеял ужас; пламенем взвивался
На мачте, на бушприте и на реях.
Быстрей, неуловимей не бывают
И молнии, которые Юпитер

Книжная рамка эпохи Ренессанса

Шлет как предгеч раскатов громовых.
И от сверканья, грохота и дыма
Затрепетал в пучине сам Нептун,
Его трезубец грозный задрожал,
И в ужасе взметнулись к небу волны.

П р о с п е р о

Прекрасно! Кто ж остался духом тверд?
В сумятице кто сохранил рассудок?

А р и э л ь

Никто. Все обезумели от страха
И начали бессмысленно метаться.
Все друг за другом, кроме моряков,
Кидаться стали в пенистую бездну,
Чтобы спастись от пламени пожара,
Который я зажег на корабле.
Сын королевский, Фердинанд, был первым,
И волосы его стояли дыбом,
Когда он прыгнул в волны, закричав:
“Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!”

П р о с п е р о

Вот как? Но берег был недалеко?

А р и э л ь

Да, господин.

П р о с п е р о

И все они спаслись?

А р и э л ь

Все невредимы. Даже их одежда
Не тронута, ни пятнышка на ней.
Как ты мне повелел, я разбросал их
По острову; а королевский сын
Оставлен мной один в пустынном месте —
Вздыхает он, в тоске ломая руки.

П р о с п е р о

Что с королевским кораблем ты сделал,
С матросами и с флотом остальным?

А р и э л ь

Корабль стоит на якоре в той бухте,
Куда меня призвал ты как-то в полночь
Сбирать росу Бермудских островов.
Весь экипаж я крепко запер в трюме:
Там моряки усталостью своей
И волшебством моим усыплены.
А королевский флот, который я
По морю Средиземному рассеял,
Соединился вновь и держит путь
Домой, в Неаполь, с грустными вестями:
Ведь все видали, что корабль разбился
И что король погиб.

П р о с п е р о

Так, Ариэль!

**Ты порученье выполнил отлично.
Но дело есть еще. Который час?**

А р и э л ь

Уже за полдень.

П р о с п е р о

Два часа, не меньше.

А до шести должны мы все успеть.

А р и э л ь

**Ты шлешь меня на новые труды?
Позволь же, господин, тогда напомнить:
Ведь ты мне обещал...**

П р о с п е р о

Как? Недовольство?

Чего ты хочешь от меня?

А р и э л ь

Свободы!

П р о с п е р о

**Чтоб я тебя до срока отпустил?
И слышать не хочу о том.**

А р и э л ь

Но вспомни —

Тебе служил я преданно и честно,
Без лени, без ошибок, без обмана,
И жалоб от меня ты не слышал.
Ты обещал меня освободить
За год до срока.

П р о с п е р о

Ах, неблагодарный!
Забыл ты, от каких мучений страшных
Я спас тебя?

А р и э л ь

О нет!

П р о с п е р о

Нет, ты забыл!
А разве сделанное мной добро
Того не стоит, чтобы, мне служа,
Ты в бездну вод соленых погружался,
Летел на крыльях северного ветра
Иль пробивался в скованные льдом
Земные недра?

А р и э л ь

Стоит, господин.

П р о с п е р о

О лживый дух, ты все забыл. Припомни
Ужасную колдунью Сикораксу,
Которая от старости и злобы
В дугу согнулась! Помнишь ты ее?

А р и э л ь

Да, господин.

П р о с п е р о

Где родилась она?
Ну, отвечай!

А р и э л ь

В Алжире.

П р о с п е р о

Так. Раз в месяц

Тебе о ней напоминать я должен.
За колдовство и разные злодеяния,
О коих мне и говорить противно,
Изгнали Сикораксу из Алжира.
Но все-таки оставили ей жизнь,
Не знаю уж за что. Ну, так ли это?

А р и э л ь

Да, господин.

П р о с п е р о

Матросы эту ведьму

С ее исчадьем привезли сюда.
Теперь — мой раб, ты ей тогда служил.
Но ты был слишком чист, чтоб выполнять
Ее приказы скотские и злые;
Нередко проявлял ты непокорство.
И вот колдунья в ярости своей,
Призвав на помощь более послушных
И более могущественных духов,
В расщелине сосны тебя зажала,
Чтоб там ты мучился двенадцать лет.
Тот срок истек, но умерла колдунья,
А ты остался в тягостной тюрьме
И воплями весь остров оглашал.
Тогда еще здесь не было людей,
Коль не считать поганого отродья
Проклятой ведьмы; он один здесь жил.

А р и э л ь

Да, Калибан здесь жил тогда один.

П р о с п е р о

Тот самый Калибан, тупой и темный,
Которого держу я для услуг.
Ты помнишь ли, в каких жестоких муках
Ты изнывал, когда сюда я прибыл?

Твоим стенаньям вторя, были волки,
Внушал ты жалость яростным медведям —
То были муки ада. Сикоракса
Уж не могла тебя освободить.
Но я, прибыв сюда, своим искусством
Сосну разверз и выпустил тебя.

А р и э л ь

Тебе я благодарен, господин.

П р о с п е р о

Но станешь мне перечить — расщеплю
Я узловатый дуб, и в нем ты будешь
Еще двенадцать лет вопить от боли.

А р и э л ь

О, пощади! Тебе я повинуюсь!

П р о с п е р о

Ну, то-то же. Еще два дня послужишь,
И я тебя на волю отпущу.

А р и э л ь

О мой великодушный повелитель!
Приказывай! Что делать мне? Скажи!

П р о с п е р о

Ступай и обернись морскою нимфой.
До времени будь видим только мне

И больше никому. В обличье этом
Вернись сюда. Ступай же. Торопись.

Ариэль исчезает.

Проснись, дитя! Твой сон был благодатен.
Проснись!

М и р а н д а
(просыпается)

Отец, чудесный ваш рассказ
Меня сковал какой-то странной дремой.

П р о с п е р о

Стряхни ее с себя. Вставай, Миранда.
Теперь позвать нам нужно Калибана,
Хоть от него мы, верно, не услышим
Ни слова доброго.

М и р а н д а

Он груб и страшен.
Я не люблю встречаться с ним, отец.

П р о с п е р о

Но без него мы обойтись не можем:
Он носит нам дрова, огонь разводит
И делает всю черную работу.
Эй, Калибан! Ты, грубая скотина!
Откликнись, раб!

К а л и б а н
(за сценой)

Еще там хватит дров.

П р о с п е р о

Раз я зову — тебе найдется дело.
Ну, черепаха, шевелись быстрее!
Кому я говорю?

Появляется А р и э л ь в облике морской нимфы.

Мой Ариэль! Чудесное виденье!
Послушай же...

(Шепчет Ариэлю на ухо.)

А р и э л ь

Исполню, господин.

(Исчезает.)

П р о с п е р о

Эй, грязный раб! Ублюдок злобной ведьмы
И дьявола! Живей иди сюда!

Входит К а л и б а н.

К а л и б а н

Пускай на ваши головы падет
Зловредная роса, что мать сбирала
Пером совиным с гибельных болот!

Пусть ветер юго-западный покроет
Вам тело волдырями!

П р о с п е р о

За эту брань ты дорого заплатишь!
Всю ночь — попомни это — будут духи
Тебя колоть и судорогой корчить.
От их щипков ты станешь ноздреватым,
Как сот пчелиный, и щипки их будут
Еще больнее, чем укусы пчел.

Сикоракса вколачивает Ариэля в расщеп сосны. Рисунок Дж.Джилльберта

К а л и б а н

Ты даже и поесть мне не даешь!..
Я этот остров получил по праву
От матери, а ты меня ограбил.
Сперва со мной ты ласков был и добр,
Ты вкусным угощал меня напитком,
Ты научил меня, как называть
И яркое и бледное светила,
Которые нам светят днем и ночью,
И я тебя за это полюбил,
Весь остров показал и все угоды:
И пастбища, и соляные ямы,
И родники... Дурак я! Будь я проклят!..
Пусть нападут на вас нетопыри,
Жуки и жабы — слуги Сикораксы!..
Сам над собою был я господином,
Теперь я — раб. Меня в нору загнали,
А остров отняли!

П р о с п е р о

Ты лживый раб!
С тобой добром не сладишь, только плетью.
Сначала я с тобою обращался,
Хоть ты животное, как с человеком.
Ты жил в моей пещере. Но потом
Ты дочь мою замыслил обесчестить!

К а л и б а н

Хо-хо! Хо-хо! А жаль, не удалось!
Не помешай ты мне — я населил бы
Весь остров Калибанами.

П р о с п е р о

Презренный!

Нет, добрых чувств в тебе не воспитать,
Ты гнусный раб, в пороках закосневший!
Из жалости я на себя взял труд
Тебя учить. Невежественный, дикий,
Ты выразить не мог своих желаний
И лишь мычал, как зверь. Я научил
Тебя словам, дал знание вещей.
Но не могло ученье переделать
Твоей животной, изменной природы.
И за нору меня благодари.
Ты стоишь кары злейшей, чем темница.

К а л и б а н

Меня вы научили говорить
На вашем языке. Теперь я знаю,
Как проклипать, — спасибо и за это.
Пусть унесет чума обоих вас
И ваш язык.

П р о с п е р о

Отродье ведьмы, сгинь!

Дров принеси. Да поживее, слышишь?
Еще работа будет. Что? Кривишься?
Смотри, за нерадивость и за лень
Нашлю я корчи на тебя и кости
Заставлю ныть. Так заревешь от боли,
Что звери испугаются.

К а л и б а н

Нет! Сжался!

(В сторону.)

Пока смирюсь. Сильна его наука.
Ему подвластен даже Сетебос,
Бог матери моей.

П р о с п е р о

Ступай же, раб!

Калибан уходит. Появляется невидимый А р и э л ь,
он поет в сопровождении музыки; за ним следует Ф е р д и н а н д.

А р и э л ь

(поет)

Духи гор, лесов и вод,

Все в хоровод!

Утихло море.

В легкой пляске, с плеском рук

Сомкните круг,

Мне дружно вторя!

Внимайте!

Д у х и
(со всех сторон)

Гау! Гау!

А р и э л ь

Псы сторожевые, лайте!

Д у х и
Гау! Гау!

А р и э л ь

Внимайте!
Море смолкло, даль тиха,
Слышно пенье петуха!
Кукареку!

Ф е р д и н а н д

Откуда эта музыка? С небес
Или с земли? Теперь она умолкла.
То, верно, гимны здешним божествам.
Я, смерть отца оплакивая горько,
Сидел на берегу. Вдруг по волнам
Ко мне подкрались сладостные звуки,
Умерив ярость волн и скорбь мою.
Я следую за музыкой; вернее,
Она меня влечет... Она умолкла.
Нет, вот опять.

А р и э л ь
(*поет*)

Отец твой спит на дне морском,
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощен.
Чу! Слышен похоронный звон!

Д у х и

Дин-дон, дин-дон!

А р и э л ь

Морские нимфы, дин-дин-дон,
Хранят его последний сон.

Ф е р д и н а н д

Поется в песне о моем отце!
Не могут быть земными эти звуки,
Они сюда нисходят с высоты.

П р о с п е р о
(*Миранде*)

Приподними же занавес ресниц,
Взгляни туда.

М и р а н д а

Что это? Дух? О боже,
Как он прекрасен! Правда ведь, отец,
Прекрасен он? Но это лишь виденье!

П р о с п е р о

О н е т, д и т я, о н н а м в о в с е м п о д о б е н:
И с п и т, и е с т, и ч у в с т в у е т, к а к м ы.
О н с п а с с я в п л а в ь п р и к о р а б л е к р у ш е н ь е;
З д е с ь и щ е т о н т о в а р и щ е й п р о п а в ш и х.
К о г д а б ы т o л ь к о с к о р б ь, в р а г к р а с о т ы,
Н е и с к а ж а л а ч е р т е г о л и ц а,
Т ы н а з в а л а б ы ю н о ш у к р а с и в ы м.

М и р а н д а

Б о ж е с т в е н н ы м е г о б я н а з в а л а!
Н е т н а з е м л е с у щ е с т в т а к и х п р е к р а с н ы х!

П р о с п е р о
(в сторону)

С л у ч и л о с ь в с е, к а к я п р е д н а ч е р т а л.
М о й А р и э л ь и с к у с н ы й! Я з а э т о
Ч е р е з д в а д н я т е б я о с в о б о ж у.

Ф е р д и н а н д

Т а к в о т о н а, б о г и н я, в ч е с т ь к о т о р о й
З в у ч а л т о т г и м н!... О т в е т о м у д о с т о й:

Ты здесь, на этом острове, живешь?
Что делать мне велишь? Вопрос последний,
Но главный для меня: скажи мне, чудо,
Ты фея или смертная?

М и р а н д а

Синьор!

Я девушка простая. Я не чудо.

Ф е р д и н а н д

Как? Мой родной язык! Но если б я
Был там, где говорят на нем, — я был бы
Из всех, кто говорит на нем, первейшим!

П р о с п е р о

Первейшим? Ну, а если б услышал
Тебя король Неаполя?

Ф е р д и н а н д

Он слышит,

Дивясь, что вдруг ты вспомнил про Неаполь:
Увы, король Неаполя — я сам.
Мои глаза с тех пор не просыхали,
Как видели, что мой отец, король,
Погиб в морских волнах.

М и р а н д а

Увы! Несчастный!

Ф е р д и н а н д

Погибли с ним и все его вельможи,
Погиб миланский герцог вместе с сыном...

П р о с п е р о
(в сторону)

Миланский герцог с дочерью своей
Тебя легко могли бы опровергнуть...
Еще не время... С первого же взгляда
Огонь любви зажегся в их глазах...
Мой нежный Ариэль, тебе свободу
За это дам.

(Вслух.)

Послушайте, синьор!
Зачем позорите себя неправдой?

М и р а н д а

Ах, почему отец мой так суров?
Передо мною третий человек,
Которого я знаю. Но он первый,
Кто вызвал в сердце странное томленье.
Как я хочу, чтобы отец смягчился!

Ф е р д и н а н д

О, если никому своей любви
Еще не отдала ты, королевой
Неаполя я сделаю тебя.

П р о с п е р о

Держитесь поскромней, синьор!

(В сторону.)

Они

Друг другом очарованы. Но должно
Препятствия создать для их любви,
Чтоб легкостью ее не обесценить.

(Вслух.)

Я разгадал тебя: ты самозванец.
Тайком пробрался ты на этот остров,
Чтоб у меня отнять мои владенья.

Ф е р д и н а н д

О нет, клянусь!

М и р а н д а

В таком прекрасном храме
Злой дух не может обитать. Иначе
Где ж обитало бы добро?

П р о с п е р о
(Фердинанду)

Идем!

(Миранде.)

А ты не заступайся — он обманщик.

(Фердинанду.)

Идем! Тебя я в цепи закую,
Ты будешь пить одну морскую воду,

Ты будешь есть ракушки, да коренья,
Да скорлупу от желудей. Ступай!

Ф е р д и н а н д

Нет, я не подчинюсь, пока мой враг
Меня не одолеет в поединке.

*(Выхватывает меч, но чары Просперо не позволяют
ему пошевелиться.)*

М и р а н д а

Отец, к чему такое испытанье?
Вы видите: он добр, учтив и смел.

П р о с п е р о

Что? Яйца учат курицу?

(Фердинанду.)

Предатель!

Вложи свой меч в ножны! Ты мне грозишь,
Но, отягченный совестью нечистой,
Ударить не посмеешь. Брось свой меч,
Не то его я выбью этой палкой.

М и р а н д а

Отец, я умоляю!

П р о с п е р о

Прочь! Отстань!

М и р а н д а

Ах, сжальтесь! Я ручаюсь за него!

П р о с п е р о

Не возражай — во мне пробудишь ярость,
Не только гнев! Как! Под свою защиту
Ты смеешь брать обманщика!.. Молчать!
Ты видела его да Калибана
И думаешь, что он красивей всех?
Ах, глупая! С мужчинами другими
Его сравнить — он сущий Калибан,
А те пред ним — как ангелы господни.

М и р а н д а

Непритязательна моя любовь:
Он для меня достаточно красив.

П р о с п е р о
(Фердинанду)

Ступай за мною! Слышишь? Повинуйся!
Ведь ты теперь бессилен, как дитя!

Ф е р д и н а н д

Да, это так. Я скован, как во сне.
Но все — и это странное бессилье,
И смерть отца, и гибель всех друзей,

Миранда — Джессика Тенди, Просперо — Джон Гилгуд, Фердинанд —
Алек Гинесс. Театр Олд-Вик, Лондон, 1940

И плен, которым враг мне угрожает, —
Легко я снес бы, если б только знал,
Что из моей тюрьмы хотя бы мельком
Увидеть эту девушку смогу.
Пусть на земле везде царит свобода,
А мне привольно и в такой тюрьме!

П р о с п е р о
(в сторону)

Любовь овладевает им.

(Фердинанду.)
Идем!

(Ариэлю.)
Ты сделал все как должно, Ариэль!
(Фердинанду и Миранде.)
За мною оба следуйте!

(Ариэлю.)
Послушай,
Что надлежит еще тебе исполнить...
(Шепчет Ариэлю на ухо.)

М и р а н д а
(Фердинанду)

Не бойтесь: мой отец добрей и лучше,
Чем можно по речам его судить.
Не понимаю, что случилось с ним.

П р о с п е р о
(Ариэлю)

Свободен будешь ты, как горный ветер,
Когда все сделаешь, что я сказал.

А р и э л ь

Исполню все. Ты будешь мной доволен.

П р о с п е р о
(Фердинанду и Миранде)

Ступайте!

(Миранде.)
За него не смей просить!

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Другая часть острова.

Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Гонзало, Адриан,
Франсиско и другие.

Гонзало

Я вас молю — утешьтесь, государь!
Спасенью радоваться надо больше,
Чем горевать о тягостных утратах.
Несчастья такие повседневны:
Они знакомы женам моряков,
Судовладельцам и негоциантам;
Но мало кто — один на сотню тысяч —
Поведать мог бы о спасенье чудном.
И если на весы благоразумья
Печаль и утешенье положить —
Вторая чаша, верно, перетянет.

Алонзо

Прошу тебя, оставь меня в покое.

Себастьян. Эти утешения ему так же по нутру, как остывшая похлебка.

Антонио. От утешителя отделаться не так-то просто.

Себастьян. Смотрите, он заводит часы своего остроумия; сейчас они начнут бить.

Гонзало. Но, государь...

Себастьян. Раз!.. Считай.

Гонзало

Когда мы горю делаем уступки,
Ему послушно отдавая...

Себастьян. Пенни.

Гонзало. Вот именно пени — мы пеняем и жалуемся; вы сказали умнее, чем вам кажется.

Себастьян. А вы поняли меня мудрее, чем я сам.

Гонзало

Итак, мой государь...

Антонио. Тьфу, пропасть! Язык его мелет без устали.

Алонзо

Молчи, пожалуйста!

Гонзало

Молчу. Однако...

Себастьян. Однако он будет болтать.

А н т о н и о. Предлагаю побиться об заклад — кто, он или Адриан, первый начнет кукарекать.

С е б а с т ь я н. Старый петух.

А н т о н и о. Молодой кочет.

С е б а с т ь я н. А какой заклад?

А н т о н и о. Смех.

С е б а с т ь я н. Идет.

А д р и а н. Хотя этот остров, по-видимому, необитаем...

С е б а с т ь я н. Ха-ха-ха!

А н т о н и о. Ну вот ты со мной и в расчете.

А д р и а н. ...и почти недосыгаем с моря...

С е б а с т ь я н. Однако.

А д р и а н. ...однако...

А н т о н и о. Без этого словца он не может обойтись.

А д р и а н. ...это местечко в известной мере не лишено приятности.

А н т о н и о. В известной Мэри? А, как же! Эта Мэри — известная потаскушка.

С е б а с т ь я н. И, как он справедливо заметил, не лишенная приятности.

А д р и а н. Здесь ветерок так нежно вздыхает...

С е б а с т ь я н. Словно у него есть легкие, да к тому же изъеденные чахоткой.

А н т о н и о. Или будто он надушен ароматами гнилого болота.

Г о н з а л о. Как все располагает к тому, чтобы здесь жить!

А н т о н и о. Совершенно верно. Только чем жить-то?

С е б а с т ь я н. Да, жить, пожалуй, нечем.

Г о н з а л о. Какая здесь пышная и сочная трава! Какая свежая зелень!

А н т о н и о. Эта голая земля и впрямь бурого цвета.

С е б а с т ь я н. С пятнами плесени.

А н т о н и о. Он не так уж отклонился от истины.

С е б а с т ь я н. Ничуть не отклонился — он просто вывернул ее наизнанку.

Г о н з а л о. Но вот что приятно на редкость...

С е б а с т ь я н. Неслыханное количество приятных редкостей.

Г о н з а л о. Наша одежда, вымокшая в море, не утратила тем не менее ни свежести, ни красок; она не только не полиняла от морской воды, но даже стала еще ярче.

А н т о н и о. Если бы хоть один из его карманов мог заговорить, то обвинил бы его во лжи.

С е б а с т ь я н. Еще бы. Если только это не фальшивый карман.

Г о н з а л о. По-моему, наше платье выглядит новехоньким, как в Африке, когда мы надели его впервые на празднество по случаю бракосочетания прекрасной дочери короля, Кларибель, с царем Туниса.

С е б а с т ь я н. Это было прелестное бракосочетание, и нам необыкновенно повезло на обратном пути.

А д р и а н. Еще никогда царицей Туниса не было подобное совершенство.

Г о н з а л о. Никогда со времен матроны Дидоны.

А н т о н и о. Матроны Дидоны? Язва ему в глотку, при чем тут эта Дидона? Матрона Дидона!

С е б а с т ь я н. Не стоит так горячиться. Хорошо, он еще не добавил, что при ней был Эней.

А д р и а н. Вы сказали — матрона Дидона? Постойте-ка, ведь она была царицей Карфагена, а не Туниса.

Г о н з а л о. Синьор, нынешний Тунис это и есть Карфаген.

А д р и а н. Карфаген?

Г о н з а л о. Да, Карфаген, смею вас уверить.

А н т о н и о. Он своей болтовней способен творить чудеса.

С е б а с т ь я н. Поднимать из праха дома и крепостные стены.

А н т о н и о. Какое еще несбыточное дело окажется для него легче легкого?

С е б а с т ь я н. Наверно, он положит этот остров себе в кармани отвезет сыну в подарок вместо яблока.

А н т о н и о. А зернышки посеет в море, и из них вырастет целая куча островов.

Г о н з а л о. Что?

А н т о н и о. Ничего. На здоровье.

Г о н з а л о. Государь, мы говорили о том, что наше платье выглядит таким же новым, как во время бракосочетания вашей дочери, царицы Туниса.

А н т о н и о. И самой редкостной царицы, которая была там когда-либо.

С е б а с т ь я н. Не забудь присовокупить — со времен матроны Дидоны!

А н т о н и о. Да, матроны Дидоны. О матрона Дидона!

Г о н з а л о. Не правда ли, ваше величество, мой камзол выглядит как с иголки?

А н т о н и о. Вернее, с рыболовного крючка.

Г о н з а л о. Как в день бракосочетания вашей дочери?

А л о н з о

Вы уши мне наполнили словами,
Противными рассудку моему.
Увы, зачем я этот брак затеял?
При возвращенье потерял я сына;
А дочь так от Неаполя далеко,
Что свидеться мне с ней не суждено.
Мой Фердинанд, мой царственный наследник!
Добычею каких морских чудовищ
Ты стал?

Ф р а н с и с к о

Быть может, государь, он жив.
Я видел, как боролся он с волнами,
Как грудью он встречал напор валов
И побеждал их бешеную ярость.
Он, голову отважную вздымая
Над пенистыми гребнями, их с силой
И с ловкостью руками рассекал
И приближался к берегу. А скалы,
Подточенные морем, перед принцем,

Как будто бы стремясь ему помочь,
Склонялись ниже. Я не сомневаюсь,
Что спасся он.

А л о н з о

Нет, нет, мой сын погиб!

С е б а с т ь я н

Что ж, государь, себя благодарите
За горькую потерю. Вы Европе
Не захотели дочь свою оставить,
Вы африканцу отдали ее.
И скрылась дочь навек из ваших глаз,
Которым остается только плакать.

А л о н з о

Прошу тебя, молчи!

С е б а с т ь я н

Мы на коленях

Вас умоляли изменить решение.
Бедняжка, чистая душа, страдала:
Покорность в ней боролась с отвращением.
Что ж вышло из того? Погиб ваш сын;
В Неаполе осталось и в Милане
Намного больше безутешных вдов,
Чем жен, которым мы вернем супругов.
И в этом виноваты только вы.

А л о н з о

Я и утратил больше, чем другие.

Г о н з а л о

Синьор, как ни похвальна прямота,
Сейчас она груба и неуместна.
Накладывать на рану должно пластырь,
А вы лишь растравляете ее.

С е б а с т ь я н

И очень хорошо!

А н т о н и о

Как истый врач.

Г о н з а л о

О государь, отчаиваться рано!
Вы пасмурны, и вот нам всем темно.

С е б а с т ь я н

Как — всем темно?

А н т о н и о

О да, весьма темно.

Г о н з а л о

Когда бы эту землю дали мне...

А н т о н и о

Засеял бы весь остров он крапивой.

С е б а с т ь я н

Репейник тут везде бы насадил.

Г о н з а л о

...И королем бы здесь я стал, то что бы
Устроил я?

С е б а с т ь я н

Уж верно, не попойку —
По той причине, что вина тут нет.

Г о н з а л о

Устроил бы я в этом государстве
Иначе все, чем принято у нас.
Я отменил бы всякую торговлю.
Чиновников, судей я упразднил бы,
Науками никто б не занимался,
Я б уничтожил бедность и богатство,
Здесь не было бы ни рабов, ни слуг,
Ни виноградарей, ни землепашцев,
Ни прав наследственных, ни доюворов,
Ни огораживания земель.
Никто бы не трудился: ни мужчины,
Ни женщины. Не ведали бы люди

Металлов, хлеба, масла и вина,
Но были бы чисты. Никто над ними
Не властвовал бы...

Бермудские острова. Из издания Найта

С е б а с т ь я н

Вот тебе и раз,
Ведь начал он с того, что он властитель!

А н т о н и о

В конце он позабыл уже начало.

Гонзало

Все нужное давала бы природа —
К чему трудиться? Не было бы здесь
Измен, убийств, ножей, мечей и копий
И вообще орудий никаких.
Сама природа щедро бы кормила
Бесхитростный, невинный мой народ.

Себастьян

А можно будет подданным жениться?

Антонио

Нет, это тоже труд. Все будут праздны:
Толпа бездельников и свора шлюх.

Гонзало

И я своим правлением затмил бы
Век золотой.

Себастьян

О, мудрый государь!

Антонио

Да здравствует король Гонзало Первый!

Гонзало

Что скажете на это, государь?

А л о н з о

Ах, перестань! Я все равно не слышу,
Вокруг меня как будто пустота.

Г о н з а л о. Я вас понимаю, ваше величество. Зато по крайней мере я дал возможность этим смешливым господам посмеяться попусту.

А н т о н и о. Попусту? То есть над вами.

Г о н з а л о. Вы так наполнены глупым шутовством, что по сравнению с вами я пуст. Можете продолжать смеяться попусту.

А н т о н и о. Вот, что называется, отбрил.

С е б а с т ь я н. Спасибо еще, что тупой бритвой.

Г о н з а л о. Я знаю, господа, что на вас угодить трудно. Если бы луна не менялась недель пять кряду, вы бы ее сбросили с неба.

Появляется невидимый А р и э л ь. Торжественная музыка.

С е б а с т ь я н. Конечно. А потом бы поохотились с факелами на птиц.

А н т о н и о. Не гневайтесь, любезный синьор.

Г о н з а л о. И не думаю. Я не так низко ценю свой гнев. Не посмеетесь ли еще, чтобы мне спалось покрепче? Что-то мне захотелось спать.

А н т о н и о. Спите и прислушивайтесь к нам во сне.

Все, кроме Алонзо, Себастьяна и Антонио, засыпают.

А л о н з о

Все спят уже? О, если б мои веки,

Сомкнувшись, отогнали злую скорбь!
Ко сну и правда клонит...

С е б а с т ь я н

Государь,
Не отвергайте сна. Он посещает
Так редко тех, кто горем удручен.
Сон — лучший утешитель.

А н т о н и о

Государь,
Вы можете здесь отдохнуть спокойно,
А мы вдвоем вас будем охранять.

А л о н з о

Благодарю... Слипаются глаза...

(Засыпает.)

Ариэль исчезает.

С е б а с т ь я н

На них напала странная сонливость.

А н т о н и о

Должно быть, климат этому причиной.

•

С е б а с т ь я н

Но почему он нас не усыпляет?
Меня ко сну не клонит.

А н т о н и о

И меня.

Заснули все, как будто сговорились.
А если бы, достойный Себастьян...
Что, если бы случилось так... Молчу!..
Но все же на лице твоём читаю
Твою судьбу. Не случай ли дает
Тебе совет? Мое воображение
Корону видит на твоём челе.

С е б а с т ь я н

Ты спишь?

А н т о н и о

А разве ты меня не слышал?

С е б а с т ь я н

Нет, слышал. Но, конечно, это сон.
Ты говорил во сне. Что ты сказал?
Ты странно спишь — с открытыми глазами:
Ты ходишь, говоришь и видишь сны —
Все сразу.

А н т о н и о

Благородный Себастьян!

Ты сам не усыпи свою фортуна,
Не умертви ее. Проспать ты можешь,
Хоть бодрствуешь.

Себастьян

Ты явственно храпишь,
Но в храпе я улавливаю смысл.

Антонио

Я не шучу. И ты, внимая мне,
Брось шутки — и возвысишься ты втрое.

Себастьян

Ну, где мне, я — стоячая вода.

Антонио

Я научу тебя, как стать потоком.

Себастьян

Учи, но не забудь — я неудачник,
В наследство получил я только лень.

Антонио

О, если б знал ты, как мечту лелеешь,
Смеясь над ней. Чем дальше ее гонишь,
Тем ближе и настойчивей она.
Что тянет неудачников на дно?
Их собственная лень и трусость.

Себастьян

Дальше!

По блеску глаз твоих, румянцу щек

Я вижу, что чреват ты важной мыслью, —
Так пусть она родится.

А н т о н и о

Хорошо.

Итак, хотя забывчивый синьор,
Которого и самого забудут
Назавтра после смерти, уверял
(Он просто страсть питает к увереньям),
Что королевский сын не утонул,
Но это так же верно, как и то,
Что сам сейчас плывет он, а не дрыхнет.

С е б а с т ь я н

Надежды нет, что спасся Фердинанд.

А н т о н и о

Надежды нет! — вот в этом и надежда!
Ведь безнадежность и дает тебе
Такую величайшую надежду,
Что даже честолюбие робеет
И на нее взирает боязливо.
Уверен ты, что Фердинанд погиб?

С е б а с т ь я н

Уверен.

А н т о н и о

Кто ж наследует корону?

С е б а с т ь я н

Дочь короля.

А н т о н и о

Тунисская царица?
Живущая за тридевять земель?
Которая, коль солнце не послужит
Ей вестником, узнает все тогда,
Когда младенец, нынче спящий в люльке,
Научится брить бороду? Принцесса,
Из-за которой смерть нас всех ждала?
О нет, не для того мы уцелели!
Все, что случилось с нами, лишь пролог
К тому, что мы с тобой должны свершить!

С е б а с т ь я н

Бессмыслица!.. Да нет!.. Так ты считаешь?..
Гм.. Кларибель, тунисская царица,—
Наследница Неаполя... Да, странно...
От одного владенья до другого
И вправду расстояние велико.

А н т о н и о

И каждый локоть водного пространства
Кричит: "Как сможет эта Кларибель
Измерить нас, чтоб вновь узреть Неаполь?"
Так пусть спокойно царствует в Тунисе.

И пусть скорее проснется Себастьян!
Взгляни на них: их сон подобен смерти;
Умри они — им не было бы хуже.
А для Неаполя король найдется
Получше этого, который спит.
Найдутся и вельможи, как Гонзало,
Чтоб мудрый вздор без умолку молоть, —
Я сам трещать сумею, как сорока.
О, если б мысль моя твоею стала,
То как их сон возвысил бы тебя!
Меня ты понимаешь?

С е б а с т ь я н

Да, как будто.

А н т о н и о

Ужель ты оттолкнешь свою фортуну?

С е б а с т ь я н

Ведь помнится, и сам ты брата сверг,
Чтоб овладеть Миланом.

А н т о н и о

Ну и что же?

Мне герцогская мантия к лицу,
А слуги Просперо, которым прежде
Я ровней был, все нынче служат мне.

С е б а с т ь я н

Да, может быть, ты прав... Но совесть?..

А н т о н и о

Совесть?

А что это? Мозоль? Так я хромал бы.
Нет, я такому богу не молюсь.
Когда бы между мною и Миланом
Не совесть — двадцать совестей легло,
Как ледники или озера лавы,
Я все равно бы их перешагнул.
Вот на земле лежит твой брат; но, спящий
Или мертвец, — он то же, что земля.
Достаточно трех дюймов этой стали —
И не проснется он; ты ж в это время
Проткнешь благоразумного святошу,
Чтоб он не вздумал нам читать мораль.
А остальные — те любую новость
Проглотят, словно кошки молоко,
И нашим песням станут подпевать.

С е б а с т ь я н

Сподвижник мой! Возьму с тебя пример!
Что сделал ты в Милане, то свершу я
В Неаполе. Так обнажи свой меч!
Удар — и ты платить не будешь дани;
Мне, королю, ты будешь первый друг!

А н т о н и о

Мы обнажим мечи одновременно.
В тот миг, когда свой меч я занесу
Над королем, — ты поражай Гонзало.

С е б а с т ь я н

Постой, еще хочу сказать два слова.

Отходят в сторону и совещаются. Музыка.
Появляется невидимый А р и э л ь.

А р и э л ь

Мой господин провидел, что грозит
Его доброжелателю опасность,
И мне он приказал спасти обоих:
Ведь с ними — замысел его умрет.

(Поет над ухом Гонзало.)

Ты крепко спишь, а в этот час
Измена не смыкает глаз
И обнажает меч.
Дремоту сбрось с тяжелых век,
Проснись, чтоб не уснуть навек
И короля сберечь!
Проснись! Проснись!

А н т о н и о

Мы оба нападём на них внезапно.
Ну!..

Обнажают мечи.

Гонзало
(просыпаясь)

Ангелы, спасите короля!

Все просыпаются

Алонзо

Что?.. Как!.. Зачем мечи обнажены?
Как дико смотрите вы...

Гонзало

Что случилось?

Себастьян

Мы здесь на страже возле вас стояли
И вдруг... услышали ужасный рев
Быка... нет, льва скорей. Он разбудил вас?
Мой слух был потрясен.

Алонзо

Нет, я не слышал.

Антонио

Ужасный рев! Он мог бы испугать
И великана... Сотряслась земля,
Как будто сотня львов взревела сразу.

Алонзо

А ты слышал, Гонзало?

Гонзало

Государь,
Сквозь сон я странное услышал пенье,
Которое меня и разбудило.
Я громко закричал — и вы проснулись.
Тут вижу их, с оружием в руках.
Да, шум здесь был. Остерегаться надо.
А лучше бы совсем уйти отсюда.
На всякий случай обнажим мечи.

Алонзо

Пойдемте прочь и поиски продолжим:
Быть может, сына я еще найду.

Гонзало

Он здесь, на острове, я в это верю.
Бог да хранит его от этих диких
И яростных зверей.

Алонзо

Пойдемте прочь.

Ариэль
(в сторону)

Оповестить мне надо господина,
Что жив король и что он ищет сына.

Все уходят.

Сцена 2

Другая часть острова.

Входит К а л и б а н с связанкой дров. Раскагы грома.

К а л и б а н

Пускай пары гнилых болот и топей,
Которые высасывает солнце,
Падут на Просперо! Пусть он зачахнет!
Я не могу не проклинять его,
Хотя меня подслушать могут духи.
Они меня не тронут без приказа;
А скажет он — и тотчас же начнут
Меня толкать, щипать, сбивать с дороги,
Пугать и мучить всякой чертовщиной.
Чуть что, их напускают на меня.
Они то корчат рожи, как мартышки,
Стараясь укусить исподтишка;
То, как ежи, колючими клубками
Мне на дороге норовят попасться,
Чтоб я босые ноги занозил;
То, как гадюки, жалят и шипят,
Сводя меня с ума...

Входит Т р и н к у л о.

К а л и б а н

Ну вот! Опять!
Опять наслал он духа... Будет мучить

За то, что долго дров я не несу.
А если распластаться на земле?
Он, может быть, меня и не заметит.

Тринкуло. Ни тебе деревца, ни тебе кусточка, чтобы укрыться даже от пустячного дождя, а тут надвигается новая буря. Ветер-то как завывает! Вон та черная туча, вон та тучида — ни дать ни взять огромный гнилой бурдюк, который, ого и гляди, лопнет и выпустит из себя всю жижу. Если снова изразится такая же гроза, я уж не знаю, куда и голову прилонить! А если хлынет из этой тучи, то будет настоящий потоп... Это еще что? Человек или рыба? Мертвое или живое? Рыба! — воняет рыбой. Застарелый запах тухлой рыбы; что-то вроде соленой трески, и не первой свежести. Диковинная рыба! Будь я сейчас в Англии — а я там был однажды — да показывай я эту рыбу, пусть даже на картинке, любой зевака отвалил бы мне серебряную монету за просмотр. Там бы то чудище вывело меня в люди. Там всякое странное животное выводит кого-нибудь в люди. Те, кому жалко подать грош безному калеке, охотно выложат в десять раз больше, чтобы поглазеть на мертвого индейца... Да у нее человечьи ноги! А плавники точь-в-точь как руки! Ей-богу, оно теплое! Нет, я ошибся! Отрекаюсь от своих слов. Никакая это не рыба. Это здешний островитянин, которого убило грозой.

Снова гремит гром.

Ай-ай-ай! Опять начинается гроза. Ничего не поделаешь — придется залезть под его лохмотья: больше деваться некуда.

Калибан и Тринкуло. Рисунок Дж.Джилберта

Каких странных сопостельников дает человеку нужда! Ус
роюсь тут, пока буря не выплеснет всех своих помоев.

Входит С т е ф а н о, с бутылкой в руках.

С т е ф а н о
(поет)

Я больше в море не пойду,
На берегу помру!

Ну и дрянная же песня, только на похоронах ее и петь. Од
только есть у меня отрада! (Пьет.)

И юнга, и боцман, и шкипер, и я —
Каждый гуляет с девчонкой,
Но гордую Китти — совет мой, друзья, —
Вы обходите сторонкой,
Коль вы не хотите
Услышать от Китти:
“Матросов — к чертям!”
От нашего брата воротит свой нос:
Мол, пахнет смолою и варом матрос.
Но слышал вчера я от девки одной —
Гуляет с гордячкой какой-то портной.
С портняжкой не споря,
Уходим мы в море,
А Китти — к чертям!

Тоже дрянная песня. Но вот моя отрада. (*Льет.*)

К а л и б а н. Не мучай меня! О-о-о!

С т е ф а н о. В чем дело? Может, у нас тут водятся черти? Может, думают нас разыграть, прикинувшись дикарями или индейцами? Как бы не так! Не для того я вышел сухим из воды, чтобы вы меня напугали своими четырьмя ногами. Как говорится, — не родилась еще четвероногая овца, чтобы напугать такого молодца. И это будут повторять до тех пор, пока Стефано дышит воздухом.

К а л и б а н. Дух мучает меня! О-о-о!

С т е ф а н о. Это какое-нибудь здешнее четвероногое чудище. Не иначе как его трясет лихорадка. Но что за дьявольщина — откуда оно умеет говорить по-нашему? Уже ради

одного этого стоит ёму помочь. Если бы мне удалось вылечить его, да приручить, да вернуться с ним вместе в Неаполь — ни один император не отказался бы от такого подарка.

К а л и б а н. Пожалуйста, не мучай меня! Я сейчас отнесу дрова домой.

С т е ф а н о. У него, видно, сейчас приступ: плетет оно какую-то чепуху. Дам-ка ему глотнуть из моей бутылки. Если оно еще никогда не пробовало вина, припадок может пройти. Только бы мне вылечить его да сделать ручным, а там уж я на нем наживусь. Тот, кто захочет его получить, мне за него заплатит. И заплатит как следует быть!

К а л и б а н. Пока ты еще не очень больно дерешься. Но я знаю, что сейчас будет больно, потому что ты дрожишь. Это Просперо тебя науськивает.

С т е ф а н о. Кис-кис-кис! Открой ротик. Здесь у меня есть что-то — оно развяжет тебе язык, киска. Открой рот. Поверь моему слову, это снадобье стряхнет с тебя твою трясучку; ручаюсь — стряхнет. Ты не понимаешь, кто тебе друг, а кто враг. Ну же, открой пасть еще разок.

Т р и н к у л о. Знакомый голос: это... Не может быть, он ведь утонул. Это, верно, нечистая сила! Ой! Господи помилуй!..

С т е ф а н о. Четыре ноги и два голоса — ну и ловко же устроено это чудище! Передним голосом оно может расхваливать своих друзей, а задним — клепать на них и поносить их последними словами. Я вылечу его от лихорадки, если даже для этого потребуется опорожнить всю бутылку. Ну, лакай!.. Аминь!.. Теперь немножко в твою другую глотку.

Тринкуло. Стефано!..

Стефано. Другая глотка зовет меня по имени? Вот так штука! Это не чудище, а сам сатана! Нет, надо уходить, у меня нет длинной ложки.

Тринкуло. Стефано, — если только ты Стефано, — доронься до меня, поговори со мной. Это я, Тринкуло. Не бойся, то я, твой закадычный друг Тринкуло.

Стефано. Если ты Тринкуло, то вылезай. Я буду тебя ащить за те ноги, что поменьше. Если тут есть ноги Тринкуло, о это они. И правда, ты настоящий Тринкуло. Как тебя угораздило выползти из этого уroda? Или он испражняется Тринкулами?

Тринкуло. Я решил, что его убило громом, и... Но разве ты, Стефано, не утонул? Кажись, ты и вправду не утонул. Гроза уже прошла? Я спрятался от грозы под тряпьем этого уroda. Так ты жив, Стефано? Ура, Стефано, вот уже два неаполитанца спаслись!

Стефано. Послушай, не верти меня так: меня стошнит.

Калибан

Они не духи. Этот — добрый бог.

В его руках божественный напиток.

Я на колени стану перед ним.

Стефано. А ты-то как спасся? Как ты сюда попал? Полянись на этой бутылке, что расскажешь мне правду. Я спасся на бочке хереса, которую матросы выкинули за борт, — лянусь этой бутылкой! Я собственноручно сделал ее из древесной коры, как только очутился на суше.

К а л и б а н. Я буду служить тебе верой и правдой — клянусь этой бутылкой, потому что в ней божественный напиток.

С т е ф а н о (*не слушая Калибана, к Тринкуло*). Поклянись, что расскажешь чистую правду. Как ты спасся?

Т р и н к у л о. Я просто пустился вплавь к берегу, как утка. Я, друг ты мой, плаваю как утка, ей-богу!

С т е ф а н о. На, приложись к моему евангелию. Хоть ты и плаваешь как утка, но вообще-то ты хорош гусь.

Т р и н к у л о. Ах, Стефано! А у тебя больше нету?

С т е ф а н о. Говорят тебе — целая бочка. Мой винный погреб на берегу, под скалой. Там спрятано мое вино. Ну как, образина? Как твоя лихорадка?

К а л и б а н

Скажи, на остров с неба ты сошел?

С т е ф а н о. А как же! С луны свалился. Разве ты не знаешь — я ведь жил да поживал на луне.

К а л и б а н

Мне говорила о тебе хозяйка,

Она показывала мне тебя,

Твой куст, твою собаку. Ты — мой бог!

С т е ф а н о. Да? Тогда приложись к моему евангелию. Я скоро наполню его новым содержанием. Поклянись, что не врешь.

Т р и н к у л о. Да это, ей-богу, ерундовое чудище!.. А я-то его боялся! Жалкое чудище! Человек с луны! Ха-ха-ха! Ну и

простофиля же это несчастное чудище. А ты неплохо лакаешь, чудище, право слово!

К а л и б а н

Пойдем, я покажу тебе весь остров.

Я буду ноги целовать тебе.

Прошу, будь моим богом!

Т р и н к у л о. Клянусь, это чудище — хитрец и пьянчуга. Как только его бог заснет, чудище выкрадет у него бутылку.

Стефано дает Калибану вина. Рисунок Дж. Джильберта

К а л и б а н

Тебе я буду ноги целовать.

Хочу тебе я в верности поклясться.

С т е ф а н о. Ладно. Становись на колени и клянись.

Т р и н к у л о. Нет, я просто лопну со смеху, глядя на это безмозглое чудище! Мерзкое чудище! Так бы и стукнул его...

С т е ф а н о. На, целуй.

Т р и н к у л о. ...не будь несчастное чудище таким пьяным. Поганое чудище.

К а л и б а н

Я покажу тебе все родники,
Рыб наловлю, насобираю ягод,
Дров принесу. Будь проклят мой мучитель,
Который в рабство обратил меня!
Служить ему не буду; за тобою
Пойду я следом, человекобог!

Т р и н к у л о. Ой, умора! Ай да чудище! Из ничтожного пьянчужки бога себе сотворило!

К а л и б а н

Позволь, тебе нарву я диких яблоч...
Нарою сладких земляных орехов...
Я гнезда соек покажу тебе...
Я научу тебя ловить силками
Мартышек юрких... Я тебе достану
Птенцов с отвесных скал... Пойдем за мной!

Калибан. Рисунок Дж.Джилльберта

С т е ф а н о. Ладно, хватит болтовни, показывай дорогу.—
Послушай, Тринкуло, раз король и все остальные вкупе с ним
потонули, нам придется принять тут бразды правления.—Эй
ты, неси мою бутылку!— Мы сейчас наполним ее снова, дру-
жище Тринкуло.

К а л и б а н
(охмелев, поет)

Прощай, хозяин мой, прощай!
Т р и н к у л о. Вот горластое чудище! Вот пьяное чудище!

К а л и б а н

Не стану я ему в угоду
Весь день таскать дрова и воду,
И рыбу загонять в запруду,
И стол скоблить, и мыть посуду.
Прочь рабство, прочь обман!
Бан-бан! Ка... Калибан,
Ты больше не один:
Вот новый господин!
Твой добрый господин!

Свобода, эгей! Эгей, свобода! Свобода, эгей! Свобода!
С т е ф а н о. Ай да молодчина! Ну, чудище, показывай дорогу!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Перед пещерой Просперо.

Входит Фердинанд с бревном на плече.

Фердинанд

Порой забава причиняет боль,
Порою тяжкий труд дает отраду.
Подчас и унижение возвышает,
А скромный путь приводит к славной цели.
Мне был бы ненавистен этот труд,
Когда бы не она. Она способна
Смерть сделать жизнью, муку — наслаждением.
Она добра настолько же, насколько
Жесток ее безжалостный отец.
Он тысячи таких огромных бревен
Велел перенести и здесь сложить.
Она, бедняжка, смотрит со слезами,
Как я тружусь, и скорбно повторяет,
Что не бывало у работы грубой

Доныне исполнителей таких...
Я замечтался. Но от этих мыслей
Тяжелая работа мне легка.

Входят М и р а н д а и в отдалении — П р о с п е р о, не замечаемый ими.

М и р а н д а

Я вас прошу, не тратьте столько сил!
Ах, если б молния сожгла все бревна,
Которые должны вы здесь сложить!
На землю сбросьте ношу, отдохните!
О, сам этот чурбан, горя в огне,
Прольет над вами смоляные слезы.
Вы отдохните. Мой отец сейчас
В науку погружен. Сюда вернется
Не раньше он, чем через три часа.

Ф е р д и н а н д

Увы, прекраснейшая госпожа,
Урок я должен кончить до заката.

М и р а н д а

Вы посидите, а пока за вас
Я потружусь. Давайте мне бревно.

Ф е р д и н а н д

О нет, великодушное создание!
Пусть у меня сломается хребет,
Пусть разорвутся жилы от натуги,

Но я не стану праздно наблюдать,
Как черная работа вас бесчестит.

М и р а н д а

Мне так же, как и вам, приличен труд.
Но мне он легче: я по доброй воле
Трудиться буду, вы ж — по принуждению.

П р о с п е р о
(в сторону)

Попалась ты, бедняжка! Ах, как тянет
Тебя к нему!

М и р а н д а

Вы так утомлены.

Ф е р д и н а н д

Нет, госпожа. Когда я вас встречаю,
Мне даже ночь светла, как ясный день.
Молю вас, назовите ваше имя,
Чтоб мог я вас в молитвах поминать.

М и р а н д а

Меня зовут Миранда.

(В сторону.)

Ах, отец!

Я ваш запрет нарушила!

Ф е р д и н а н д**Миранда!**

Миранда — значит чудная. И вправду
Вы чудная, чудесней всех на свете!
Случалось с восхищеньем мне смотреть
На многих женщин, часто я бывал
Журчанием их речи околдован,
Иные мне по сердцу приходились, —
И все же ни одной я не встречал,
В которой бы не видел недостатков,
Пятнающих достоинства ее.
Но в вас изъянов нет, вы — совершенство,
Созданье выше всех земных существ.

М и р а н д а

Здесь женщин нет, и женское лицо
Я видела лишь в зеркале. И знаю
Я только двух мужчин, кого могу
Назвать людьми: отца и вас, друг милый.
Все остальные неизвестны мне;
Но поклянусь ценнейшим из сокровищ
В моем приданом — чистотой своей, —
Мне больше в мире никого не надо,
Вас избрала я в спутники себе.
Само воображение не может
Создать лицо прекраснее, чем ваше.

Но я заговорила, забыв
Внушения отца.

Ф е р д и н а н д

Я принц, Миранда,
А может быть (не дай господь!), король.
И дровоносом был бы я не дольше,
Чем муху на лице своем терпел,
Когда бы не... Послушайте, Миранда!..
В тот миг, как я увидел вас впервые,
Моя душа взметнулась вам навстречу,
Отдав меня вам в рабство навсегда.
Лишь ради вас ношу я терпеливо
Тяжелые колоды.

М и р а н д а

Так меня

Вы любите?

Ф е р д и н а н д

И небеса и землю
Зову в свидетели своей любви!
Коль правду говорю я — пусть они
Мое признание счастьем увенчают;
А если лгу — пусть в беды обратят
Все радости, что мне судьба сулила!
Бескрайне, безгранично, беспредельно
Тебя люблю, боготворю и чту!

Миранда

Как я глупа: я слезы лью от счастья!

Просперо
(в сторону)

**Прекрасна встреча любящих сердец!
Пусть небеса дадут благословенье
Союзу их!**

Фердинанд

О чем же плачешь ты?

М и р а н д а

О том, что не могу, что не умею
Расстаться с тем, что я хочу отдать,
Взять то, что мне нужнее самой жизни.
Но нет!.. Чем больше я скрываю
чувства,

Тем вырываются они сильней.
Прочь, лицемерье робкое! На помощь
Приди ко мне, святое простодушье!—
Твоей женой я стану, если ты
Меня захочешь взять. А не захочешь —
Умру твоей рабой. Ты как подругу
Меня отвергнуть можешь, но не в силах
Мне помешать служить тебе всегда!

Миранда и Фердинанд. С картины В.Гамильтона

Ф е р д и н а н д

Нет, будешь ты владычицей моей,
А я — твоим рабом.

М и р а н д а

Так ты — мой муж?

Ф е р д и н а н д

О да! Ликует сердце, словно пленник,
Отпущенный на волю. Дай мне руку!

М и р а н д а

Возьми ее! И вместе с нею — сердце!
Теперь прости. Прости — на полчаса.

Ф е р д и н а н д

Прощай! Сто тысяч добрых пожеланий!

Фердинанд и Миранда уходят в разные стороны.

П р о с п е р о

Я не могу таким же быть счастливым,
Как те, кому все эти чувства внове;
И все-таки я бесконечно счастлив.
Но мне уже пора вернуться к книгам:
Немало предстоит еще свершить.

(Уходит.)

Сцена 2

Другая часть острова.

Входят Стефано и Тринкуло; за ними — Калибан
с бутылкой в руках.

Стефано. И слушать не желаю! Вот когда бочка опустеет, тогда и начнем хлебать воду. До тех пор — ни капли. А потому держись по ветру и лавируй. Эй ты, слуга-чудище, лакай за мое здоровье.

Тринкуло. Слуга-чудище?.. Ну и дурацкий остров! Говорят, на нем живет всего пять человек. Трое из них — мы. Если у остальных в башке творится то же, что у нас, то здешнее государство шатается.

Стефано. Пей, слуга-чудище! Пей, раз я тебе приказываю. Смотри-ка, да у тебя уже глаза на лоб полезли.

Тринкуло. А куда же им лезть? Вот было бы занятное чудище, если бы у него глаза полезли под хвост.

Стефано. Мой вассал-чудище утопил свой язык в хересе. А вот меня и мбре не могло утопить. Я плавал, плавал — сто двадцать миль проплыл, пока добрался до берега. Ей-богу, чудище, я назначу тебя моим главнокомандующим... нет, лучше моим знаменосцем.

Тринкуло. Главнокомандующим — еще куда ни шло. А знамя ему не удержать.

Стефано. Видишь ли, мусью чудище, мы не собираемся ходить в атаку.

Тринкуло. Никуда вы не будете ходить. Уляжетесь тут, как псы, без дальних слов.

С т е ф а н о. Урод! Пророни хоть раз в жизни словечко, если ты приличный урод!

К а л и б а н

Здоров ли ты, мой светлый повелитель?
Позволь мне полизать тебе сапог,
А трусу этому служить не стану.

Т р и н к у л о. Ты врешь, невежественное чудище! Я сейчас такой храбрый, что могу даже стражника толкнуть. Отвечай, распутная ты рыба, разве может быть трусом человек, который выпил столько хереса, сколько выпил я за сегодняшний день? Ты, наверно, потому так чудовищно врешь, что сам ты полурыба, получудовище.

К а л и б а н

Смотри, как он глумится надо мной!
Не дай меня в обиду, государь!

Т р и н к у л о. Хи-хи-хи! Он изрек "государь"! Это чудище совсем дурачок!

К а л и б а н

Опять! Ты слышал — он опять смеется.
Молю — его ты насмерть загрызи!

С т е ф а н о. Тринкуло, не распускай язык! Если подтвердится, что ты мятежник, то я прикажу на первом же дереве... Бедное чудище — мой подданный, и я не позволю его обижать.

К а л и б а н. Спасибо, мой благородный государь. Не удостоишь ли услышать еще раз мою просьбу?

С т е ф а н о. Чего там еще? Ну, повторяй свою просьбу. Только на коленях. А я буду стоять. И Тринкуло тоже будет стоять.

Появляется невидимый **А р и э л ь.**

К а л и б а н. Я уже говорил тебе, что я в рабстве у тирана. У волшебника, который обманом и хитростью отнял у меня остров.

А р и э л ь

Ты лжешь.

К а л и б а н

(думая, что это сказал Тринкуло)

Нет, лжешь ты сам, крикливая мартышка!

Пускай мой справедливый господин

Тебя убьет! Я правду говорю!

С т е ф а н о. Тринкуло, если ты посмеешь еще раз прервать его, то, клянусь своим кулаком, я вышибу из тебя дух.

Т р и н к у л о. Да я ничего не говорил!

С т е ф а н о. Цыц! Молчать! *(Калибану.)* Продолжай.

К а л и б а н

Он колдовством мой остров захватил.

Когда твое величество захочет,

То отомстит ему. Ты можешь, знаю;
А эта тварь не может.

С т е ф а н о. Да уж где ему!

К а л и б а н

Ты станешь тут, на острове, владыкой,
А я — твоим рабом.

С т е ф а н о. А как же это обстригать? Можешь ты объяснить толком?

К а л и б а н

Да, господин, его тебе я выдам,
И гвоздь ему ты в голову забьешь.

А р и э л ь

Ты лжешь. Ты сделать этого не можешь.

К а л и б а н

Дурак лоскутный! Пестрый негодяй!—
Твое величество, побей его
И отбери бутылку. Пусть лакает
Одну соленую морскую воду.
Я родников ему не покажу.

С т е ф а н о. Эй, Тринкуло, берегись! Если ты еще хот одним словечком заденешь чудище, то, клянусь своим кулаком, я забуду про свое милосердие и отколочу тебя, как колотят вяленую рыбу.

Т р и н к у л о. Да что я такое сделал? Ничего я не сделал. Уйду от вас подальше.

С т е ф а н о. Как — ничего? А разве ты не сказал, что он врет?

А р и э л ь

Ты лжешь.

С т е ф а н о. Что? Я тоже? Вот тебе. (*Бьет Тринкуло.*) Ну-ка, скажи еще раз, что я вру.

Т р и н к у л о. И не думал я говорить, что вы врете... Со-всем рехнулись, у вас уже в ушах звенит!.. Пропади она пропадом, ваша бутылка! Вот до чего доводит пьянство... Чтоб чума скрутила твое паршивое чудище! Чтоб черт сожрал твои кулаки!

К а л и б а н. Ха-ха-ха!

С т е ф а н о. Ну, рассказывай. (*К Тринкуло.*) А ты лучше отойди от греха.

К а л и б а н

Ударь его еще. Я скоро буду
Сам колотить его.

С т е ф а н о (*к Тринкуло*). Отойди. (*Калибану.*) Ну, продолжай.

К а л и б а н

Я говорил тебе: после обеда
Он спит всегда. Убей его во сне.

Но только книги захвати сначала.
Ему ты череп разmozжи поленом,
Иль горло перережь своим ножом,
Иль в брюхо кол всади. Но помни — книги!
Их захвати! Без книг он глуп, как я,
И духи слушаться его не будут:
Ведь им он ненавистен, как и мне.
Сожги все книги. В доме у него
Есть утварь (так он это называет),
Ее возьмешь ты, домом завладев.
Но более, чем всем другим, гордится
Он красотою дочери своей:
Ее он сам считает несравненной.
Двух женщин только в жизни я и видел:
Ее да Сикораксу, мою мать,
Но знаю, что она и Сикоракса —
Как свет и тьма.

С т е ф а н о. Девчонка и вправду недурна?

К а л и б а н

Да, государь! И клятву я даю —
Она твоей наложницею станет
И славных наплодит тебе детей.

С т е ф а н о. Чудище, я прихлопну этого колдуна. Мы с сестричкой станем королем и королевой. Да здравствуют наши королевские величества! А вы с Тринкуло будете вице-королями. — Как тебе нравится наш заговор, Тринкуло?

Тринкуло. Здорово.

Стефано. Дай мне руку. Прости, что я тебя поколотил.
Но если хочешь остаться живым, держи язык на привязи.

Калибан

Он должен через полчаса уснуть.
Убьешь его тогда?

Стефано. Ага. Клянусь честью.

Ариэль
(в сторону)

Я расскажу об этом господину.

Калибан

Как ты меня обрадовал! Я счастлив!
Давайте веселиться! Соизволь
Еще раз, государь, нам спеть ту песню,
Которой ты меня учил.

Стефано. Готов уважить твою просьбу, чудище. Любую
просьбу.— Давай, Тринкуло, споем. (Поет.)

Чихать на все, плевать на все!
Плевать на все, чихать на все!
Свободны мысли наши!

Калибан

Мне кажется, что ты не так поешь.

Ариэль наигрывает мотив на дудке и барабане.

С т е ф а н о. Это еще что?

Т р и н к у л о. Это мотив нашей песни; а играет ее господин Никто.

С т е ф а н о. Если ты человек, то покажись, каков ты есть. А если дьявол, то прими любой вид — на выбор.

Т р и н к у л о. Господи боже, отпусти мне мои грехи!

С т е ф а н о. Коли ты помрешь, с тебя ничего не взыщут... Я тебя не боюсь!.. Господи, прости и помилуй!

К а л и б а н

Ты испугался?

С т е ф а н о. Кто? Я? Ну нет, чудище, я не таковский.

К а л и б а н

Ты не пугайся: остров полон звуков —
И шелеста, и шепота, и пенья;
Они приятны, нет от них вреда.
Бывает, словно сотни инструментов
Звенят в моих ушах; а то бывает,
Что голоса я слышу, пробуждаясь,
И засыпаю вновь под это пенье.
И золотые облака мне снятся.
И льется дождь сокровищ на меня...
И плачу я о том, что я проснулся.

С т е ф а н о. Вот это королевство! Даже музыка задарма.

К а л и б а н. Но только сначала убей Просперо.

С т е ф а н о. Это само собой. Я все помню.

Тринкуло, Стефано и Калибан. С картины Р.Смирка

Т р и н к у л о. Музыка удаляется. Пойдем вслед за нею, а потом займемся нашим делом.

С т е ф а н о. Чудище, ступай вперед, а мы пойдем следом... Хотел бы я посмотреть на этого барабанщика: здорово он лупит по барабану.

Т р и н к у л о (*Калибану*). Эй ты, ступай вперед.— Стефано, я за тобой.

Уходят.

Сцена 3

Другая часть острова.

Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Гонзало, Адриан, Франсиско и другие.

Гонзало

Клянусь пречистой девой, государь,
Ни шагу больше не могу я сделать:
Изныли кости старые. Весь остров
Измерили мы вдоль и поперек.
Позвольте хоть немного отдохнуть.

Алонзо

Тебя, старик, я осуждать не стану:
И сам уже я выбился из сил.
Что ж, отдыхай. Прощаюсь я с надеждой,
Которой обольщался до сих пор.
Он утонул, сомнений в этом нет;

И море насмехается над теми,
Кто на земле его добычу ищет.

А н т о н и о
(Себастьяну)

Он потерял надежду. Превосходно!
Смотри же, из-за первой неудачи
Решенья своего не измени.

С е б а с т ь я н

Нет, нет, пусть только подвернется случай.

А н т о н и о

Итак, сегодня ночью все свершим!
Они измучены. Спать будут крепко,
Не то что днем.

С е б а с т ь я н

Да, ночью. Решено.

Странная и торжественная музыка. Наверху появляется невидимый
П р о с п е р о .

А л о н з о

Вы слышали, друзья? Какие звуки!

Г о н з а л о

Волшебная гармония!

Появляются с т р а н н ы е ф и г у р ы; они вносят накрытый стол.
Танцуя и кланяясь, они жестами приглашают к столу короля и его свиту,
после чего исчезают.

А л о н з о

О боже!

Кто эти существа?

С е б а с т ь я н

Живые куклы.

Теперь и я поверю в чудеса:
В единорогов, в царственную птицу,
Что Фениксом зовется и живет
В Аравии...

А н т о н и о

И я готов поверить
Во все, что ты сказал... Во что угодно...
Нет, путешественники нам не лгут,
Хоть дураки над ними и смеются.

Г о н з а л о

Вернись в Неаполь я и Расскажи
Об этом чуде — кто бы мне поверил,
Что видел я таких островитян
(А это люди здешние, конечно),
Которые, хоть обликом и странны,
Но так гостеприимны и учтивы,
Как мало кто из нас.

П р о с п е р о
(в сторону)

Мой честный друг,
Ты прав: здесь, между вами, люди есть
Похуже дьяволов.

А л о н з о

Я надивиться не могу на них:
Их музыка, их жесты, их движенья
Красноречивей, чем потоки слов.

П р о с п е р о
(в сторону)

Постой хвалить: конец венчает дело.

Ф р а н с и с к о

Как странно все они исчезли вдруг.

С е б а с т ь я н

Что за беда? Зато остались яства,
А мы проголодались не на шутку.

(К Алонзо.)

Отведать не угодно ли?

А л о н з о

О нет!

Г о н з а л о

Чего же вам бояться, государь?
Да, в юности не верил я рассказам
О том, что есть диковинные люди
С подгрудками, как у быков; что есть
Другие — с головами на груди,
Но нашему свидетельству поверит
И самый искушенный мореход.

А л о н з о

Ах, все равно! Я сяду и поем,
Будь даже эта трапеза последней:
От жизни больше нечего мне ждать. —
Брат, герцог, подкрепитесь вместе с нами.

Гром и молния. Появляется **А р и э л ь** в образе гарпии. Он взмахивает крылами над столом, и яства исчезают.

А р и э л ь

Преступники вы трое, и судьба,
Которой в этом мире все подвластно,
Велела ненасытной бездне моря
Извергнуть вас на сей пустынный остров:
Вы недостойны жить среди людей.
Я на безумие вас обрекаю.

Алонзо, Себастьян и другие обнажают мечи.

Жалка отчаянность самоубийц.

Глупцы! И я, и все мои собратья —
Посланники судьбы. И ваша сталь
Могла бы точно так же ранить ветер
Иль поцарапать воду, как она
Из крыл моих пушинку вырвать может.
Неуязвимы и мои собратья.
Да вам и не поднять своих мечей.
Для вас их тяжесть стала непосильной.
Итак, я здесь, чтоб вам троим напомнить:
Вы Просперо изгнали из Милана
И отдали во власть морской стихии.
За Просперо и за его дитя
Нескорое, но тяжкое возмездье
Благие силы ниспослали вам:
По воле их на вас восстало море,
Земля и все живые существа. —
Алонзо, ты уже утратил сына.
И, сверх того, на ваших всех путях
Вас ожидают медленные муки,
Которые страшнее самой смерти.
И вас на этом острове пустынном
От моего проклятья не спасет
Ничто — одно лишь разве покаянье
И праведная жизнь!

Раскаты грома. Ариэль исчезает. Под звуки мелодичной музыки
снова появляются странные фигуры. Приплясывая, с гримасами
и ужимками, они уносят стол.

П р о с п е р о
(в сторону)

Мой Ариэль! О, как ты был прекрасен
И вместе страшен, гарпией явившись!
Сказал ты все, что я тебе велел,
Ни упустив ни слова. И другие
Помощники мои легко и живо
Сыграли им порученную роль.
И вот уже подействовали чары:
Мои враги охвачены безумьем
И власть моя над ними безгранична.
Оставлю их пока, чтоб возвратиться
К покинутому мною Фердинанду,
Которого они сочли погибшим,
И к той, что нам обоим дорога.

(Исчезает.)

Г о н з а л о

Что с вами, государь? О боже правый,
Куда так странно вы вперили взор?

А л о н з о

Чудовищно! Ужасно! Мне казалось,
Что волны мне об этом говорили,
Что ветер мне свистал об этом в уши,
Что в исступленном грохоте громов
Звучало имя Просперо, как будто
Трубили трубы о моем злодействе!

За это сын мой в тине погребен.
Но хоть пришлось бы мне спуститься глубже,
Чем лот свинцовый, я его найду,
Чтобы уснуть навеки рядом с ним!

(Уходит.)

С е б а с т ь я н

Всех дьяволов — по очереди только —
Зову на бой!

А н т о н и о

А я — твой секундант!

Себастьян и Антонио уходят.

Г о н з а л о

Все трое обезумели. Их мозг
Давно отравлен ядом преступления.
Но лишь теперь подействовал тот яд!—
Синьоры, вы моложе и проворней,
Так поспешите же вослед безумцам,
Чтобы в своем неистовстве они
Не натворили бед.

А д р и а н

Скорей! За мной!

Уходят.

АКТ IV

Сцена I

Перед пещерой Просперо.

Входят Просперо, Фердинанд и Миранда.

Просперо

Жестоко я с тобою поступил,
Но будешь ты вознагражден сторицей:
Нить жизни собственной тебе вручаю,
Все, чем живу, тебе я отдаю.
С тобою так сурово обращаясь,
Твою любовь хотел я испытать.
И выдержал ты с честью испытанье.
Прими же, друг, перед лицом небес
Мой драгоценный дар. О Фердинанд!
Не удивляйся, что горжусь я так
Своею дочерью. Ты сам увидишь,
Что все хвалы ничтожны по сравненью
С достоинствами редкими ее.

Ф е р д и н а н д

Клянусь, что в этом ни один оракул
Меня не разуверил бы!

П р о с п е р о

Итак,

Бери мой дар, тобою он заслужен.
Но если ты кощунственной рукой
Ей пояс целомудрия развяжешь
До совершенья брачного обряда —
Благословен не будет ваш союз.
Тогда раздор, угрюмое презрение
И ненависть бесплодная шипами
Осыплют ваше свадебное ложе,
И оба вы отринете его.
Так охраняй же чистоту, пока
Не озарил вас светоч Гименея.

Ф е р д и н а н д

Клянусь своею жизнью и любовью,
Грядущим счастьем и потомством нашим,
Что не позволю сумраку пещер,
Уединенью и дурным внушеньям
Злых духов осквернить мои мечты,
Благоговенье переплавить в похоть.
Не омрачу тот лучезарный день,
Когда казаться будет мне, что Феб

Остановил коней на небосводе,
Что ночь внизу прикована цепями!

П р о с п е р о

Такая речь мне по душе. Садись же
И побеседуй с ней. Она твоя.—
Мой Ариэль! Искусный мой помощник!

Появляется А р и э л ь.

А р и э л ь

Я здесь! Что мне прикажет повелитель?

П р о с п е р о

И ты, и младшие твои собратья
Мне послужили нынче хорошо.
Еще хочу вам дать я порученье.
Зови сюда тебе подвластных духов.
Пусть поспешат. Для молодой четы
Я зрелище волшебное устрою.
Я обещал, и ждут они чудес.

А р и э л ь

Когда мне их созвать?

П р о с п е р о

Без промедленья.

Ариэль — Алан Бедель, Просперо — Майкл Редгрейв,
Шекспировский мемориальный театр, Стратфорд-на-Эвоне, 1951

Ариэль

Рад служить тебе всегда,
Для тебя не жаль труда.
Миг — и явится сюда
Легких духов череда.
Ты доволен? Нет иль да?

Просперо

Доволен я, мой нежный Ариэль,
Явись сейчас же, как мой зов услышишь.

Ариэль

Приказ я понял.

(Исчезает.)

Просперо
(Фердинанду)

Клятву не забудь.
Своим желаньям воли не давай,
Будь сдержан. И великие обеты
В огне страстей сгорают, как солома.

Фердинанд

Нет, мой отец, я не нарушу клятвы!
Снег целомудрия лежит на сердце,
Жар страсти охлаждая.

П р о с п е р о

Верю, верю.—

Явись, мой Ариэль! И приведи
С собою сонм тебе подвластных духов.

(К Фердинанду и Миранде.)

Молчание! Смотрите и внимайте!

Музыка. Начинается Маска. Появляется И р и д а.

И р и д а

Церера щедрая, услышь призыв!
Покинь просторы благодатных нив,
Покинь равнины с их ковром зеленым,
Стада, бродящие по горным склонам,
Покинь цветы на берегах реки,
Из коих нимфы вяют себе венки,
Покинь шатер ветвей уединенный,
Где слезы льет отвергнутый влюбленный,
Покинь сады с их ароматом роз
И тот прибрежный сумрачный утес,
Где отдыхаешь ты. Сюда Юнона
Грядет, сойдя с заоблачного трона.
Я, радуга, предвестница чудес,
Мост, на землю опущенный с небес,
Зову — встречай ее! Уже долины
Наполнил шум: летят ее павлины.

Появляется Ц е р е р а.

Ц е р е р а

Привет тебе, небесная дуга,
Посланница Юноны и слуга!
О вестница, чьи радужные крылья
Моим полям даруют изобилье,
Дождем их окропляя и росой.
О ты, что многоцветной полосой,
Как поясом, охватываешь землю!
Зачем меня зовешь? Тебе я внемлю.

И р и д а

Исполни волю царственной сестры:
Юнона хочет принести дары,
Благословенье дать чете влюбленной.

Ц е р е р а

О ты, венец, над миром округленный,
Скажи, не явятся ль с моей сестрой
Венера или сын ее слепой?
Я видеть не хочу ни Купидона,
Ни матери его. Ведь для Плутона
Они вдвоем мою украли дочь,
И вечная ее сокрыла ночь.

И р и д а

О нет, не опасайся встречи с ними,
С обидчиками давними твоими:
Они сейчас на Пафос держат путь

В досаде, что не удалось толкнуть
Влюбленных этих на стезю распутства,
Внушить им страсти пыл и безрассудство,
Пока Гимена светоч не зажжен.
Смущенный неудачей Купидон
Сломал свой лук и клятву дал — отныне
Не осквернять людских сердец святыни
И лишь невинно резвым быть.

Ц е р е р а

Но вот

Самой Юноны слышу я полет.

Появляется Ю н о н а .

Ю н о н а

Привет тебе, сестра! В свои владенья
Вернешься ты опять без промедленья,
Прошу лишь, чтоб со мною вместе ты
Благословила брак молодой четы.

(Поет.)

Род ваш славный процветет.
Вам богатство и почет,
Счастья годы без числа
Я, Юнона, принесла.

Ц е р е р а

(поет)

Будут щедры к вам поля,

Изобилье даст земля, .
Хлеб заполнит закрома,
Маем станет вам зима,
Будут вам давать сады
Небывалые плоды,
Жизнь без горя и забот
Вам Церера в дар несет.

Ф е р д и н а н д

С великолепным зрелищем в согласье
Чарующая музыка. Осмелюсь
Спросить: не духи ль это?

П р о с п е р о

Это духи,
Которых я своим искусством вызвал,
Желания моим служить велел.

Ф е р д и н а н д

О, если бы остаться здесь навеки!
С такой женой, с таким отцом премудрым
Здесь был бы рай.

Юнона и Церера шепчутся и отдают Ириде какое-то приказание.

П р о с п е р о

Постой-ка! Помолчи!
О чем-то важном шепчутся богини,

Готовят, верно, что-то. Замолчи же,
Иначе наши чары пропадут.

И р и д а

Кувшинками венчанные наяды!
Покиньте реки, полные прохлады!
Сюда, на этот изумрудный луг,
Своих Юнона созывает слуг.
Влюбленным, нимфы, пожелайте счастья,
Примите в брачном празднестве участие.

Появляются н и м ф ы.

Вы, солнцем опаленные жнецы,
Чьи шляпы из соломы как венцы
Горят над лбами, мокрыми от пота!
Сюда! Дневная кончена работа!
Пусть каждый нимфу за руку возьмет
И вступит с ней в веселый хоровод.

Появляются ж н е ц ы в крестьянской одежде. Вместе с нимфами
они кружатся в грациозном танце. Внезапно Просперо встает и начинает
говорить. В конце его речи раздастся странный глухой шум
и видения исчезают.

П р о с п е р о

Я и забыл о гнусном покушенье
На жизнь мою, которое готовят
Зверь Калибан и те, кто с ним. А час,
Назначенный злодеями, уж близок.

(Духам.)

Доволен я.— Исчезните.— Конец.

Ф е р д и н а н д

Чем огорчен родитель твой, Миранда?

М и р а н д а

Не знаю. Не видала никогда
Его я столь встревоженным и гневным.

П р о с п е р о

Мой милый сын, ты выглядишь смущенным
И опечаленным. Развеселись!
Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.—
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.— Мой сын,

Взволнован я. Простите эту слабость.
Смешались мысли в старой голове.
Не обращайтесь на меня вниманья.
Ступайте же в пещеру, отдохните,
А я пока немного поброжу,
Чтобы унять волненье.

Ф е р д и н а н д и М и р а н д а
(вместе)

Успокойтесь!

Уходят.

П р о с п е р о

Ко мне, мой Ариэль! Будь скор, как мысль!

Появляется А р и э л ь.

А р и э л ь

Я исполнитель мыслей. Что прикажешь?

П р о с п е р о

Дух! Нам уже готовиться пора,
Чтоб Калибана встретить.

А р и э л ь

Повелитель,

Хотел тебе напомнить я об этом,
Когда Цереру здесь изображал,
Но побоялся рассердить.

П р о с п е р о

Скажи,

Где ты оставил этих негодяев?

А р и э л ь

Они совсем взбесились от вина.
С отвагой пьяной бьют безумцы ветер
За то, что им подул в лицо; бьют землю
За то, что прикоснулась к их подошвам;
Но все же замысел лелеют свой.
Я в барабан ударил. С недоверьем,
Как необъезженные жеребцы,
Они сейчас же наострили уши,
Глаза скосили, подняли носы,
Принюхиваясь к музыке. А я
Заворожил их слух, и, как телята
Вослед мычанью, побрели они
Сквозь заросли шиповника и дрока,
Колючками с себя сдирая кожу.
Я их завел в болото, где они
Увязли по уши в вонючей жиже.

П р о с п е р о

Так! Хорошо, помощник мой крылатый!
По-прежнему незримым оставайся.
В моей пещере много ярких тряпок —
Сюда их принеси, чтоб эти воры
Прельстились мишурой.

А р и э л ь

Лечу! Лечу!

(Исчезает.)

П р о с п е р о

Нет, Калибана мне не приручить!
Он прирожденный дьявол, и напрасны
Мои труды и мягкость обращения.
Напрасно все! Становится с годами
Он лишь еще уродливей и злей,
Но я их покараю всех, да так,
Что завопят...

Является А р и э л ь с яркими одеждами.

Развесь все на веревке.

Просперо и Ариэль остаются невидимыми. Входят промокшие и грязные
К а л и б а н, С т е ф а н о и Т р и н к у л о

К а л и б а н

Тсс! Тише! Чтоб и крот слепой не слышал,
Как мы ступаем. Вот его пещера.

С т е ф а н о. Послушай, чудище, эта твоя фея, о которой
ты говорил, что она безвредная фея, сыграла с нами премерз-
кую штуку.

Т р и н к у л о. Чудище, я с ног до головы провонял конской
мочой; и мой нос испытывает по этой причине великое негодо-
вание.

С т е ф а н о. И мой тоже. Слышишь, чудище? Если ты попадешь ко мне в немилость, то смотри у меня!..

Т р и н к у л о. Фью-у-у-у!.. Тогда ты будешь повсс пропащее чудище!

К а л и б а н

О, не лишай меня благоволенья,
Мой добрый повелитель! Потерпи —
За все вознагражден ты скоро будешь.
Но тише! Тсс! Здесь тихо, будто в полночь.

Т р и н к у л о. Так-то так, но потерять наши бутылки в болоте...

С т е ф а н о. Чудище, это не только стыд и срам, но более того — невознаградимая утрата.

Т р и н к у л о. Для меня это еще хуже, чем купанье в грязи. Вот так безобидная фея.

С т е ф а н о. Я разыщу бутылку, хотя бы мне для того пришлось залезть снова по уши в болото.

К а л и б а н

О мой король, тревожиться не надо!
Вот вход. В пещеру прокрадись бесшумно,
Благое преступленье соверши,
И станешь ты на острове владыкой,
А я — лизальщиком твоих сапог.

С т е ф а н о. Дай-ка мне руку. Я чувствую, как во мне просыпается жажда крови.

Барельеф Джотто и Андреа Пизано

Т р и н к у л о. О король Стефано! О ваша светлость! О знаменитый Стефано! Погляди, какие тут висят одежды для тебя!

К а л и б а н

Оставь, дурак, ведь это только тряпки!

Т р и н к у л о. Как бы не так, чудище! В чем в чем, а уж в тряпье мы знаем толк... О король Стефано!

С т е ф а н о. Сдерни-ка эту мантию, Тринкуло! Клянусь кулаком, я надену эту мантию.

Т р и н к у л о. Твоя милость ее наденет.

К а л и б а н

Раздуй меня водянка, остолоп!
Что к этому тряпью ты привязался?
Сначала надо Просперо убить.
Ведь он же, если мы его разбудим,
Исщиплет нас от головы до пят
Так, что самих себя мы не узнаем.

С т е ф а н о. Чудище, не ерепенься! Госпожа веревка, не мой ли это камзол? Ну вот, господин камзол, вы так прильнули к госпоже веревке, что никак ее не распутать. От этого распутства вы еще, чего доброго, сотрете свой ворс и станете плешивым камзолом.

Т р и н к у л о. Давай, давай! Если будет угодно вашему высочеству, мы стащим с веревки все до нитки.

С т е ф а н о. Спасибо, ты славно сострил. Вот тебе за это платье. Пока я царствую в этой стране, остроумие всегда бу-

дет вознаграждаться. Стащить с веревки все до нитки? Вот здорово отмочил. На тебе за это еще штаны.

Тринкуло. Ну-ка, чудище, намажь птичьим клеем свои лапы да забирай то, что осталось.

К а л и б а н

Не буду. Мы напрасно тратим время.
Он в часек может нас преобразить
Иль в мерзких низколобых обезьян.

Стефано. Чудище, протяни свои лапы. Помоги мне снести все имущество туда, где спрятана бочка, не то я тебя вышвырну из своего королевства. Ну, живо! Держи это.

Тринкуло. И это.

Стефано. И вот это.

Слышен шум приближающейся охоты.
Появляются духи в образе гончих псов и преследуют воров.
Просперо и Ариэль науськивают собак.

П р о с п е р о

Ату, Алмаз, ату!

А р и э л ь

Куси его, Тиран!

П р о с п е р о

Эй, Фурия, возьми их, улю-лю!

Калибан, Стефано и Тринкуло убегают, преследуемые псами.

П р о с п е р о

Лети и духам прикажи лесным,
Чтоб корчами замучили злодеев,
Чтоб судорогой мышцы им свели,
Чтоб кожу им шипками испестрили,
Как шкуру леопарда.

А р и э л ь

Чу, вопят!

П р о с п е р о

И поделом — пусть гончие их травят.
Итак, отныне все мои враги —
В моих руках. Труды я скоро кончу,
Тогда вздохнешь ты воздухом свободы.
Но напоследок послужи еще.

Уходят.

АКТ V

Сцена I

Перед пещерой Просперо.

Входят П р о с п е р о в своей волшебной мантии и А р и э л ь.

П р о с п е р о

Мой замысел уж близок к завершенью.
Власть чар сильна, покорно служат духи,
И колесница времени как должно
Везет свой груз. Скажи, который час?

А р и э л ь

Шестой. Ты говорил мне, повелитель,
Что кончишь в шесть часов свои труды.

П р о с п е р о

Я так определил еще тогда,
Когда впервые вызвал эту бурю.
Что делают сейчас король и свита?

А р и э л ь

Они, как пленники, не могут выйти
Оттуда, где оставлены тобой:
Все в той же роще, что от непогоды
Защитой служит для твоей пещеры.
Освободить их можешь только ты.
Король, брат короля, твой брат — все трое
По-прежнему безумны; остальные
В отчаянье оплакивают их.
А больше всех горюет тот, кого
Назвал ты добрым стариком Гонзало.
По бороде его струятся слезы —
Так дождь стекает с камышовой кровли.
Как мучатся от чар твоих они!
Взглянув на них, ты сам их пожалел бы.

П р о с п е р о

Ты полагаешь?

А р и э л ь

Будь я человеком,
Мне было бы их жаль.

П р о с п е р о

И мне их жалко.
Уж если их мученьями растроган
Ты, бестелесный дух, то неужели

Я, созданный из плоти, как они,
Кому близки их чувства и желанья,
Не буду сострадательней, чем ты?
Хотя обижен ими я жестоко,
Но благородный разум гасит гнев
И милосердие сильнее мести.
Единственная цель моя была
Их привести к раскаянью. Я больше
К ним не питаю зла. Освободить
Ты должен их. Заклятье я сниму,
И возвратится снова к ним рассудок.

А р и э л ь

Лечу приказ исполнить, повелитель.

(Исчезает.)

П р о с п е р о

Вы, духи гор, ручьев, озер, лесов!
И вы, что на берегах морских резвитесь,
Что гоните Нептуна в час отлива
И от него опять потом бежите,
Следов не оставляя на песке!
Вы, крошки эльфы, что при лунном свете
В незримой пляске топчете траву,
Которую потом обходят овцы!
Вы, по ночам растящие грибы!
Вы все, кого зовет вечерний звон

К ночным забавам, шалостям и играм!
Хотя вы сами не сильны, но все же
Лишь с вашей помощью затмил я солнце,
Мятежный ветер подчинил себе,
В лазурь небес взметнул зеленый вал
И разбудил грохочущие громы.
Стрелой Юпитера я расщепил
Его же гордый дуб, обрушил скалы,
С корнями сосны вырвал я и кедры.
По моему велению могилы
Послушно возвратили мертвецов.
Все это я свершил своим искусством.
Но ныне собираюсь я отречься
От этой разрушительной науки.
Хочу лишь музыку небес призвать,
Чтоб ею исцелить безумцев бедных,
А там — сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда еще не опускался лот.

Торжественная музыка.

Возвращается Ариэль. За ним следует Алонзо,
делающий судорожные движения, его сопровождает Гонзало.
Далее, в таком же состоянии, — Себастьян и Антонио,
которых сопровождают Адриан и Франсиско.
Все они вступают в магический круг, очерченный Просперо,
и останавливаются, зачарованные.

П р о с п е р о
(обращается сначала к Алонзо)

Торжественная музыка врачует
Рассудок, отуманенный безумьем,
Она кипящий мозг твой исцелит.
Стань здесь и знай, что ты во власти чар.—
Гонзало добродетельный и честный,
Мои глаза, сочувствуя твоим,
Роняют слезы.— Но уже слабеет
Могущество ужасного заклятья.
Как утро, незаметно приближаясь,
Мрак ночи постепенно растопляет,
Так воскресаёт мертвое сознание,
Туман безумья отгоняя прочь.—
Гонзало, мой спаситель благородный
И государя преданный слуга!
Я, возвратясь на родину, словами
И делом отблагодарю тебя.—
Алонзо, поступил бесчеловечно
Со мною ты и с дочерью моей.
Твой брат был соучастником злодейства.—
Ты, Себастьян, казись теперь за это.—
Ты, плоть и кровь моя, родной мой брат;
Ты, в ком неистовое честолюбье
Попрало совесть и природу; ты,
Кто думал с Себастьяном (пусть за это
Казнится вдвое) короля убить,—

Хоть изверг ты, но и тебя прощаю.—
Сознание возвращается к безумцам,
И полноводный разума поток
Вновь затопляет илистое русло.
Но ни один из них меня не видит,
Узнать меня не может.— Ариэль!
Возьми в моей пещере меч и шляпу.

Ариэль исчезает.

Теперь я стану зримым и явлюсь
Пред ними снова как миланский герцог.—
Скорее, дух! Близка твоя свобода!

А р и э л ь

(появляется и поет, помогая Просперо облачиться)

Буду я среди лугов
Пить, как пчелы, сок цветов,
Ночью лютик даст мне кров,
Там засну под крики сов;
Чуть зари услышу зов —
К ней помчусь быстрее ветров.
Радостной, радостной жизнью свободы
Буду я жить среди цветущей природы.

П р о с п е р о

Мой нежный, мой веселый Ариэль!
Как мне ни жаль с тобою расставаться,

Свободу ты получишь. Да, да, да!
Но мчись теперь незримым на корабль
И разбуди матросов, спящих в трюме.
Пускай немедля капитан и боцман
Появятся пред нами. Торопись!

А р и э л ь

Глотать я буду воздух на лету,
Мой путь займет лишь два биенья пульса.

(Исчезает.)

Г о н з а л о

Как все вокруг таинственно и странно,
Тревожно и зловеще. Силы неба,
Молю, отсюда выведите нас!

П р о с п е р о

Король, взгляни сюда — перед тобою
Обиженный тобой миланский герцог.
Я — Просперо. Не бойся, я не призрак
И это докажу, обняв тебя.
Король, и ты, и слутники твои,
Добро пожаловать на этот остров!

А л о н з о

Кто ты — тот, кем назвался, иль виденье
Из тех, что здесь преследуют меня, —
Не знаю я... Но слышу, что в тебе,

Как в существах из плоти, бьется сердце.
И вот — проходит боль в моем мозгу;
Боюсь, что был я одержим безумьем.
То было явью или сном? Как странно!
Прости меня за тяжкие обиды,
Я герцогство твое тебе верну.—
Но как мог Просперо живым остаться
И очутиться здесь?

П р о с п е р о
(к Гонзало)

Хочу сначала
Обнять тебя, мой седовласый друг,
Тебя, чье благородство безгранично.

Г о н з а л о

На самом деле это или только
Мне кажется? Клянусь, не понимаю.

П р о с п е р о

Вы все еще не до конца свободны
От власти волшебства. И нелегко
Поверить вам в действительность.— Друзья,
Вам всем я рад.

(Тихо, Себастьяну и Антонио.)

А что до вас, синьоры,—
Вы стоите друг друга,— я бы мог
Навлечь на вас немилость государя,

Изобличив в измене. Но не бойтесь:
Я промолчу.

С е б а с т ь я н
(в сторону)

Он, видно, дьявол?

П р о с п е р о
Нет.

(К Антонио.)

Тебе ж, злодей (чтоб уст не осквернить,
Тебя назвать я братом не хочу),
Твой давний грех прощаю. Все прощаю.
Но герцогство ты должен мне вернуть.

А л о н з о

Когда ты — Просперо, то объясни,
Как спасся ты и как нашел ты нас
Здесь, где всего лишь три часа назад
Мы потерпели кораблекрушение,
Здесь, где — о горе мне! — утрачен мною
Мой милый сын.

П р о с п е р о
Мне скорбь твоя понятна.

А л о н з о

Увы, потеря невознаградима.
Здесь даже и терпенье не поможет.

П р о с п е р о

А у него искал ли ты поддержки?
В потере столь же горькой я прибег
К его державной помощи — и, видишь,
Утешился.

А л о н з о

В потере столь же горькой?

П р о с п е р о

О да, в столь же большой, в столь же недавней!
И возместить бесценную потерю.
Пожалуй, мне труднее, чем тебе:
Утратил я единственную дочь.

А л о н з о

Утратил дочь? О, если б небеса
Обоих оживили и вернули
В Неаполь королем и королевой!
О, если бы не сын мой Фердинанд,
А я лежал, покрытый грязной тиной!..
Когда же дочь свою ты потерял?

П р о с п е р о

Во время этой бури. Но я вижу,
Что наша удивительная встреча
Так потрясла умы синьоров этих,

Что собственным глазам они не верят
И не находят слов. Но знайте все:
Я точно — Просперо, тот самый герцог,
Которого изгнали из Милана.
На этот берег, так же как и вы,
Был выброшен я чудом и остался
Владыкой острова. Но кончим с этим:
Ведь было б глупо хронику читать
За трапезой иль в час подобной встречи.
Добро пожаловать в мою пещеру.
Глубокая пещера — мой дворец,
Слуг мало здесь, а подданных нет вовсе.
Взгляни, король! За герцогство мое,
Которое ты мне вернул обратно,
Тебе я отплачу великодушно.
Моим чудесным даром восхитишься
Ты больше, чем я — герцогством своим.

Открывается вход в пещеру; там Фердинанд и Миранда
играют в шахматы.

М и р а н д а

Мой нежный друг, не хочешь ли меня
Поймать в ловушку?

Ф е р д и н а н д

Ни за что на свете,
Любимая, хитрить с тобой не мог бы.

М и р а н д а

За сотню царств наверно бы схитрил,
Но честной все ж сочла бы я игру.

А л о н з о

Коль это — лишь волшебное виденье,
Утрачу я единственного сына
Сегодня дважды.

С е б а с т ь я н

Чудо из чудес!

Ф е р д и н а н д

(преклоняя колени перед Алонзо)

Так море я напрасно проклинал?
Оно грозит, но все же милосердно!

А л о н з о

Мой Фердинанд! Тебя благословляет
Счастливый твой отец. Но встань с колен
И расскажи, как спасся ты.

М и р а н д а

О чудо!

Какое множество прекрасных лиц!
Как род людской красив! И как хорош
Тот новый мир, где есть такие люди!

Просперо

Тебе все это ново.

А л о н з о
(Фердинанду)

Кто она,
Та девушка, с кем в шахматы играл ты?
Ты с ней знаком не дольше трех часов.
Скажи, — она, наверное, богиня,
Что разлучила нас и вновь свела?

Фердинанд

Нет, смертная она. Но мне ее
Бессмертное вручило провиденье.
Когда ее я избирал — не думал,
Что у отца смогу спросить совета.
Дочь герцога Миланского она,
Которого я не видал, хоть много
О нем слышал. Он дал мне жизнь вторично.
И вот теперь избранница моя
Его вторым отцом мне нарекает.

А л о н з о

Зато я тем же стану для нее.
Но не ужасно ли просить прощенья
У собственных детей?

П р о с п е р о

Оставим это.

Отягощать не будем нашу память
Несчастьями, которые прошли.

Г о н з а л о

Не мог я подавить рыданий сердца
И оттого молчал. Венчайте, боги,
Двух любящих короною счастливой:
Конечно, вами был начертан путь,
Приведший нас сюда.

А л о н з о

Аминь, Гонзало!

Г о н з а л о

Не для того ль был изгнан из Милана
Миланский герцог, чтоб его потомки
В Неаполе царили? О, ликуйте!
Пишите золотыми письменами
На нерушимых каменных скрижалях
О том, как в этом плаванье счастливом
Дочь короля нашла себе супруга,
Сын короля нашел себе жену
Там, где мы все сочли его погибшим,
А Просперо нашел свои владенья
На острове пустынном. Мы же все

Нашли себя, когда уже боялись
Утратить свой рассудок.

А л о н з о
(Фердинанду и Миранде)

Дайте руки.
Пусть тот, кто вам не пожелает счастья,
Скорбит всю жизнь.

Г о н з а л о

Да будет так. Аминь!

Появляется А р и э л ь, за ним следуют изумленные к а п и т а н
и б о ц м а н.

О государь! Еще знакомцы наши!
Я говорил, что этот не утонет,
Пока на свете виселицы есть.
Ну, богохульник, ты ругался в море,
На суше ты молчишь? Отсох язык?
Какие новости ты нам расскажешь?

Б о ц м а н

Вот новость, лучшая для нас: король
И спутники его — все невредимы!
А вот другая новость: наш корабль,
Что три часа назад разбился в щепы,
Стоит опять целехонек, наряден,
Как в первый день, когда он вышел в море.

А р и э л ь
(к *Просперо*)

Все это, повелитель, я устроил.

П р о с п е р о
(*Ариэлю*)

Искусный и проворный Ариэль!

А л о н з о

Событья сверхъестественные, право!
И с каждою минутой все чудесней!
Как вы сюда попали?

Б о ц м а н

Государь,
Я расскажу, хотя и не уверен,
Что я не сплю. Не знаю, как случилось,
Но в трюме нас свалило мертвым сном.
Вдруг поднялся какой-то странный шум,
И крик, и вой, и лязг цепей, и скрежет.
Проснулись мы и, выйдя на свободу,
Увидели наш царственный корабль
В порядке полном и новей, чем прежде.
От радости подпрыгнул капитан.
Тут подхватила нас, как в сновиденье,
Какая-то неведомая сила,
И в миг один мы очутились здесь.

Карака — многопарусный средневековый корабль

Ариэль
(к Просперо)

О повелитель, ты доволен мною?

Просперо
(Ариэлю)

Прекрасно, мой усердный Ариэль!
Свободен будешь ты.

Алонзо

Мы словно бродим

В таинственном и дивном лабиринте.
Таких чудес не ведает природа,
И лишь оракул сможет объяснить.

Просперо

О государь, не напрягайте ум
Разгадываньем тайн. Сам на досуге
Я происшедшее вам объясню;
Вы скоро все поймете. А пока
Отдайтесь радости, вкушайте счастье.

(Ариэлю.)

Мой Ариэль! Освободи от чар
И приведи скорее Калибана
И двух его сообщников сюда.

Ариэль исчезает.

Ну как вы, государь? Из вашей свиты
Здесь кой-кого еще недостает.

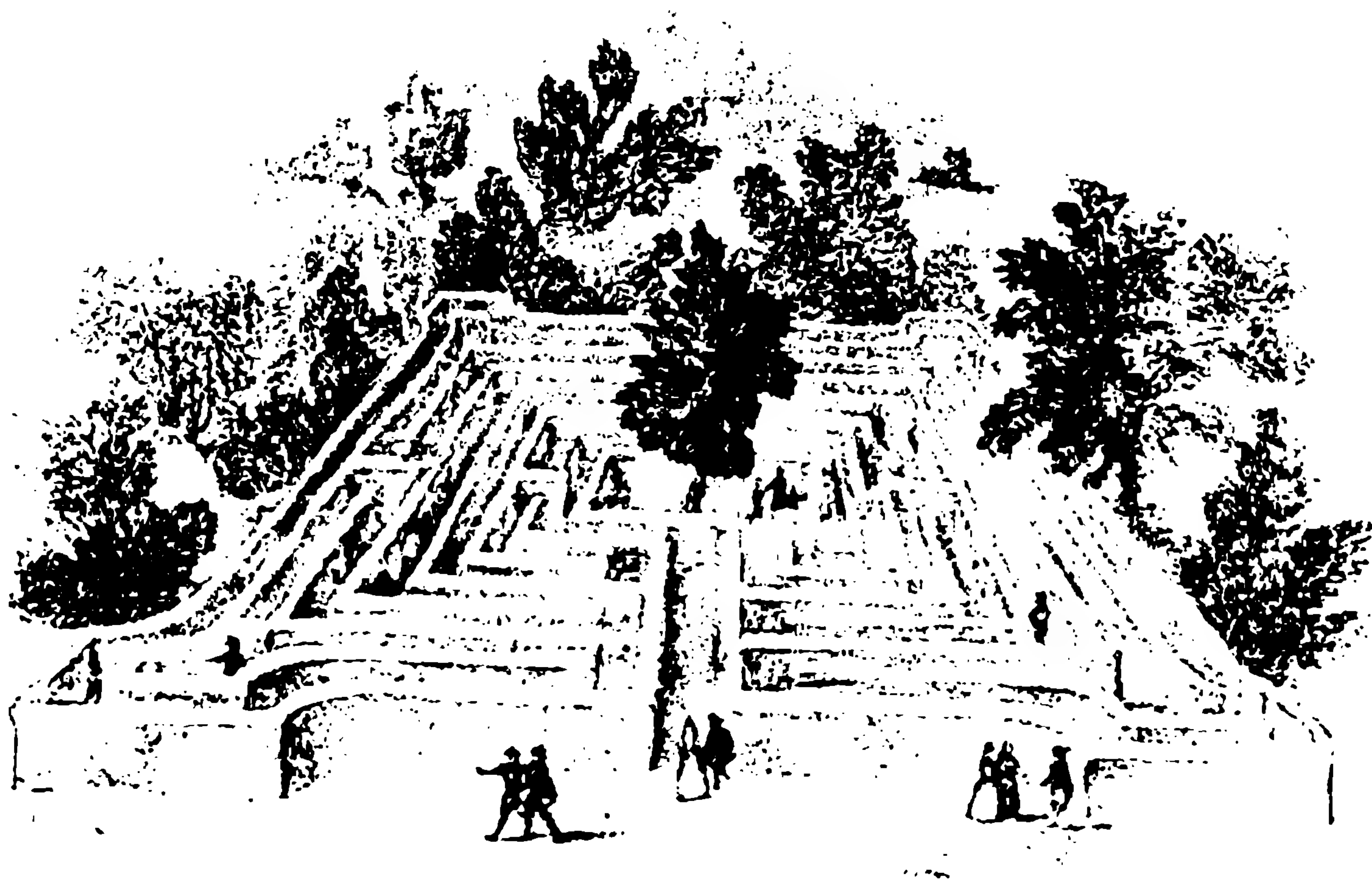
Возвращается Ариэль, гоня перед собою
Калибана, Стефано и Тринкуло; последние двое наряжены
в украденные одежды.

Стефано. Все за одного, а один за никого, ибо нами управляет рок.— Бодрись, молодчага чудище, бодрись!

Тринкуло. Если только два соглядателя на моем лице не врут, то перед нами — зрелище на славу!

Калибан

О Сетсбос! Как грозны эти духи!

Таинственный и дивный лабиринт. Из издания Найта

Как ослепителен мой господин!
Боюсь, накажет он меня.

С е б а с т ь я н

Ха-ха!

Взгляни, Антонио, на эти рожи!
Нельзя ли их купить?

А н т о н и о

Должно быть, можно.

Одна из этих тварей — просто рыба
И, верно, продается.

П р о с п е р о

Полюбуйтесь

На этих трех преступников, синьоры:
Вот этот безобразный раб — сын ведьмы,
Колдуньи столь искусной, что луна
Служила ей покорно, вызывая
Приливы и отливы ей в угодую...
Они втроем ограбили меня.
А этот полудьявол — потому что
Он отпрыск дьявола и этой ведьмы —
Их подговаривал меня убить.
Те двое вам достаточно известны,
А это порожденье тьмы — мой раб.

К а л и б а н

Теперь меня защиплет он до смерти.

А л о н з о

Как! Стефано? Мой пьяница дворецкий?

С е б а с т ь я н

Пьян и сейчас. Где ж он добыл вина?

А л о н з о

И Тринкуло качает, как былинку!
Но где они нашли такую жидкость,
Чтоб человеческий утратить облик?

(К Тринкуло.)

Ответь, дурак, где нахлестались вы?

Т р и н к у л о. Ох, с тех пор как мы виделись в последний раз, меня так нахлестали, что пробрало до самых костей. Теперь уж меня ничем не удивишь.

С е б а с т ь я н

А ты что скажешь, Стефано?

С т е ф а н о. Ой, не трогайте меня! Я не Стефано, а сплошная судорога.

П р о с п е р о

Ты, плут, мечтал быть здешним королем?

С т е ф а н о. Если и королем, то уж тогда королем болячек.

А л о н з о

(указывая на Калибана)

Вот удивительное существо.

П р о с п е р о

Уроdlив он и телом и душой.

(Калибану.)

Эй ты, в мою пещеру отправляйся,
С собой возьми приспешников своих.
Коль вы хотите заслужить прощенье —
Все вычистите там и приберите.

К а л и б а н

Исполню все. Прощенье заслужу
И стану впредь умней. Тройной осел!
Дрянного пьяницу считал я богом!
Я дураку тупому поклонялся!

П р о с п е р о

Ступайте прочь!

А л о н з о

А вещи положите
Туда, где их нашли.

С е б а с т ь я н

Верней, украли.

Калибан, Стефано и Тринкуло уходят.

П р о с п е р о

Вас, государь, и приближенных ваших
Прошу пожаловать в мою пещеру,

Мы эту ночь там вместе проведем.
Надеюсь; время быстро пролетит:
Часть ночи я займу своим рассказом
О том, как я попал на этот остров,
О том, как жил я здесь. И поутру
Мы отплывем на корабле в Неаполь,
Где бракосочетание детей
Хочу я поскорее увидеть.
А после возвращусь домой, в Милан,
Чтоб на досуге размышлять о смерти.

А л о н з о

Жду твоего рассказа с нетерпением,
Он, верно, слух наш прикует к себе.

П р о с п е р о

Все расскажу я вам. И обещаю:
Под вами будет море безмятежным;
Попутный ветер, паруса надув,
Поможет вам догнать флот королевский!

(Ариэлю.)

Исполни это, мой крылатый друг, —
И ты свободен! Возвратись к стихиям.
Прощай! Прощай!

(К остальным.)

Друзья, прошу сюда.

Уходят.

ЭПИЛОГ

(произносится актером, играющим Просперо)

Отрекся я от волшебства.
Как все земные существа,
Своим я предоставлен силам.
На этом острове унылом
Меня оставить и проклясть
Иль взять в Неаполь — ваша власть.
Но, возвратив свои владенья
И дав обидчикам прощенье,
И я не вправе ли сейчас
Ждать милосердия от вас?
Итак, я полон упования,
Что добрые рукоплесканья
Моей ладьи ускорят бег.
Я слабый, грешный человек,
Не служат духи мне, как прежде.
И я взываю к вам в надежде,
Что вы услышите мольбу,
Решая здесь мою судьбу.
Мольба, душевное смирение
Рождает в судьях снисхождение.
Все грешны, все прощенья ждут.
Да будет милостив ваш суд.

Примечания и комментарии

“Цимбелин”

Пьеса была в первый раз напечатана в фолио 1623 года. Текст ее дошел до нас в плохом состоянии. Многие места производят впечатление недоработанности, что побуждает некоторых критиков считать этот текст скорее наброском, чем вполне законченной пьесой.

Сомнение в принадлежности Шекспиру вызывает у многих исследователей “видение” в сцене V, 4, похожее на вставку, сделанную другим автором для какого-нибудь придворного спектакля, где такие пышные аллегории весьма ценились.

Для точной датировки пьесы мы располагаем достаточными данными. Сохранилась запись от 15 мая 1611 года некоего доктора Формена, который отмечает, что он был на представлении “Зимней сказки” в театре “Глобус”, добавляя при этом, что он видел там также “Цимбелина”, но не указывает даты представления второй пьесы. Хотя некоторые критики считают этот документ подделкой, большинство исследователей признают его подлинность.

По своему стилю и общему характеру пьеса близка к “Периклу”, “Зимней сказке” и “Буре”, относящимся к последним годам творчества Шекспира. Находят также черты влияния “Цимбелина” на пьесу Бомонта и Флетчера “Филастр”, возникшую примерно в 1610–1611 годах. Все это в соединении с некоторыми метрическими данными заставляет критиков предположительно датировать “Цимбелина” 1609–1610 годами. О ранних постановках пьесы, не считая упомянутой записи Формена, сведений не сохранилось.

Сюжет пьесы чрезвычайно сложен и представляет собой свободное соединение весьма разнородных материалов.

Источником для исторической рамки Шекспиру послужили “Хроники” Холиншеда (2-е изд., 1587 г., кн. III, гл. 17-18), откуда взяты имена самого короля (у Холиншеда — Кунобеллин) и двух его сыновей. Но образы Постума, Клотена и злой королевы добавлены Шекспиром. Из других мест той же хроники заимствованы кое-какие детали — например, имя Имогены или рассказ Постума о перипетиях битвы с римлянами. Этим, однако, исторический колорит пьесы исчерпывается, если не считать того, что действующие лица, как и в “Короле Лире”, клянутся языческими богами. В эту условно-историческую рамку Шекспир вставил сюжет частью фольклорного, частью новеллистического характера, насытив его чертами нравов современного ему общества.

Оставляя в стороне множество осложняющих фабулу деталей (почерпнутых из Овидия, Плутарха, предшествующих английских драматургов и т.д.), в пьесе можно различить две основные темы: историю оклеветанной Имогены и судьбу двух сыновей Цимбелина, воспитанных в лесной глуши, включая счастливую встречу их с сестрой.

Первая из них — вариант широко распространенного в средневековой и ренессансной литературе рассказа о верной жене и дерзко посягнувшем на ее честь наглеце. Наиболее известная форма этого сказания представлена 9-й новеллой II дня “Декамерона” Боккаччо, где рассказывается о том, как Бернабо из Генуи, обманутый Амброджоло, теряет свое состояние, на которое побился об заклад, и, чтобы отомстить жене, велит ее убить. Она, однако, спасается и в мужском платье служит у султана; открыв обманщика, она направляет Бернабо в Александрию, где обманщик наказан, а сама снова надевает женское платье и, разбогатев, возвращается с мужем в Геную. По-видимому, эта новелла Боккаччо и послужила пря-

мым источником Шекспиру, который в обработке ее проявил значительную свободу. Главное из его отклонений заключается в том, что им совершенно отброшен момент разорения и обогащения основных персонажей и все внимание сосредоточено на анализе их переживаний. Однако кроме “Декамерона” Шекспир был, вероятно, знаком с некоторыми другими, по-видимому французскими, версиями этого сюжета, откуда он почерпнул кое-какие детали, как например, изображение представителей четырех национальностей (1, 4).

Вторая тема — явно фольклорного происхождения. В известной сказке о Белоснежке рассказывается, как один король, вторично женившись на чрезвычайно красивой, но весьма гордой и жестокой женщине, предоставил ее попечению свою маленькую дочь от первого брака. Девочка бежит от злой мачехи и попадает в пещеру, где живут добрые карлики. Они ласково принимают Белоснежку, и она остается у них, чтобы стряпать им и вести хозяйство. Эта идиллическая жизнь на лоне природы, среди ее добрых сил прерывается мнимой смертью Белоснежки, которую, однако, оживляют.

Все это очень близко к тому, что изображено у Шекспира. Главное его отступление заключается в том, что он заменил добрых карликов двумя братьями юной героини и их воспитателем. Хотя английский вариант этой сказки до сих пор не был найден, он без сомнения существовал во времена Шекспира и послужил ему прямым источником.

Введение, с одной стороны, двух похищенных сыновей короля, с другой стороны — сына королевы от первого ее брака, Клотена, объединяет обе названные темы и придает всему сюжету известную политическую окраску.

Итак, 1) как исходный пункт, псевдоисторическая хроника Холиншеда, к которой Шекспир уже не раз обращался в

поисках сюжетов ("Король Лир", "Макбет" и т.д.) и которая на сей раз повествует о событиях I в. до н.э. и I в. н.э.; 2) средневековая новелла — анекдот о верной, подло оклеветанной жене; 3) патриотическая тема борьбы за национальную независимость против римлян; 4) полуновеллистическая тема порочных махинаций злой королевы, стремящейся сжить со света лучшего из вельмож государства, мужа дочери короля, как раньше она заставила бежать от двора лучшего военачальника короля Белария, уведшего с собой двух маленьких сыновей короля, чтобы воспитать их на лоне природы, в лесной глуши, в неведении зла; 5) всевозможные отклики римской мифологии, переполняющие пьесу, — таково пестрое смешение всевозможных сюжетных измышлений, волнующих и развлекательных, вполне в духе и стиле тех трагикомедий, которые начинают входить в моду около 1609 г. сначала в придворном театре, а затем, после перехода всех актерских групп под надзор и опеку короля, и в городских лондонских труппах.

Чтобы сделать из этой причудливой рапсодии нечто лучшее, нежели мелодрама Бомонта и Флетчера, насытив ее подлинным гуманистическим содержанием, понадобились весь гений и вся поэтическая непосредственность Шекспира. Ему очень помогло при этом то, что помимо всех перечисленных выше источников он использовал еще один — на этот раз уже не книжный, а живой, — пришедший к нему из жизни и потому особенно важный и действенный. Некоторые критики отрицают этот источник, ввиду того что ему недостает "портретной" точности, близости в мельчайших деталях. Они забывают при этом, что в случаях с живым источником или образом совпадения в деталях как раз не требуется: гораздо важнее общий характер, атмосфера, которою овеяны собы-

тия, если только она действительно содержит черты специфические, имеющие “необщее выражение”.

Весной 1610 г. произошли политические события, отразившиеся в пьесе. К этому времени характер придворной жизни при первом короле из династии Стюартов значительно изменился. Надежды, вызванные началом правления Иакова I (заботы о просвещении, покровительство искусству), не оправдались. Двор стал ареной либо пустейших увеселений, либо самого необузданного разврата. Единственным светлым пятном на нем оставалась Арабелла Стюарт, племянница короля. Но в качестве таковой она обладала какими-то неясными правами на престол и по этой причине состояла под строжайшим надзором. На свою беду она влюбилась в Вильяма Сеймура, сына лорда Бошана, который также имел какие-то смутные претензии на трон. Иаков этой близости между молодыми людьми не сочувствовал, но они не захотели быть покорными и тайно обвенчались. Тогда Иаков велел арестовать обоих, но любящим удалось бежать. Однако несчастная случайность разрушила планы беглецов. Вильям счастливо скрылся на континент, но Арабелла слишком долго прождала мужа в условленном месте встречи и, пойманная посланной за ней погоней, была отвезена на родину и там умерла в заточении, сойдя с ума. Не будучи прямой аналогией, история Арабеллы Стюарт имеет черты некоторого сходства с судьбой Имогены.

Есть серьезные основания полагать, что “Цимбелин” был не с самого начала задуман Шекспиром как “трагикомедия” (или, как мы бы сказали сейчас, “мелодрама”), но что первый его набросок мыслился Шекспиром как “трагедия” (так, кстати сказать, и обозначена пьеса в первом фоллио 1623 года). Слишком выразительна в этом отношении перебивка первых сцен пьесы с экспозициями “Гамлета”, “Ко-

роля Лира” и “Тимона Афинского”, характеризующими моральную обстановку во дворце или в среде древнегреческого патрициата. Лишь постепенно и нерешительно акцентируются жизнерадостные или, скажем, примирительные тона, пока они не прозвучат с полной силой в сценах “лесной идиллии” Белария и двух юных принцев. Но еще долго зловещие и мрачные интонации (например, в роли королевы, слишком поздно и без достаточной мотивировки готовящей яд для Цимбелина) слышатся в пьесе с большей силой и ожесточением, чем это допускалось канонам трагикомедии.

Одна роль как в “трагедийном”, так и в “трагикомедийном” плане резко выделяется среди остальных как своей человеческой значительностью, так и глубиной своей разработки: это — Имогена, любимица многих патентованных и непатентованных шекспиристов (как, например, Стендаля, положительно влюбленного в этот действительно прелестный образ). В этой редакции сказания об испытании верной жены и посрамлении наглого хулителя, какую избрал Шекспир, унижен и наказан до некоторой степени и муж красавицы. Можно думать, что эта черта наложила печать и на характер Имогены, взятый в целом.

Здесь Шекспир, чтобы иметь возможность резче противопоставить чистоту наглости, показать их решающую схватку, не довольствуется подкупом одной женщины, к которому прибегает негодяй, чтобы проникнуть в спальню Имогены, но показывает его попытки обольстить ее. Когда Якимо уверяет Имогену в измене ей Постума, Имогена отвергает эту низкую клевету, уже показывая таким образом свое нравственное превосходство. Она — натура сильная, и ее характер определяется не одной лишь любовью и преданностью (подобно Геро в “Много шума из ничего”, Дездемоне или Гермione). Она столь

же горда и решительна, как и смела. Она не боится смерти (в Мильфорде), даже жаждет ее, узнав, что муж усомнился в ее моральной стойкости. Она не боится злой мачехи, спорит с отцом, отстаивая свое право любить Постума. Кажется, что Шекспир для ее образа заимствовал некоторые краски у чуть-чуть строптивых и задорных, умеющих постоять за себя героинь своих ранних комедий Розалинды, Беатриче, Порции, Виолы.

Несмотря на исключительное внимание, которое Шекспир уделил Имогене, нельзя все же сказать, что ее образ заслоняет другие образы пьесы, заполняя все действие. Судьба героини связана с двумя противопоставленными друг другу мирами. С одной стороны, это двор, являющийся, как и в “Гамлете”, средоточием всякой низости и морального падения. Тон здесь задает развратная и гнусная королева, под неограниченным влиянием которой находится вовсе не преступный, но крайне слабохарактерный и морально неполноценный король. Украшение двора и любимец царственных супругов, не знающий преград своей воле и своим низким выдумкам, — сын королевы от первого брака Клотен, самое имя которого, явно смысловое (clot — “комок, глыба земли”), в достаточной мере свидетельствует о его тупости и распутстве.

Но постепенно, и чем дальше, тем отчетливее, вырисовывается второй центр действия, противоположный двору, — лесная глушь, приют Белария и его двух питомцев, где все дышит чистотой и безмятежным спокойствием. Изображенная здесь лесная идиллия многими чертами напоминает пастораль “Как вам это понравится”. Задуманное первоначально как месть оскорбившему Белария королю похищение юных принцев оказалось для них благодеянием, ибо, не зная о своем королевском происхождении, воспитанные на лоне природы, принцы морально оказались выше, чем они были бы,

живя во дворце. Недаром в решающей схватке с римлянами они выступают спасителями отечества.

Подобно идиллической жизни изгнанников в Арденском лесу (“Как вам это понравится”), здесь нет денег; все нужное для жизни доставляет охота. Старшие делятся опытом жизни с младшими. Законы здесь не имеют цены, и ссылки на “исторические” права Клотена вызвали бы презрительный смех. Даже религия, если ее понимать как “предание”, а не как “естественное откровение природы”, утрачивает здесь всякий смысл. Утренний привет заре, солнцу, которое все питает, — вот и весь известный живущим здесь ритуал. Нет никаких похоронных обрядов. Краткое задушевное прощание, цветы, брошенные на гроб как пожелание вечного покоя, — вот и все (IV, 2); ни слова о воскресении, о загробной встрече, просто уход из жизни и посмертное растворение в природе. На этой части пьесы, как бы предвосхищающей идеи Руссо, автор особенно охотно задерживается. Читатель видит перед собой живых людей, а не штампы пастушеской поэзии античности или Возрождения. Но вместо веселой выпивки и задорных песен старой пасторали Шекспира лесное уединение “Цимбелина”, подобно “Тимону Афинскому”, хранит в себе привкус “мировой скорби”. Ненависть к порочному двору таит в себе нелюбовь ко всему человечеству. Тут нет шутов, влюбленных крестьянок и стихов, развешанных на деревьях. Беларий воспитывает юношей в презрении к земным благам. Он учит их понимать неблагодарность мира, от которой когда-то бежал в лесную глушь. И ненависть ко двору переходит у него (как в “Тимоне”) в ненависть ко всему человечеству. Но счастье при виде доблести воспитанников смягчает это чувство и несколько примиряет Белария с жизнью.

Здесь находит приют Имогена. Здесь добрые образуют

незримый союз, своего рода братство. Различия между людьми создаются культурой, природа их не знает. Шекспир от пастушеской лирики здесь поднимается до сознательной гуманистической идеи, недоступной его эпохе: человеческие понятия о нравственности условны и относительны.

Яснее всего раскрывается характер Имогены в ее взаимоотношениях с мужем. В общем, Постум — хороший человек, но испытавший влияние среды; он более чувствителен к внешней “чести”, чем к внутренней “честности”. Для него Имогена — “ангел-хранитель”. Пока он с ней, он проявляет лишь одни свои хорошие стороны. Но стоит ему перебраться в Италию, как мы обнаруживаем уже нечто совсем другое. Ему недостаточно того, что у него хорошая жена, ему надо еще похвастаться этим! Он знает лишь придворных дам, и ему чужда мысль, что Имогена может оказаться иною. Ему приходит даже низменная мысль — поручить то, что он считает “законной карой”, другому, слуге (вспомним итальянскую новеллу, послужившую Шекспиру сюжетным источником для “Отелло”, где венецианский мавр поручает убить Дездемону лицу, соответствующему шекспировскому Яго, — мотив, отброшенный Шекспиром). А потом приходит безграничное, но, увы, слишком позднее раскаяние (черта, явно недооцененная Б.Шоу, написавшим новое окончание “Цимбелина”). Постум Шекспира налагает на себя покаяние — смерть в бою, и молит о ней богов (V, 4).

Безусловно, с точки зрения композиции в пьесе есть спорные и даже явно слабые места. К числу таких относится интермедия с появлением Юпитера на орле и призраков предков Постума в его темнице (V, 4). Весьма возможно, что эта сцена, вполне соответствующая вкусам придворного спектакля, была подсказана Шекспиру включением в “Перикла” сцены с Дианой Эфесской (V, 1); однако невысокий художественный

уровень всей этой интермедии делает вероятным предположение, что Шекспиру принадлежит лишь первоначальный набросок ее, который он передал на разработку актерам своей труппы. Во всяком случае, интермедия эта не имеет никакого отношения к действию пьесы.

По меньшей мере еще в двух случаях сопоставление Имогены с Постумом подчеркивает ее нежность и душевную тонкость. Способная перенести довольно спокойно любое оскорбление или клевету, идущие от глупца или негодяя Клоте-на, она вспыхивает как порох, когда он пытается унижить или опорочить ее избранника. Когда он называет Постума “каким-то приживалом, недостойным быть даже свинопасом”, она восклицает: “Негодяй! Будь ты потомком солнца самого, знай — и тогда ты был бы недостойн его рабом назваться” (II,3).

И еще: когда Пизанио сообщает ей о смертном приговоре, вынесенном ей Постумом, она не трепещет за свою жизнь, но ее терзает мысль о том, как он будет потом раскаиваться в содеянном (III,4).

Сцена в спальне, когда Якимо пытается обольстить ее, — одна из лучших, написанных Шекспиром. Контраст между чистой дремой Имогены и душевной грязью Якимо не мог быть передан выразительнее.

В заключение отметим два момента первостепенной важности, оба относящиеся к сдвигам во взглядах и мироощущении Шекспира последних лет. Один относится к контрасту между образами Белария и героя незадолго перед тем написанного “Тимона Афинского”. Если Тимон весь уходит в проклятия миру и в отрицание его, Беларий, хотя и сильнее пострадал от человеческой несправедливости, устремляется в деятельную борьбу за исправление людей, тянется к жизни среди них и к служению добру.

Второй относится к одному из самых трогательных мотивов финала. Когда все заблуждения, несправедливости, даже преступления Якимо оказываются раскрыты и правильно всеми оценены, он становится на колени перед Постумом, прося у него прощения, на что Постум откликается: “Вся месть моя — прощение. Живи и стань честней” (V, 5).

В призыве к великодушию хотели видеть апелляцию к “христианскому всепрощению”, упуская из виду, что в общем контексте этой совершенно чуждой религиозным мотивам пьесы “прощение” гораздо ближе к светскому, вполне гуманистическому “великодушию”, “душевной щедрости”, “милости”, к которому безуспешно призывает Шейлока Порция в сцене суда, чем к христианскому идеалу “всепрощения”, и что этот призыв явно не распространяется ни на королеву, ни на Клотена, которые понесли заслуженную и не подлежащую, по мысли Шекспира, отмене кару. “Прощение — всем”, — говорит устами своего героя Цимбелина великий поэт-гуманист, и в этом призыве, правильно понятом, весь смысл и назначение пьесы.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Цимбелина”

К с. 7. Д е й с т в у ю щ и е л и ц а. — В именах персонажей наблюдается пестрое смешение форм кельтских (Цимбелин, Гвидерий, Арвираг), латинских (Постум, Леонат и др.) и итальянских (Филарио, Якимо).

Имя *Постум* по-латыни значит “рожденный после смерти отца”, прозвище его *Леонат* означает “рожденный львом”.

К с. 12. Когда Кассивелаун шел на римлян... — Кассиве-

лаун — один из вождей древних бриттов, упорно боровшихся с Юлием Цезарем.

К с. 62. *Так Тарквиний...* — намек на сказание, обработанное Шекспиром в поэме “Лукреция”.

К с. 64. *...историю Терeya...* — История Терeya и жертвы его насилия Филомены, рассказанная в “Метаморфозах” Овидия, несколько раз упоминается в трагедии Шекспира “Тит Андроник” (см. т. 5 настоящего издания).

К с. 110. *Письма верного супруга?* — Имогена находит на своей груди письма Постума, которые называет ересью, как бы противопоставляя их священному писанию.

К с. 119. *Северн* — река, которую им надлежит перейти, чтобы добраться до Мильфорда.

К с. 156. *Их будут реполовы приносить...* — Существовало народное поверье, что реполовы покрывают погребенных покойников мхом.

К с. 209. *Он печально слушал, как мы своих красоток восхваляли...* — Эта сцена у Шекспира отсутствует, хотя в новелле Боккаччо, послужившей ему источником, она имеется.

“Зимняя сказка”

Пьесу видел в “Глобусе” 15 мая 1611 года Саймон Формен, о чем имеется запись в его дневнике. На основании стилизованных, версификационных и композиционных признаков пьеса датируется 1610/11 годом (Э.-К. Чемберс).

Текст, впервые напечатанный в фоллио 1623 года, не является сценическим вариантом, а, по-видимому, сделан по авторской рукописи.

Источником сюжета послужил прозаический роман Роберта Грина “Пандосто, или Торжество Времени” (1588). Книга

была переиздана в 1607 году под названием “Дораст и Фавния”. Гриновский Пандосто — это Леонт у Шекспира, а Дораст и Фавния — Флоризель и Утрата. Автолик, Паулина, Антигон — образы, не имеющие параллели у Грина.

Мы признаем многогранность Шекспира, но нередко впадаем в односторонность, подходя ко всем его произведениям с одними и теми же мерками. Над нами довлеет представление о Шекспире как авторе великих и глубоких по мыслям трагедий, и мы равняем под их уровень и остальные его драмы. Так, в частности, обстоит с “Зимней сказкой”.

Эта пьеса не выдержит проверки критериями реалистического искусства. Все в ней невероятно: и неожиданно вспыхнувшая ревность Леонта, и мнимая смерть Гермiony, скрывавшейся шестнадцать лет от своего ревнивого мужа, и чудесное спасение их дочери Утраты, и пасторальная любовь Утраты и Флоризеля. Напрасно стали бы мы искать здесь жизненного правдоподобия. Если бы Л. Толстой применил свой метод анализа творчества Шекспира к “Зимней сказке”, он легко убедил бы нас, что это произведение абсурдно от начала и до конца. И самый неверный путь, который можно избрать при разборе этого произведения, — это пытаться доказать, что действие его поддается мотивированному объяснению.

Мы привыкли игнорировать значение названий пьес Шекспира. Он сам приучил нас к этому своими уклончивыми “Как вам это понравится” и “Что угодно”. Но в данном случае название является ключом к пьесе: это — сказка. Почему “зимняя” — нам объяснит самый юный ее персонаж, принц Мамиллий, и устами младенца нам глаголет истина: “Зиме подходит грустная” (II, 1).

Долго живя в народе, сказка вбирает много необыкновенного и всяких чудес. Кто богат на выдумку, рассказывая

ее, добавит что-нибудь и от себя. Если вам приходилось когда-нибудь рассказывать детям сказки, вы согласитесь с этим. Нисколько не заботясь о правдоподобии, вы вставите в свое повествование самые странные подробности, извлекая из запасов памяти разнообразные эпизоды.

Так складывал эту “Зимнюю сказку” и Шекспир. Все равно, как будет называться страна, где происходит действие. Пусть это будет Сицилия, а другая страна пусть называется Богемией. Шекспировский зритель знает, что такие страны где-то существуют, но никакого представления о них не имеет, и это тем лучше для сказки. Для этой истории понадобилось кораблекрушение, и оно происходит у берегов Богемии (нынешняя Чехия). Какое значение имеет то, что около Богемии нет моря? Для рассказа оно нужно, и оно появляется так же легко, как и медведь, который тут же на морском берегу загрызает Антигона. К Сицилии надо добавить Дельфы, куда отправляют послов к оракулу, и для вящей красочности Дельфы оказываются расположенными на острове. Рядом с дельфийским оракулом соседствует пуританин, поющий псалмы под звуки волынки (IV, 2). А героиня, Гермiona, пусть будет дочерью русского царя. Когда же понадобится сказать о том, что скульптор изваял ее статую, то этим скульптором будет итальянец Джулио Романо. Так нужно тоже для большей красочности рассказа.

Какая смесь имен, названий и понятий! Нет, это, конечно, не может быть реальным миром! Это мир сказки, и было бы смешно искать в ней правдоподобия. Рассказчика не надо пытаться придиричивыми расспросами. Слушайте и удивляйтесь! Ведь когда вам рассказывают сказку, вы хотите услышать про удивительное, и сказочник вам его дает. Но мы знаем: сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

Так и в “Зимней сказке” Шекспира. Сквозь фантастику и вымысел нам светит правда жизни, в которой есть и дурное, и печальное, и радостное. Только правда эта возникает перед нами не в картине, последовательно изображающей причины и следствия, а в сумбурном стечении неожиданностей и случайностей. От этого она не становится меньшей правдой, потому что, слушая сказку, мы ведь не забываем о настоящей жизни и среди чудесных сказочных происшествий мы узнаем то, что бывает на самом деле. И мы знаем — на самом деле бывают ревнивые мужья, отвергнутые жены, брошенные дети, как бывают и добрые кормилицы, верные слуги, честные советники.

Мы сказали, что эту пьесу не следует равнять с драмами большого социально-философского значения, ибо автор здесь не доискивается тайных пружин событий и человеческих судеб, но и эта пьеса является социальной и философской. В ней даже обнаженнее, чем в великих трагедиях, предстают философские категории добра и зла. Как в сказке, все здесь аллегорично и символично. Леонт — зло, Гермiona — его жертва, Паулина — верность, Утрата — невинная юность. И каждый персонаж пьесы, как это полагается в сказке, сразу обнаруживает — хороший он или плохой.

Перед нами рассказ о невероятном, но все в нем вероятно. В сказочных происшествиях пьесы можно разглядеть ту же борьбу добра и зла в жизни, какую мы видим и в великих трагедиях Шекспира. Поэтому “Зимняя сказка” тоже философская пьеса. Это пьеса о зле, овладевшем душою человека, который разбил свое счастье и счастье тех, кого он больше всего любил.

Давно уже было замечено, что одна из центральных тем пьесы — ревность — повторяет одну из тем трагедии

“Отелло”. Но Леонт — не Отелло, ему несвойственна великая доверчивость венецианского мавра, и не понадобилось страшного коварства Яго, чтобы разрушить его доверие к любимой женщине. Леонт носит натуру Яго в душе своей, ибо он истинный ревнивец, человек, полный подозрительности, не верящий никому и ничему, кроме голоса своей темной страсти. Даже когда сам оракул вещает, что Гермиона невинна, он остается при своем слепом убеждении в ее неверности. Страшное чудовище ревности заставляет его желать смерти Гермионе и ее ребенку, последствию ее греха, как думает Леонт.

Мы видели, что и Отелло творил суд над Дездемоной, когда поверил в ее вину. Но мавр был введен в заблуждение, и некому было открыть Отелло глаза. Леонт не торопился так, как Отелло. Он судил Гермиону не в душе своей, как мавр, а открытым судом перед всеми, но и он был слеп, хотя не великие побуждения гуманности, не жажда нравственной чистоты, а только ложное понятие об оскорбленной чести руководило им.

А потом и в нем, как у Отелло, пробуждается сознание своей ошибки, горькое чувство вины за зло, причиненное чистой женщине — Гермионе, раскаяние в содеянном, понимание того, что он собственными руками лишил себя возможности счастья быть мужем и отцом. Но Леонт не обладает героической натурой Отелло, столь решительно покаравшего себя за роковую ошибку. Он не налагает на себя рук. Свои душевные муки он принимает как расплату за слепую страсть. В душе его теперь родилось преклонение перед Гермионой, верной женой и прекрасной матерью. Человек страсти, он, прежде безумно ревновавший, теперь так же безудержно предается раскаянию и тоске.

Раскаяние оказывается великой целительной силой. Мы не согласимся, однако, с теми критиками, которые утвержда-

ют, будто душевная драма Леонта призвана иллюстрировать христианскую мораль. Пьеса Шекспира свободна от малейшего налета религиозной этики. Если в ней и есть боги, то лишь языческие, от имени которых вещает дельфийский оракул. Вообще же Шекспир придал всему произведению такой сказочный колорит, который исключает самую возможность сведения его к любой этической доктрине, кроме одной — той, которая исходит из природы человека.

Леонт сам ответственен за зло, совершенное им, и ничто, кроме его собственного сознания, не побуждает его к раскаянию. Шекспир и в этой пьесе верен своей арелигиозности и вражде к этическому догматизму. Для него и здесь, как в других произведениях, человек является началом и концом всего происходящего между людьми.

Тема “преступления и наказания” решается в “Зимней сказке” так же, как в “Макбете” и во всех других произведениях Шекспира: хороший человек, поддавшийся дурной страсти, расплачивается за преступление душевными муками, ибо сама природа в нем возмущается против совершенного им зла. Такова вообще “естественная” и “природная” мораль Шекспира.

Леонта не следует ставить в один ряд с теми персонажами Шекспира, которые творили зло ради зла и никогда не раскаивались в этом. Ни Ричард III, ни Яго, ни Макбет, ни Клавдий не желали отречься от себя, признать вину, и тогда их постигала кара, но то была не божественная кара, а возмездие, совершаемое людьми же.

Леонт раскаялся, и это меняет к нему отношение всех, в том числе и Паулины, беспощадной обличительницы его злобного своеволия. Своим раскаянием он заслуживает прощения, и Гермiona возвращается к нему.

Добро одерживает победу над злом. Оно одерживает ее там, где корень и источник зла жизни — в самой душе человека, и жизнь, другие люди, обстоятельства — все соединяется для того, чтобы увенчать эту победу добра в человеческой душе торжеством согласия, дружбы и любви во внешнем мире.

Об этом и повествуется в сказке Шекспира. Верность, честность, нравственная чистота оказались сильнее зла. Такой морально-философский итог шекспировской пьесы. Но ее содержание составляет отнюдь не одна только этическая проблема.

Вглядимся внимательнее в истоки зла. Оно все исходит от Леонта. Не случайно он представлен королем. Мы знаем: правда, что злодеи у Шекспира не обязательно цари. Яго и Эдмонд — люди сравнительно невысокого общественного положения. Но зло, как правило, имеет у Шекспира своим источником стремление людей возвыситься, приобрести власть над другими либо эгоистическое использование своего могущества. Высшая степень самовластия испортила Леонта так же, как испортила она и Лира. Он расправляется с женой не только как муж, но и как государь. Он судит ее открыто и осуждает своей властью монарха. Сознание своего могущества придает ему уверенность даже тогда, когда все свидетельствует в пользу невиновности Гермионы. Сцена суда над ней — великолепный образец шекспировского реализма. Это кусок страшной жизненной правды, включенной Шекспиром в его романтическую сказку. Вспомним “суд” тирана Ричарда III над Хестингсом (“Ричард III”; III, 4). Леонт проявляет ту же беззастенчивость деспота, когда при полном отсутствии улики осуждает Гермиону. Это уже не сказка, а ветер истории и реальной жизни, ворвавшийся в пьесу. В сознании народа еще была жива память о короле-деспоте Генрихе VIII, с чудовищным цинизмом предававшем суду и казни своих жен. Мы мо-

жем не сомневаться в том, что именно этим был навеян рассматриваемый эпизод пьесы, ибо Шекспир вскоре вернулся к данной теме в “Генрихе VIII”, где показал уже не сказочного короля далекой Сицилии, а английского монарха, так же необоснованно обвинявшего свою жену в измене.

Корень зла, таким образом, не просто в дурных качествах человека, но в деспотизме. Сказка Шекспира не лишена, как видим, вполне ясного социально-политического мотива. Она осуждает тиранию, равно жестокую и в своих общественных проявлениях и в частной жизни.

Откуда же приходит избавление от зла? Как ни романтически случайны все стечения обстоятельств, приносящих счастливую развязку, нельзя не заметить определенной закономерности. Добро живет не во дворце, и носителями его являются не люди, наделенные властью.

Прежде всего активное утверждение добра воплощено в Паулине. Жена одного из придворных, она совсем не похожа на фрейлину. В ней нет ни капли притворной чопорности, жеманства или угодничества. Ее отличает прямота, и она смело говорит правду Леонту. Воплощенная преданность, именно Паулина прячет у себя Гермину и в конце устраивает примирение супругов. Такой же честностью отличается и советник короля Камилло. Но они не могут помешать злу до тех пор, пока оно само не исчерпало свою силу. Лишь тогда они оказываются в состоянии не только говорить правду, но и сделать что-либо для реальной победы справедливости.

Полным контрастом жизни королевского дворца является картина той сельской идиллии, которая разворачивается перед зрителем в четвертом и пятом актах. Здесь вдали от мира живут пасторальные поселяне полуфантастической Богемии, и среди них воспитывается, растет юная Утрата, зло-

счастливая дочь Леонта и Гермiony. Сюда приходит принц Флоризель, полюбивший девушку и решивший соединиться с ней, несмотря на то, что она простая крестьянка.

Так возникает новый социальный мотив — отрицание сословных различий. То, что Утрата, как выясняется в конце, сама является королевской дочерью, несущественно. Важно, что Флоризель во имя своей любви отвергает сословные различия. Он-то ведь думает, что Утрата — простая крестьянка, однако это не останавливает его. Он скорее откажется от своего будущего царства, чем от счастья с Утратой, и, натолкнувшись на сопротивление отца, бежит с девушкой из страны.

Сопоставляя этот мотив сюжета с сюжетом пьесы «Конец — делу венец», мы видим, что Шекспир здесь, как и там, утверждает идею человечности, силы чувств, ломающих сословные перегородки.

Победа добра в пьесе — это торжество лучших проявлений человечности, присущих людям, которые не признают насилия над чужой волей, отрицают всякие различия между людьми, кроме естественных. В мире простых людей, где выросла Утрата, тоже не все идеально. Здесь также есть свои носители зла. Автолик, этот бродяга и обманщик, плут и вор, без зазрения совести стащит у бедняка кошелек. Но он веселый и в общем безобидный жулик, который большого зла причинить не может. Думается, совсем не случайным является тот иронический штрих, что такой проходимец претендует на дворянское благородство.

Дух подлинной народности пронизывает всю пьесу Шекспира. Она похожа именно на народные сказки, каковы бы ни были литературные источники пьесы. Злой король и добрые бедные люди, помогающие обиженным, — это типичные образы народных сказок. И у Шекспира добро и счастье прихо-

дят от тех, кто живет не по законам власти и силы, а согласно морали верности и любви.

Есть в пьесе еще одна тема, не новая для Шекспира, но возникающая здесь в новом значении. Это тема времени. Впервые мы встречаемся с ней в его ранней поэме “Лукреция”. Тема “Время” было равнодушным, не вмешивавшимся в жизнь и, главное, не препятствовавшим злу. В трагический период “Время” предстает у Шекспира в другом виде. Оно само покалечено, “вышло из суставов”, как говорит Гамлет, тоже оказывается не в силах противостоять злу. В “Зимней сказке” “Время” оказывается могущественной целительной силой.

Давно замечено, что в композиции “Зимней сказки” Шекспир, всегда вольно обращавшийся с временем действия, дошел до крайнего нарушения драматической структуры. Обычно, какова бы ни была длительность действия, оно в его пьесах является непрерывным. Проходит ли один день (“Комедия ошибок”, “Буря”), около недели (“Ромео и Джульетта”), несколько месяцев (“Гамлет”) или ряд лет (хроники), — мы всегда ощущаем в пьесах Шекспира временную последовательность. В “Зимней сказке” этого нет. После третьего акта действие обрывается и в четвертом акте возобновляется шестнадцать лет спустя.

Об этом перерыве в действии зрителей оповещает пролог, который воплощает Время. Конечно, в этом можно видеть всего лишь примитивный драматургический прием. Но Шекспир вложил в уста актера не только оповещение публики о том, что прошло шестнадцать лет и действие переносится в Богемию. Речь идет не о том, что произошли какие-то события, а о большем — прошло в р е м я, а время способно творить все: оно испытывает всех, принося радость и горе, добро и зло, оно может ниспровергнуть закон и в час единый утвердить или

разрушить обычай. Оно было таким испокон веков и остается таким теперь, оно — свидетель всего, что происходит.

Идея вечного текущего времени отнюдь не связана здесь с мыслью о бренности, а только с представлением о постоянной изменчивости, переходе от добра к злу и обратно — от зла к добру. Обычай рушатся, но утверждаются новые. Старые законы отвергаются, уступая место другим. Мир меняется, и в его постоянных переменах залог возможной победы добра.

Это именно и происходит в “Зимней сказке”. Образ “Времени” обретает здесь, таким образом, глубокое значение, соединяя нравственно-этические и социальные идеи пьесы в концепцию прогресса жизни, протекающего в борьбе двух противоречивых начал добра и зла. Для Шекспира теперь существенно не то, что есть зло и что оно могущественно, но что добро — не случайный гость в этом мире, а постоянная и самая животворная сила бытия. Она и придает жизни ее действительную цену и смысл. И мы видим в сказке Шекспира, что только добро и может принести счастье. Это не новая для Шекспира мысль. Новым является акцент. Если раньше в трагедиях Шекспир изображал “праведность на службе у порока” (66-й сонет), то теперь он рисует добро, освобождающееся из-под ига зла.

Разглядев и услышав эти социально-философские мотивы в “Зимней сказке”, мы, однако, сделали бы ошибку, уподобив пьесу морализирующему произведению. Меньше всего этого хотел сам Шекспир. Его мысль глубоко растворена в образах и ситуациях пьесы, которая является не просто сказкой, а сказкой поэтической. Один современный критик предлагает смотреть на пьесу именно таким образом, и тогда “отдельные этапы действия предстанут перед нами как следующие друг за другом части, различные по настроению и темпу, как это бывает в симфонии” (Д.Траверси).

Да, это поэтическая симфония, и только исходя из такого понимания пьесы, можно преодолеть трудности постановки ее в современном театре, ибо попытка понять “Зимнюю сказку” как реалистическую драму неизбежно приведет к художественной неудаче.

Сказка, поэма, симфония — только через эти понятия раскрывается нам сущность шекспировской пьесы, иначе она покажется произведением не только странным, но и просто плохим. Лишь забыв, что Шекспир реалист, поймем мы то реальное и жизненное содержание, которое было им вложено в это причудливое создание его художественной фантазии.

А. Аникст

Примечания к тексту “Зимней сказки”

К с. 235. **Действующие лица.** — В именах персонажей наблюдается пестрое смешение греческих (Леонт, Поликсен, Гермiona и др.), латинских (Мамиллий) и даже итальянских (Паулина и др.). Имя Флоризель придумано Шекспиром на основе латинского (или романского) корня *flor* — цветок, цветущий. Крестьянин был назван у Шекспира, подобно могильщикам в “Гамлете” или деревенскому парню в “Антонии и Клеопатре”, *clown*, т.е. “деревенщина”, “простак”, “шут”.

К с. 254. *...ей подвластны и юг и север, запад и восток.* — Согласно астрологическим воззрениям, планеты оказывали влияние на судьбу лишь в определенных сочетаниях и условиях; по мнению ослепленного ревностью Леонта, “планета сводничества” действует повсюду и в любых положениях.

К с. 329. *...они подкинули мне младенца.* — Существова-

ло поверье, что феи иногда выкрадывают полюбившееся им человеческое дитя и подкидывают на его место собственное. Такой подкидыш фей упоминается также в “Сне в летнюю ночь”.

К с. 332. *Пятнадцать лет я не был на родине.* — Небрежность Шекспира: только что перед этим (IV, 1,) хор возвестил, что истекло шестнадцать лет.

К с. 384. *Важная особа, я это вижу по его зубочистке.* — Зубочистка во времена Шекспира была французской модой, лишь недавно занесенной в Англию и получившей распространение среди аристократии.

К с. 407. *...недавно законченный труд знаменитого мастера Джулио Романо.* — Джулио Романо был итальянским живописцем (1482 — 1546), и нет никаких данных полагать, чтобы он когда-либо занимался скульптурой.

К с. 420. *От верной Паулины я узнала, что Аполлон предрек тебе спасенье...* — Неточность со стороны Шекспира: Гермiona присутствовала, когда читали изречение оракула.

“Буря”

Пьеса была впервые напечатана в фоллио 1623 года. Текст ее дошел до нас в хорошем состоянии. Несмотря на то, что “Буря” после “Комедии ошибок” — самая короткая из шекспировских пьес (2058 строк), некоторые критики полагают, что кое-что в дошедшем до нас тексте добавлено каким-то другим автором. Думают, например, что эпилог, а также вся “маска” с античными богами и духами (IV, 1, после появления Ириды, особенно же песни Юноны и Цереры) не принадлежат Шекспиру. Все это, однако, маловероятно. Краткость пьесы скорее всего объясняется тем, что она была напи-

сана для постановки в придворном театре, где спектакли были короче, чем в городских театрах.

По своему стилю и общему характеру (принадлежность к жанру трагикомедии и определяемая этим пышность и живописность) “Буря” несомненно относится к последнему периоду творчества Шекспира, тесно примыкая к “Периклу”, “Цимбелину” и “Зимней сказке”. Известно, что “Буря” была представлена шекспировской труппой в придворном театре 1 ноября 1611 года. По всей вероятности, это была первая постановка пьесы, которая была написана незадолго перед тем.

В мае 1613 года “Буря” снова исполнялась при дворе во время празднеств по случаю бракосочетания дочери Иакова I принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха. Хотя о других ранних постановках ее сведений не сохранилось, однако, судя по ряду упоминаний о ней у современников, можно предполагать, что пьеса пользовалась успехом.

Узловой момент действия пьесы, определивший ее заглавие, — буря, разбившая корабль поблизости от Бермудских островов, — был подсказан Шекспиру действительным событием его времени. В 1609 году английская эскадра под начальством адмирала Джорджа Сомерса, плывшая в Виргинию, первую английскую колонию в Америке, потерпела жестокое крушение около Бермудских островов. Адмиральский корабль дал течь и спасся от гибели только благодаря тому, что Сомерсу удалось сделать благополучную высадку на берегу одного из островов, усеянном острыми скалами.

В 1610 году вышло в свет описание этой экспедиции, в котором, между прочим, рассказывается: “Сэр Джордж Сомерс сидел на корме при свете звезд и, считая, что спасение невозможно, ежеминутно ожидал, что пойдет ко дну. Вдруг он завидел землю, — по мнению капитана Ньюпорта и его

собственному, это не могло быть не чем иным, как только берегами тех ужасных Бермудских островов, которые у всех народов слыли зачарованными, населенными дьяволами и ведьмами, так как около них вечно гремел гром, сверкали молнии и бушевали ужаснейшие бури. Все побережье было усеяно крайне опасными подводными скалами, вследствие чего к нему невозможно было приблизиться без риска потерпеть кораблекрушение". Все это соответствует описанию острова в шекспировской пьесе.

Что касается сюжета пьесы, прикрепленного к этой обстановке, то прямой источник его до сих пор не разыскан. В сюжетном отношении к "Буре" чрезвычайно близка немецкая драма XVI или самого начала XVII века (точная дата неизвестна) Якоба Айрера (ум. в 1605 г.) "Прекрасная Сидея".

Трудно допустить, чтобы пьеса Айрера могла получить известность в Англии, поскольку на знакомство с этим автором по ту сторону Ла-Манша нет никаких указаний. Основываясь на том, что Айрер нередко обрабатывал сюжеты пьес, привозимых в Германию странствующими английскими труппами, исследователи предполагают, что и "Буря" и "Прекрасная Сидея" восходят к какой-то более старой английской пьесе, до нас не дошедшей.

Делались попытки искать сюжетный источник шекспировской пьесы и в других направлениях. Было, например, отмечено, что в одном из рассказов книги испанского писателя Антонио де Эславы "Зимние вечера" (1609) изображается король-волшебник, вынужденный вместе с дочерью удалиться в изгнание за море; в те же места попадает и сын гонителя короля, влюбляющийся в дочь последнего, и дело оканчивается браком между молодыми людьми, примирением их отцов и восстановлением изгнанного короля на престоле.

Большое сходство с “Бурей” представляют также четыре сравнительно недавно опубликованных сценария итальянских комедий импровизации, особенно один из них — “Три сатира”, где изображается, как потерпевшие кораблекрушение моряки пристают к острову, над которым властвует “великий маг”. Моряки ухаживают за туземками, а туземцы принимают прибывших иноземцев за богов (подобно тому как Калибан обожествляет Стефано). На этой почве возникает ряд комических сцен. Между прочим, двое туземцев крадут волшебную книгу “мага” (подобно тому как Стефано и Тринкуло хотят похитить книги Просперо). В другом сценарии, очень близком по сюжету, “Панталончино”, маг, подобно Просперо, в конце концов отрекается от своей волшебной власти. Хотя рукописи этих сценариев датируются лишь 1618 — 1622 годами, они почти несомненно являются переработками более старых сценариев, которые вполне могли получить известность в Англии благодаря старым связям между английскими актерскими труппами и труппами итальянской комедии импровизации.

Вполне возможно, что Шекспир использовал для своей пьесы два источника, которые он скомбинировал между собой: какой-нибудь итальянский сценарий, вроде “Трех сатиров” или “Панталончино”, и старую пьесу (или, может быть, какую-нибудь новеллу, вроде упомянутой испанской новеллы), послужившую источником и для Айрера. Из первого он заимствовал всю обстановку действия, изображение туземцев и матросов, а вместе с тем разные комические эпизоды, из второй — служение духов волшебнику, историю любви молодых людей и примирение их родителей.

Утрата этих источников не позволяет нам судить о характере обработки Шекспиром заимствованного им материа-

ла, но искусство его сказывается уже в том, что пьеса его, построенная из довольно разнородных материалов, производит впечатление полного стилистического и сюжетного единства.

“Буря” — единственная пьеса Шекспира, в которой почти полностью соблюдено единство места и вполне, даже с избытком, — единство времени. Из нескольких мест пьесы (I, 2; и V, 1) следует, что все действие происходит в течение примерно четырех часов.

Мы охарактеризовали творчество Шекспира, отметив в его поздних творениях черты, приближающие их к модному в то время жанру трагикомедии. Такой трагикомедией была, по существу, и “Буря”, представляющая собой живописное и развлекательное зрелище, где отсутствуют большие гуманистические проблемы и героическая борьба за лучшие идеалы, уступая место мягкой гуманности и духу всепрощения. Центральное место в “Буре” занимает образ “мудреца” Просперо (prospero — по-итальянски — “счастливый”, с оттенком: “блаженный”, “безмятежный”), который своей великодушной волей и глубокими познаниями в магии (конечно, “белой магии”, направленной на извлечение из природы всего доброго и целебного, а не зловещей и губительной “черной магии”) обуздывает эгоистические побуждения в себе и в других, в конце концов направляя судьбу всех окружающих к их собственному и общему благу. Но все это происходит уже без борьбы и конфликтов (как в прежних трагедиях или в наиболее глубоких, “проблемных” комедиях Шекспира), разыгрывается как по нотам по мановению волшебного жезла Просперо, знающего наперед, когда и что ему надо предпринять и чем это кончится.

И потому истинным ключом к пониманию этой чудес-

ной комедии, венца всех последних пьес Шекспира и завершения в известном смысле всего его творческого пути, является, пожалуй, не логическая, а музыкальная ее интерпретация. Не случайно вся пьеса в гораздо большей степени, чем все остальные творения Шекспира, симфонична, являясь игрой звуков, песен, стонов, радостных и печальных: рев морских волн, завывание ветра, стоны бури, шепот леса, шорох человеческих шагов в зарослях или по песчаному берегу — все то, что мы слышали в звуках вдохновенной увертюры-фантазии Чайковского “Буря”. Голоса природы — голоса мироздания...

Но ни на миг не замолкают у Шекспира и голоса человеческие — голоса гнева, обиды, жалобы, восхищения, любви. И есть в “Буре” еще один, первостепенной важности момент. Здесь Шекспир отразил в прямой и развернутой форме одно из крупнейших исторических явлений своей эпохи: политику колониальной экспансии, столь существенную для процесса первоначального капиталистического накопления, и все связанные с нею общественно-моральные проблемы. Ответ его на все это характеризуется двойственностью, отражающей сложность позиций Шекспира в этот последний период его творчества.

Старший современник Шекспира, французский гуманист Монтень, настроенный отрицательно к поднимающейся вокруг него феодальной реакции, реагировал в своих “Опытах” (1588) на новую для того времени картину жизни американских дикарей идеализацией ее, фантазией о блаженной жизни первобытных людей, не знающих насилия, чинов и рангов, корыстных влечений, раздирающих общество культурных европейцев. Еще раньше из описаний жизни дикарей почерпнул краски Томас Мор для набросанной им в “Утопии” (англ. изд. 1551) картины идеального устройства человеческого общества, где нет ни государственной власти, ни част-

ной собственности, ни тяжелой нужды, ни угнетения человека человеком. Несколько иначе на все это реагирует Шекспир в своей “Буре”. Он как будто оправдывает, даже обосновывает методы колониальной политики с закабалением туземцев, изображая Калибана как существо по природе своей тупое и злобное, умственно и морально неполноценное, годное лишь на то, чтобы таскать дрова да подвергаться за свою строптивость телесным наказаниям, а Просперо — как “естественного” его повелителя, истинного “культуртрегера” далеких стран.

Как мало похоже это решение “расовой проблемы” на то, которое Шекспир намечал ранее в “Венецианском купце” и в “Отелло”!

Однако Шекспир не мог до конца отречься от своих старых позиций. Наряду с указанным решением вопроса в пьесе мелькает другая точка зрения, ему противоположная. Любопытна прежде всего фантазия Гонзало (самого разумного и “положительного” персонажа в пьесе после самого Просперо), развиваемая им сразу же после того, как он и его спутники попадают на остров (II, 1). Подобно Монтеню (послужившему здесь Шекспиру прямым источником), он также мечтает о создании на этом острове государства, где не будет ни денег, ни торговли, ни чинов, ни наследства, ни “огораживания” (злоба дня тогдашней экономически развивающейся Англии), ни даже правительства... Слушатели поднимают Гонзало на смех, но остроты их тупы и плоски, как сами они, и симпатии автора и читателей — целиком на стороне Гонзало.

Но еще важнее другое: замечательный показ методов “колонизаторов” в той сцене, где Стефано опаивает Калибана, который за “божественный” напиток выражает готовность стать навеки его рабом и предоставить ему все естественные богатства своего острова.

Водка и бич плантатора — таково гениально вскрытое Шекспиром резюме миссионерско-культуртрегерских методов первоначального накопления в применении к “дикарям”. И еще замечательно другое: изображение бунта Калибана. Сначала он упрощенно и нескладно выражает свой протест Просперо, за этим следует прямое восстание. Правда, не во имя абсолютного освобождения (в данной ситуации оно Калибану недоступно, хотя он сильнее всего мечтает о нем), а только ради замены одного хозяина другим, “худшего”, по его понятиям, “лучшим”. Но все равно: им владеет порыв к свободе.

Интересно, как осуществляется это восстание. Калибан, Стефано и Тринкуло отправляются убивать Просперо. По дороге Ариэль развешивает красивые одежды, которые прельщают обоих европейцев. Калибан в отчаянии, он умоляет своих спутников не соблазняться этим тряпьем, не задерживаться, а прямо идти к главной своей цели — свободе. Но уговоры его бессильны. Калибан оказывается на голову выше Стефано и Тринкуло. Только он один одушевлен порывом к свободе, только он один — настоящий мятежник.

Шекспир, несомненно, не мог долго удержаться на новых, частично вынужденных позициях, так противоречивших мироощущению и художественному методу цветущей поры его творчества. Чувствуя, в какое нестерпимое противоречие с самим собой он попал, он предпочел расстаться со сценой и уйти в частную жизнь стратфордского горожанина и семьянина. Решение его было, конечно, сознательным. Правы те критики, которые видят в “Буре” прощание Шекспира с театром. Это придает пьесе оттенок глубокой грусти, сконцентрированной в образе Просперо. Соединив Миранду и Фердинанда, обеспечив им и себе счастливое будущее, он сразу же после великолепной феерии, показанной обрученным, впада-

ет в печальное раздумье, предсказывая наступление момента, когда весь мир разрушится и все, что было так прекрасно и так нас радовало, исчезнет без следа.

Хотя духи, казалось бы, могли служить Просперо с пользой для него и на родине, он все же, покидая остров, отпускает их навсегда. И тот же пониженный, грустный тон слабого, отрекшегося от своей власти и от борьбы человека слышится в эпилоге пьесы, который произносит Просперо.

Остров и духи, говорят критики, — это та сцена и то служение искусству, с которым расстается Шекспир. Весьма возможно. Но в более глубоком плане уход Просперо с острова — признание великого писателя и борца в глубокой усталости, охватившей его, в утрате им веры в возможность победы и в уходе в мир сказки и музыкальной фантазии.

А.Смирнов

Примечания к тексту “Бури”

К с. 425. Д е й с т в у ю щ и е л и ц а. — *Прóсперо* — итальянское (как почти все имена в этой пьесе), означает: “счастливый”. *Калибан* — как думают, не что иное, как измененная форма слова “каннибал”; по другому предположению, имя это взято из цыганского языка, на котором “cauliban” означает черноту. Имя *Тринкуло* явно родственно немецкому слову “trinken” — “пить” и французскому “trinquier” — “чокаться”. *Миранда* — “достойнейшая удивления”. Имя *Ариэль* — древнееврейского происхождения: в средневековой раввинской литературе так называется один из ангелов; причиной выбора этого имени для обозначения “воздуш-

ного” Ариэля явилось, без сомнения, созвучие его с итальянским “агіа”, английским “аіг” — “воздух”.

К с. 433. *Но помоги мне снять мой плащ волшебный!*— Сила Просперо как волшебника зависит от его чудесного плаща.

К с. 447. *Бермудские острова* находятся в Атлантическом океане, на северо-восток от Антильских. В начале XVII века были колонизованы англичанами из Виргинии. В этом районе часто бывают бури. Здесь одна из нередких у Шекспира географических вольностей: пересекая Средиземное море, флот неаполитанского короля оказался у побережья Америки.

К с. 454. *...зловредная роса, что мать собирала пером совиным с гибельных болот!*— О ведьмовском колдовстве подобного рода рассказывается в латинском трактате того времени “О свойствах вещей” (1582). Там же упоминается вредоносный юго-западный ветер, о котором говорит дальше Калибан.

К с. 458. *Сетебос*.— Согласно Идену, автору “Истории путешествия в западную и восточную Индию” (1877), этим именем патагонцы называли своего “главного дьявола”.

К с. 463. *...погиб миланский герцог вместе с сыном...*— По-видимому, небрежность Шекспира: сын миланского герцога в тех сценах, где выводятся спасшиеся от кораблекрушения, не упоминается.

К с. 473. *Дидона* — карфагенская царица, история которой рассказана в “Энеиде” Вергилия (песнь IV); часто упоминается в произведениях Шекспира.

К с. 478. *Устроил бы я в этом государстве...*— Вся эта речь Гонзало об идеальном устройстве человеческого общества является прямым отражением того места из “Опытов” Монтеня (кн. I, гл.30), где дается картина морально чистой жизни дикарей, близкой к состоянию первобытного коммунизма.

Огораживание — насильственное изгнание крестьян с земли, которую присваивали себе помещики, — одна из форм первоначального накопления капитала в Англии (а также и в других странах).

К с. 481. *А потом бы поохотились с факелами на птиц.* — Во времена Шекспира практиковалась ночная охота на птиц при факелах.

К с. 492. *Они то корчат рожи, как мартышки...* — Все это описание мучений, причиняемых духами, заимствовано Шекспиром из книги Харснета "Обличение отменных папистских плутней" (1603).

К с. 493. *Будь я сейчас в Англии — а я там был однажды — да показывай я эту рыбу...* — Во времена Шекспира в Англии показывали за деньги заморские диковины, а также привезенных из Америки туземцев.

К с. 496. *Здесь у меня есть что-то — оно развяжет тебе язык, киска.* — Намек на английскую пословицу: "От хорошей выпивки и кот заговорит".

К с. 497. *Нет, надо уходить, у меня нет длинной ложки.* — Намек на пословицу: "Хочешь есть с дьяволом, запасайся длинной ложкой" (ибо иначе он будет перехватывать у тебя твою долю).

К с. 498. *...она показывала мне тебя, твой куст, твою собаку.* — По народному поверью, пятна на луне изображают фигуру Каина или какого-то другого великого грешника, осужденного жить на луне. Он якобы стоит там неподвижно около куста.

К с. 522. *Живые куклы* — намек на театр марионеток или кукольный театр.

Единорог — баснословное животное, описанное многими древними писателями и играющее значительную роль в

средневековых легендах. Его изображали в виде коня с черным рогом посреди лба.

Феникс — в древнеегипетской мифологии птица, сжигающая себя каждые 500 лет и возрождающаяся из пепла; символ вечного возрождения.

К с. 524. **Гарпия** — в античной мифологии чудовище, имевшее вид птицы с женской головой. Гарпии мучили людей и, отличаясь прожорливостью, похищали и оскверняли их пищу. Предполагается, что Ариэль — гарпия — пожрал все яства.

К с. 533. **Маска** — так во времена Шекспира назывались музыкально-драматические произведения на условно-мифологический сюжет.

Ирида — в греко-римской мифологии богиня радуги и вестница. **Юноны** — покровительницы женщин и брака.

...летят ее павлины. — Павлин считался священной птицей Юноны.

Церера — богиня плодородия.

К с. 534. **Плутон** — бог подземного царства; по воле богини любви Венеры и ее сына Купидона влюбился в дочь Цереры Прозерпину и похитил ее.

Пафос — город на острове Кипре, считавшийся местопребыванием Венеры.

К с. 549. *Вы, крошки эльфы, что при лунном свете в незримой пляске топчете траву, которую потом обходят овцы!* — По народному поверью, кружки очень яркой и сочной травы, попадающиеся на равнинах Англии, являются местом, на котором ночью танцуют эльфы и феи; скот будто бы не ест этой “замороженной” травы.

СОДЕРЖАНИЕ

Цимбелин. <i>Перевод П.Мелковой</i>	5
Зимняя сказка <i>Перевод В.Левика</i>	233
Буря. <i>Перевод Мих.Донского</i>	423
Примечания и комментарии	571

Вильям Шекспир

**Полное собрание сочинений
в 14 томах**

Том 12

Редактор А. Любимов

Технический редактор А. Дубецкий

Художественный редактор И. Сайко

Корректоры Е. Шишкова, И. Левтонова

Сканирование и обработка Григорий Дерюгин

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 24.10.95. Формат 70х108 1/32

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 20,3.

Тираж 15 000 экз. Заказ 821.

Издательский центр «ТЕРРА». 113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

**Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Комитета
Российской Федерации по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.**

